

Нижегородский краевед. Выпуск 1

Нижегородский краевед

Выпуск 1

Центр краеведческих исследований

ISBN 978-5-9905333-4-9

9 785990 533349

2015

ОБЩЕСТВО «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД»

ЦЕНТР КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИМОМИ ННГУ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД

Сборник научных статей

В ы п у с к 1

Нижний Новгород
2015

УДК 908 (470, 341)
ББК 63.3 (2Рос – 4НН)
Н60

Книга издана при содействии автономной некоммерческой
организации культуры «Нескучный Нижний»

Редакционная коллегия:
Ф.А. Селезнев (ответственный редактор),
С.М. Ледров, И.Г. Горностаева

Рецензент
к.и.н., начальник отдела историко-культурных исследований
НИП «Этнос» *А.И. Давыдов*

Нижегородский краевед: сборник научных статей. Выпуск 1 /
Н60 отв. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород, 2015. – 200 с.

ISBN 978-5-9905333-4-9

В сборнике представлены статьи, посвященные истории Нижегородско-
го края с древнейших времен до XX в., а также публикации исторических до-
кументов и воспоминаний.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей,
краеведов, экскурсоводов.

УДК 908 (470, 341)
ББК 63.3 (2Рос – 4НН)

ISBN 978-5-9905333-4-9

© Коллектив авторов, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нижегородское краеведение имеет богатейшие традиции. И, тем не менее, сегодня краеведы разобщены. Даже специалисты часто не ведают, чем занимаются их коллеги. Издательства не знают тех авторов, которые могут поставлять действительно качественный краеведческий продукт. Органы власти не имеют четких критериев при определении экспертов по истории и культуре Нижегородского края.

Общество «Нижегородский краевед» пытается эту разобщенность преодолеть. Оно хочет стать той площадкой, на которой бы находили друг друга краеведы разного уровня и статуса. Для этих встреч должны быть поводы. Мы их создаем. Наш традиционный формат – краеведческие чтения. Они проводятся с сентября по май каждую последнюю среду месяца в Нижегородской областной библиотеке (Варварка, 3). Краткий обзор краеведческих чтений 2012–2014 гг. подготовила их секретарь Л.Е. Кудрина.

Мы осваиваем Интернет-пространство. Это нужно, чтобы привлечь молодое поколение. Молодежь днюет и ночует в социальных сетях. И мы идем туда. Общество «Нижегородский краевед» обзавелось своей страничкой в социальной сети «ВКонтакте» – самой популярной у молодежи.

Наш партнер – Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского, продолжающий славные традиции кафедры истории России и краеведения университетского истфака. Совместно с ним мы проводим конкурс молодых историков-краеведов, основными участниками которого являются университетские студенты-историки.

Наш новый общий проект – сборник «Нижегородский краевед». Мы хотим, чтобы он сочетал в себе академичность научного ежегодника и доступность популярного краеведческого издания. На его страницах мы рады видеть и корифеев нижегородского краеведения, и молодых исследователей.

Особый раздел сборника предназначен для научной публикации источников по истории Нижегородского края. Надеемся, что этот раздел будет положительно оценен не только учеными или студентами-историками, но и учителями истории, экскурсоводами, краеведами-любителями.

Мы хотим, чтобы сборник был полезен профессионалам и интересен любителям. Уверены, что и тем, и другим, будет любопытно взглянуть на список новых краеведческих книг, увидевших свет в по-

следние годы. Его подготовила специально для нашего сборника заведующая отделом краеведческой литературы НГОУНБ И.Г. Горностаева.

Сборник является официальным органом общества «Нижегородский краевед». Поэтому одна из наших целей – привлечь внимание к деятельности общества. Мы помещаем устав общества «Нижегородский краевед», отчет о его работе, список почетных членов организации. Главная задача сборника совпадает с уставной целью общества. Это «изучение и пропаганда историко-культурных, социально-экономических и этнографических особенностей и традиций жителей нижегородской земли, ее топонимико-географической среды, а также объединение, развитие и координация деятельности нижегородских краеведов».

Редакционная коллегия

К ВОПРОСУ О ПРОСХОЖДЕНИИ НИЖЕГОРОДСКИХ ТОПОНИМОВ «ДЯТЛОВЫ ГОРЫ» и «ПОЧАЙНА»

Ф.А. Селезнев

Одним из проявлений исторической памяти народа является устное народное творчество, прежде всего легенды, предания, исторические песни. Записи этих материалов, относящиеся к нижегородской истории, были в свое время подготовлены к публикации Н.В. Морохиным и теперь находятся в распоряжении краеведов [5; 10].

Следует, однако, подчеркнуть, что историк должен с осторожностью относиться к фольклорным известиям. Особенно это касается легенд о происхождении названий населенных пунктов, рек и т.п. Здесь чаще всего мы встречаемся с вымыслом, как попыткой объяснить ставшие непонятными древние топонимы. Тем не менее нужно признать, что многие предания об исторических событиях являются отражением, пусть, иногда, искаженным, реальных событий. Задача ученого – выявить историческую основу легенды. Она становится особенно значимой, если письменные источники по данному периоду скудны или отсутствуют.

Это относится, например, ко времени основания Нижнего Новгорода. Для реконструкции событий, сопутствовавших возникновению города, очень важно уяснить обстоятельства появления топонимов «Дятловы горы» и «Почайна». Специальных работ, посвященных названию реки Почайны, насколько мне известно, нет. Что касается Дятловых гор, то недавно были опубликованы посвященные им статьи А.А. Кузнецова [4] и А.В. Данилова [3]. А.В. Данилов, подробно разобрав местоположение отдельных Дятловых гор, сделал вывод о том, что пока невозможно уверенно доказать как древнее происхождение топонима «Дятловы горы», так и противное [3, с. 40]. А.А. Кузнецов, наоборот уверен, что название «Дятловы горы» позднее и возникло в XVI веке. В качестве доказательства в его работе приводится следующая цепочка соображений: впервые название Дятловы горы встречается в «Книге Большому чертежу» (1627); с учетом того, что первая «Книга Большому чертежу» была создана вскоре после 1552 г., то первое упоминание Дятловых гор нужно отнести к этому времени; таким образом можно датировать появление названия «Дятловы горы» XVI веком [4, с. 24].

Подобная логика не кажется убедительной. Возникновение топонима и его фиксация в дошедшем до нас письменном источнике могут отстоять друг от друга во времени очень далеко. М.В. Седова в этой связи справедливо указала: «В процессе археологических работ было установлено, что многие из владимирских городов, упоминаемых летописью сравнительно поздно, в действительности были основаны и существовали в домонгольские времена. Таковы, в частности, Звенигород, Микулин, Перемышль, впервые названные в письменных источниках только во второй половине XIV в.» [13, с. 7].

Специфика «Книги Большому чертежу» в том, что она служила практическим руководством для «государевой службы посылок». Анализ ее текста, пишет, А.В. Данилов, показывает, что составители упоминали «горы» в качестве ориентиров основных путей сообщения [3, с. 40]. Разумеется, в подобном случае должны были указываться устойчивые и общеизвестные, а, значит, давно существующие ориентиры. К таковым, надо думать, относились и Дятловы горы.

Аргументом в пользу древности топонима «Дятловы горы» является опубликованное в 1845 г. П.И. Мельниковым сказание о мордвине Скворце, который жил «где теперь стоит Нижний Новгород». У него были друзья, тоже мордвины – Соловей (тот самый который «связан был Ильей Муромцем») и чародей Дятел. «Умер Дятел в глубокой старости, и похоронил его Скворец на горе, на устье Оки-реки, и прозвалось то место Дятловы горы» [7].

А.А. Кузнецов ошибочно назвал эту легенду мордовской [4, с. 24]. Между тем в «Очерках мордвы» (1867) П.И. Мельников прямо написал, что это сказание – русское, и найдено им «лет двадцать назад в одном рукописном сборнике XVII столетия». Затем в 1855 г. П.И. Мельников, по его словам, слышал вариант этой легенды в селе Нижний Ландех Владимирской губернии от безрукого нищего певца старика Антона Яковлева. Мельников здесь делает любопытное добавление: в устном предании Яковлева мордвин, живший на устье Оки, именуется не Скворцом, а Соколом. Далее Мельников пишет: «Замечательно, что в Нижнем Новгороде, повыше Дятловой горы (вверх по течению Оки), подле так называемого Гребешка, гора, отделяемая от сего последнего оврагом, называется Соколом» [8, с. 285–286].

Эту легенду пересказали Н.И. Храмцовский [14, с. 25] и А.С. Гациский [1, с. 44–45]. А.А. Кузнецов считает ее недостоверной. «Текстологический анализ этих текстов, – пишет А.А. Кузнецов, – позволил датировать их создание XVIII–XIX вв.»; «возможно их автором был сам П.И. Мельников» [4, с. 24]. Непонятно, однако, какой именно текст анализировал А.А. Кузнецов. Если тот, который впервые был опубли-

кован в 1845 г. в «Нижегородских губернских ведомостях», то его автором, естественно был Мельников. Он, как редактор, заботился о наполнении газеты занимательным «контентом». Но текст из рукописного сборника конца XVII в. был тяжел для восприятия читателя середины XIX в. и содержал темные места. Например, про Скворца там было сказано «он же Месегетянин» [9, с. 449]. Поэтому в газетной публикации Мельников просто пересказал содержание имевшегося в его распоряжении источника. При этом никаких оснований думать, что редактор «Нижегородских губернских ведомостей» выдумал эту легенду, у нас нет. Во всяком случае, убедительных аргументов в пользу этой своей догадки А.А. Кузнецов не привел.

Не выдерживают критики и сомнения А.А. Кузнецова в древности топонима «Дятловы горы». Возможность того, что он сохранился со времени основания Нижнего Новгорода, А.А. Кузнецов отрицает, только потому, что, как ему представляется, после нашествия Едигея (1408) и казанских набегов первой трети XVI века произошла «почти тотальная смена нижегородского населения». Следовательно, память о названии «Дятловы горы» (если бы оно существовало с XIII века) должна была прерваться [4, с. 24–25].

Однако археологические данные показывают, что с XIII века люди непрерывно жили в районе Дятловых гор (в тех или иных местах). Письменные источники свидетельствуют, что живые нижегородцы остались и после набега Едигея. Сохранялась и преемственность древних названий. Так, название реки Почайны явно восходит к временам основания Нижнего Новгорода и, вероятно, связано с крещением живших здесь славян-язычников.

Наличие на территории современного Нижнего Новгорода (но не на месте кремля, а выше по Оке, или ниже по Волге) в начале XIII века древнерусского (славянского) населения, жившего в небольших рыбацких деревушках, судя по данным археологии, вполне возможно. Об этом свидетельствуют находки, сделанные на селище Слуда и при раскопках грунтового могильника у больницы им. Н.А. Семашко.

Селище Слуда датируется X–XIII и XIV–XVII вв. Там найдены глиняные грузила, используемые при рыбной ловле. Славянский могильник у больницы им. Н.А. Семашко можно датировать X–XIII веками [11, с. 132, 139]. Оставившие его люди, сохраняли или полную приверженность к язычеству, либо сильные языческие пережитки. Об этом свидетельствует сделанный В.Ф. Черниковым анализ находок. На дне погребений обнаружены уголь с золой, кости животных, что характерно для языческих обрядов. Нательные крестики есть только в детских захоронениях. Могильник напоминает погребения вятичей [15]. Важно отме-

тить, что потомками вятичей по предположению В.Ф. Черникова и В.А. Загребина было основано и селище Павлово I [11, с. 332].

В этой связи следует указать на один важный факт. Находившийся в окружении Юрия Всеволодовича епископ Владимирский и Суздальский Симон посвятил одно из своих литературных произведений, вошедшее в Киево-Печерский патерик («О святем священномученице Кукъши и о Пимене постънице»), подвигу проповедника Кукши, крестившему вятичей.

Поводом для написания сочинений Симона, включенных в Патерик, было письмо инока Поликарпа с жалобами на жизнь в Киево-Печерском монастыре. В ответ Симон адресовал Поликарпу рассказы из жизни печерских святых с поучительными выводами из них. Послание Симона к Поликарпу было написано в 1125 или 1126 годах. [12, с.394–395]. Тогда же, видимо создается и слово «О святем священномученице Кукъши и о Пимене постънице». Иначе говоря, это произведение было создано вскоре после основания Нижнего Новгорода.

Почему Симон особо вспомнил о Кукше? На мой взгляд, это произошло неслучайно. Симон, побывав в только что заложенном Нижнем Новгороде, конечно, должен был, подобно Кукше, призвать язычников-вятичей к обращению в христианство. Возможно, именно в память об их крещении и получила свое имя Почайна. Ведь в речке с таким же названием крестил язычников Владимир Красное Солнышко.

Итак, мы имеем полное право полагать, что речку Почайну назвали так еще в XIII веке. Почему же тогда не мог с XIII в. сохраниться топоним «Дятловы горы»?

Если верить упомянутой выше легенде, опубликованной П.И. Мельниковым, это название произошло от имени погребенного здесь мордовского чародея Дятла. То, что у данного предания может быть действительная основа косвенно подтверждает песня, записанная в XIX веке у нижегородской мордвы-терюхан местным священником. Эта запись через нижегородского епископа Иакова в 1848 году оказалась у П.И. Мельникова. Отметим, что в распоряжении ученых имеется вариант этой песни, записанный через тридцать лет в другом терюханском селе и с ним совпадающий, что подтверждает добросовестность Мельникова [10, с. 265].

Песня начинается словами: «На горах, на горах-то на Дятловых Мордва богу молиться». К какому времени относятся описываемые в ней события? Сам П.И. Мельников признавал, что упоминание в песне «Мурзы московского царя» отсылает к реалиям XVI века. Однако, по мнению писателя, «правдоподобнее относить содержание песни ко времени св. Андрея Боголюбского», ибо «какая же молящаяся своему

богу мордва могла быть в Нижнем Новгороде при Грозном, когда в нем было до 40 церквей с монастырскими?» [9, с. 450]. С этой логикой нельзя не согласиться.

Итак, фольклорный источник, подлинность которого несомненна, изображает Дятловы горы местом языческих молений мордвы. В этом свете название данного места в память о похороненном здесь мордовском чародее (жреце) Дятле представляется весьма естественным.

Как же это название узнали русские? Следует отметить, что рядом с мордовским мольбищем находилось место молений славян-язычников. Это поле, напротив Гребешка (горы, где находится Благовещенский монастырь), называемое «Ярило». Вот что писал о нем А.М. Горький: «Жандармский ключ бежал по дну глубокого оврага, спускаясь к Оке, овраг отрезал от города поле, названное именем древнего бога – Ярило. На этом поле по Семикам, городское мещанство устраивало гулянье; бабушка говорила мне, что в годы ее молодости народ еще веровал Яриле и приносил ему жертву: брали колесо, обвертывали его смоленой паклей и, пустив под гору, с криками, песнями, следили – докатится ли огневое колесо до Оки. Если докатится, бог Ярило принял жертву: лето будет солнечное и счастливое» [2, с. 265]. Сейчас здесь небольшой скверик (слева от дома № 31 по Малой Покровской улице). Во время красного террора тут совершались массовые расстрелы, о чем напоминает поклонный крест.

«Ярило» появилось позднее мордовского мольбища и славяне, должно быть, узнали от мордвы, что место, где находится это поле, называется «Дятловы горы».

Можно твердо полагать, что Дятловы горы до основания Нижнего Новгорода не были заселены ни мордвой, ни славянами. Это было место для молений – сначала мордовских, потом – славянских. Естественно название такого места прочно закрепилось в памяти людей. Но поскольку оно имело связь с язычеством, то не попало в письменные источники. И лишь в «Книге Большому Чертежу» было зафиксировано как общеизвестный на бытовом уровне ориентир.

Поле «Ярило», располагалось напротив как Гребешка, так и горы Сокол. Последнее название, видимо, родилось благодаря особенностям конфигурации этой горы. Два «птичьих» топонима, когда память о реальном жреце Дятле стерлась, не могли не породить народную этимологическую легенду, в которой нашлось место еще одному популярному в фольклоре персонажу с «птичьим» именем – Соловью-разбойнику. Этот изначальный вариант (с Дятлом, Соколом и Соловьем) рассказывал Антон Яковлев. Но явно не вписывающийся в названную компанию хищник Сокол при последующих рассказах превратил-

ся в Скворца. Именно этот вариант и мог попасть в рукописный сборник конца XVII в., оказавшийся у П.И. Мельникова. (Не исключено, что эта рукопись сгорела во время пожара на квартире писателя в Петербурге в 1862 году).

Таким образом, у нас есть основания полагать, что топоним «Дятловы горы», как и топоним «Почайна», возник не позднее XIII века.

Источники и литература

1. *Гациский А.С.* Нижегородка // Гациский А.С. Нижегородский летописец. – Нижний Новгород, 2001.

2. *Горький М.* В людях // Горький М. Детство; В людях; Мои университеты; Пьесы. – М., 1984.

3. *Данилов А.В.* Дятловы горы // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических трудов. Выпуск 13. – Нижний Новгород, 2013.

4. *Кузнецов А.А.* Дятловы горы – история оронима // Наследие Рождественской стороны. – Нижний Новгород, 2012.

5. Легенды и предания Волги-реки: Сборник / сост. В.Н. Морохин. – Нижний Новгород, 2002.

6. *Макарий, арх.* Памятники церковных древностей. – Нижний Новгород, 1999.

7. [*Мельников П.И.*] Легенда об основании Н. Новгорода // Нижегородские губернские ведомости. 1845. Часть неофиц. № 3. 20 янв.

8. *Мельников-Печерский П.И.* Очерки мордвы // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / сост.: Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. – Нижний Новгород, 2011.

9. *Мельников-Печерский П.И.* Предания в Нижегородской губернии // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский) / сост.: Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. – Нижний Новгород, 2011.

10. Нижегородские исторические песни: Сборник / под ред. Н.В. Морохина. – Нижний Новгород, 2000;

11. *Николаенко Т.Д.* Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 2. М., 2008.

12. *Ольшевская Л.А.* Симон // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / отв. редактор Д.С. Лихачев. – Л., 1987. С.394–395.

13. *Седова М.В.* Ярополч Залесский. – М., 1978.

14. *Храмцовский Н.И.* История и описание Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород, 1998.

15. Черников В.Ф. Могильник в Н. Новгороде близ больницы имени Н.А. Семашко // Записки краеведов / сост.: Н.И. Куприянова, Л.И. Шиян. – Н. Новгород, 1991.

К ИЗУЧЕНИЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА «ГОРОДОК» И ВЫЯСНЕНИЮ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

Ю.В. Сочнев

История Нижегородского края давно занимает свое достойное место в общеисторическом процессе нашей страны. Однако, как хорошо известно, комплекс источников по средневековому периоду Нижегородского краеведения не слишком обширен. Расширение информационной базы возможно, и, к счастью, активно происходит благодаря работе археологов. В последние десятилетия изучались различные объекты, и среди них исторический памятник в черте Нижнего Новгорода, названный археологами «Городок». В «Государственных списках недвижимых памятников истории и культуры Нижегородской области» он зафиксирован под двойным названием: городище «Городок», селище «Городок». Данный памятник был обнаружен в 1988 г. нижегородским археологом А.Ю. Рогачевым на правом берегу реки Оки, приблизительно в 800 м. выше ее слияния с рекой Волгой, недалеко от храма адвентистов седьмого дня на ул. Шевченко. С тех пор на его территории неоднократно проводились археологические разведки и обследования, а в 2003 и 2004 гг. значительная его часть была раскопана экспедицией под руководством Н.Н. Грибова. Этот же исследователь опубликовал результаты археологического изучения памятника и высказал ряд своих соображений относительно его атрибуции и исторической судьбы [1; 2, с. 141–155]. Его выводы были широко подхвачены сначала нижегородскими археологами, а затем стали повторяться и в среде нижегородских краеведов.

На интерпретацию исторической судьбы вышеуказанного археологического объекта «Городок», по всей видимости, повлияла дискуссия в нижегородском краеведении о времени основания Н. Новгорода, где в качестве одного из ключевых аргументов фигурирует так называемый «Старый городок», упоминаемый в царской грамоте 1593 г. как топографический ориентир на берегу р. Оки, а также летописные известия 40-х гг. XV в. о «Старом» и «Меньшом Нижнем Новгороде».

Конечно, престижно изучить объект и представить результаты, которые смогли бы разом разрешить споры историков и краеведов. Однако выводы относительно особенностей функционирования «Городка» и его исторического значения, предложенные Н.Н. Грибовым, не всегда достаточно аргументированы и далеко не бесспорны.

С методологических позиций одна из самых главных претензий к исследованиям Н.Н. Грибова – уж очень часто используются внешние, голые аналогии без реального анализа имеющихся в распоряжении современного исследователя исторических источников. Если бы такой анализ проводился, неизбежно стала бы «вылезать» неудобная информация и на ее основе возникать острые вопросы. Справедливости ради следует отметить, что изучаемые проблемы весьма сложны, и далеко не все связанные с ними вопросы, на имеющемся на данный момент материале, полностью разрешимы. В связи с этим, обратим к нижегородским археологам призыв объединить усилия в изучении этих проблем. К сожалению, такое сотрудничество не очень характерно для нижегородской историко-краеведческой среды.

Сомнения и возражения в основном вызывают некоторые общеисторические выводы, сформулированные Н.Н. Грибовым. Археологическая часть работ, обобщающая результаты проведенных под его руководством раскопок, напротив, представляется достаточно серьезной, аргументированной и обоснованной. Автор данной статьи, хотя и имеет давний опыт общения в этой среде, не считает себя специалистом и не стремится на равных спорить с опытным археологом, да это и не нужно, поскольку, по нашему мнению, археологические исследования были выполнены вполне профессионально, и выводы в этой части в основном убедительны.

Далее, исходя из небольшого объема публикации, немного отступим от академических подходов и рассмотрим дискуссионные вопросы по четырем группам:

- 1) историческая судьба археологического объекта «Городок»;
- 2) возможность определения археологического объекта «Городок» как резиденции Нижегородских наместников;
- 3) «Городок» и «Меньшой Нижний Новгород» – правомерность отождествления;
- 4) соотнесение объекта «Городок» со «Старым городком», известным из царской грамоты 1593 г.

В своих статьях Н.Н. Грибов определил тип изучаемого поселения как мысовое городище, рассматривая его в дальнейшем как крепость-осаду, существовавшее со второй половины 40-х – нач. 60-х гг. XV в. и до начала XVI в. [1; 2, с. 149; 152]. Такие оценки были крити-

чески восприняты некоторыми нижегородскими археологами, справедливо указывавшими на слабую доказательность в определении изучаемого археологического объекта как городища (городка), а уж тем более крепости [3, с. 32–40]. Следы укреплений на объекте, на данный момент, не обнаружены и в целом степень его защищенности и тип поселения определены весьма гипотетично. В этом вопросе Н.Н. Грибов пока лишь опирается на поздние и косвенные данные, отнюдь не археологические.

Поддерживая посыл критиков Н.Н. Грибова в необходимости более серьезной аргументации в этом вопросе, в то же время считаем возможным в целом поддержать его общий вывод, несмотря на риск возможного использования в определенной перспективе против наших исторических построений. Скорее всего, изучаемый объект действительно был укрепленным пунктом, в значительной степени с военнизированным характером жизни на нем, что определенно следует из особенностей археологического материала обнаруженного на данном памятнике. Обратим внимание на некоторые документы и информацию, которые, как представляется, могут быть полезны для понимания особенностей функционирования укрепленного поселения, которое далее будем называть «Городок».

Особенности топографии местности, где расположен «Городок», определяли его значение для обороны Нижнего Новгорода в XV в. Укрепленный пункт в данном месте мог прикрывать не только подступы к городу вдоль реки Оки, что было важно в связи с периодическим разрушением во время половодья прибрежных укреплений, но и обеспечить контроль за движением по одной из ключевых дорог, ведущей из Нижнего Новгорода в Муром. Взглянув на карту города, мы увидим, что система оврагов, и сейчас хорошо видимая, а в средневековье еще более масштабная, активно этому способствовала. Такое расположение «Городка» было удобно не только для обороны города, но также и для выполнения определенных административных и таможенных задач.

Кроме того, данное укрепление осуществляло прикрытие перевоза через Оку, который существовал в XV в. вблизи нижегородского Спасо-Благовещенского монастыря. Об этом свидетельствует жалованная грамота 1446 г. великого князя Дмитрия Юрьевича архимандриту этого монастыря Малахии. Этим актом в числе других монастырю была предоставлена и следующая льгота: «А князи мои и воеводы ратные в том монастыри, ни у их людей не ставятся, ни мои наместники, ни их тиуни. Или пошлю кого тамо на свою службу, на великого князя, и они под монастырем у них не ставятся, ни перевоза себе не чинят, ни судов, ни людей монастырских на перевоз себе не емлют» [4, с. 204].

Защита перевоза, обеспечивавшего устойчивую связь с левым берегом Оки, где в рассматриваемое время уже полным ходом велось хозяйственное освоение прибрежных земель, была для нашего города крайне важна как в мирное, так и особенно в военное время. Кроме того, исходя из особенностей местности на левом берегу Волги напротив центра Нижнего Новгорода, можно предположить, что начало пути в Городец также было связано с указанным перевозом вблизи Благовещенского монастыря. Все это в совокупности определяло стратегически важное значение данного участка пригородной территории Н. Новгорода для обеспечения обороны города, а также для осуществления городских административных и таможенных функций. Поэтому появление вблизи него некоего укрепленного пункта вполне логично и ожидаемо.

При выяснении факторов, способствовавших возникновению «Городка», следует также учесть роль Благовещенского монастыря в жизни нашего города и края в XV веке. Эта духовная обитель в указанное время являлась неотъемлемой частью городской системы и одновременно одним из ключевых пунктов в механизме московского управления всем Нижегородским Поволжьем. Обитель принадлежала к числу домовых митрополичьих монастырей, земли которых были собственностью московской кафедры. Поэтому управление его богослужebными и хозяйственными делами осуществлялось непосредственно митрополитом, а не местными церковными и административными властями. Как видно из патриарших и великокняжеских грамот XV – XVI вв., Благовещенский монастырь играл важную роль в обеспечении материальных нужд кафедры главы русской церкви. В XV в. сам монастырь и принадлежащая ему слобода выше по течению Оки еще не были защищены системой городских укреплений, что, безусловно, делало актуальным появление укрепленного пункта, способного обезопасить подступы к его владениям с юго-западного направления.

Еще одно обстоятельство способствовало возникновению своеобразного военизированного поселения в непосредственной близости от Благовещенского монастыря и его владений – тяготы постоя войск во время военных действий. С конца 30-х гг. XV в. начинаются регулярные походы русских войск против Казани, и нередко местом сбора войск, частью двигавшихся по Оке, был район Нижнего Новгорода. Показателен в этом плане поход 1469 г., когда по приказу великого князя против восточного недруга было собрано большое войско, в состав которого, по сообщению Софийской II летописи, входили московские, муромские, угличские, ярославские, костромские и др. рати [5, с. 166–167]. Постой войск всегда был довольно тягостен и обременителен для гражданских домовладельцев, в том числе и для монастырских

дворов в Благовещенской слободе. Вышеуказанная льготная грамота прямо свидетельствует, что власти Благовещенского монастыря стремились избежать воинского постоя. Многотысячное войско, судя по летописному сообщению, располагалось на берегах именно Оки. Но где же могли размещаться воины? Простые ратники могли жить на берегу в палатках и на судах, ну а командный состав, формировавшийся из высшего сословия, все же стремился, как это видно, например, из рассказов иностранцев, к более-менее комфортным условиям размещения. Так, где же могли жить, причем порой довольно длительный срок, командиры отрядов остававшихся в Нижнем Новгороде и в его предместьях? Очень вероятно, что в специализированном военизированном укрепленном поселении на берегу Оки, имевшем, судя по описанию Н.Н. Грибова, не такие уж малые размеры. Сейчас мы детально не говорим о причинах этого, констатируем лишь территориальное совпадение района размещения войск и местонахождения «Городка».

Перейдем к возможности интерпретации этого военизированного поселения как «резиденции московской великокняжеской администрации в порубежном Н. Новгороде» [1; 2, с. 152]. У последователей Н.Н. Грибова этот вывод трансформировался в более конкретную и исторически еще более значимую оценку «Городка» как резиденции нижегородских наместников, по меньшей мере, на протяжении всего XV в. Именно в такой интерпретации, как уже общепризнанный результат, автору данных строк довелось это слышать в докладе И.В. Ануфриевой на VI конференции памяти В.Ф. Черникова. Однако в самих публикациях Н.Н. Грибова, строго говоря, никакого конкретного обоснования данного вывода нет. Он подается как само собой разумеющийся результат, вытекающий из анализа археологических находок. Но приводимые в статьях оценки в лучшем случае могут подтвердить лишь военизированный характер жизни на данном поселении, использование его для реализации отдельных административных (например, таможенных) функций и только. Ни о каком долговременном расположении здесь высшей административной власти в Нижегородском крае речи идти не может. Такой важный общеисторический вывод требует гораздо более серьезного обоснования не только на основе археологического материала и связанных с ним туманных аналогий, но и тщательного анализа имеющихся письменных источников.

Недостаток аргументации в этом аспекте Н.Н. Грибов пытается компенсировать отождествлением «Городка» и «Меньшого Нижнего Новгорода», известного из летописных сообщений. Этот логический прием позволяет автору развернуть свои выводы и говорить, что его возникновение: «... было связано с передачей этому поселению неко-

торых важных городских функций. Вполне вероятно, что в середине – второй половине XV в. именно это новое поселение на берегу р. Оки с “расквартированным” военным гарнизоном служило административным центром нижегородской земли, тогда как Нижний Новгород Старый, в котором сохранялись главные местные святыни – каменные Михаило-Архангельский и Спасо-Преображенский соборы, заложенные почти одновременно с основанием города еще в XIII в., оставался, преимущественно, средоточием культурной и религиозной жизни» [1; 2, с. 153].

Вывод не только интересный, но даже революционный. Хотелось бы задать вопрос его автору, любящему использовать историко-археологические аналогии, а где в средневековой Руси еще наблюдалось подобное явление? Может в Новгороде или в Москве? И как это в практическом плане было вообще осуществимо, учитывая символическую составляющую верховной власти? Эта неотъемлемая часть властных отношений прекрасно заметна и сейчас, например, в том, где размещается резиденция главы нашего государства, а тем более она была весьма действенна в средневековом обществе. Приведенные Н.Н. Грибовым результаты археологических исследований не развеивают возникающих сомнений, без исследования письменных источников опять не обойдешься.

После процитированного выше вывода в статье Н.Н. Грибова, для его подтверждения, дается короткая цитата из летописи, повествующая о начале похода в мае 1469 г. против Казанского ханства [1; 2, с. 153]. Но проблема в том, что прочтение всего летописного сообщения обнаруживает полное отсутствие упоминаний о каких либо представителях московских властей в Нижнем Новгороде, да и вообще о жизни города. В нем речь идет только о воинах, прибывших по приказу великого князя в наш город для подготовки к походу, и их командирах. По традиции перед началом боевых действий были совершены торжественные молебны в главных храмах Нижнего Новгорода, являвшегося местом сбора войск [6, с. 282; 5, с. 166–167]. Вот и весь сюжет! Как это может подтвердить передачу некоторых важных городских функций «Городку», понятно, видимо, только Н.Н. Грибову.

Еще один аргумент «против» связан с безопасностью столь важного административного центра, каким пытаются представить «Городок». Нижегородский край в XV в. был пограничным, что определяло высокие риски различных нападений и прочих военных действия. Напомним, что наличие укреплений на «Городке» археологическими изысканиями не было выявлено, а сам Н.Н. Грибов на основе поздних картографических данных обосновывал существование укреплений

только в виде короткой оборонительной линии «на перешейке мыса, защищенного со всех остальных сторон обрывистыми бортами склонов» [1; 2, с. 149]. Подобного вида укрепления могли эффективно защищать поселение в раннее средневековье, но не в XV в., когда уже был накоплен большой опыт по штурму различных крепостей, а во время боевых действий массово применялось огнестрельное оружие. В этих условиях размещение на длительный период в «Городке» никак не могло обеспечить безопасность представителям высшей административной власти в Нижегородском крае, что было чревато потерей управляемости территорией и прочими негативными последствиями.

Можно отметить и еще одно обстоятельство, свидетельствующее против выводов Н.Н. Грибова: в летописях, сообщающих об обороне летом 1445 г. «Меньшого Нижнего Новгорода» от татар, отмечен и итог событий – бегство двух воевод к московскому великому князю, которые «градъ же сжегши, понеже изнемогша съ голоду» [5, с. 170]. А судя по статьям Н.Н. Грибова, следы пожара на изучаемом объекте отмечены лишь в верхних слоях и относятся к началу XVI в. [1].

Как считает их автор, «Городок» прекратил существование именно в это время в результате какой-то внезапной катастрофы и больше не возобновлялся. Важно отметить, что именно в начале XVI в. в непосредственной близости от места расположения «Городка», практически через овраг, были построены стены нового городского укрепления, защищавшего посадские строения Нижнего Новгорода. Появление этой более мощной и надежной системы защиты Нижнего Новгорода делало ненужным восстановление «Городка».

Теперь затронем вопрос об отождествлении «Городка» с «Меньшим Нижним Новгородом». В своих статьях Н.Н. Грибов прямо формулирует такой вывод, но при этом вновь не проводит необходимого разбора письменных источников, а просто ссылается на мнение В.А. Кучкина [1; 2, с. 153]. Такая позиция автора не убеждает, особенно потому, что приводимое мнение московского исследователя является одним из результатов комплексного разбора сведений письменных источников о Нижнем Новгороде 40-х гг. XV в. [7, с. 230–231]. Взаимозависимые итоги этого разбора далеко не во всем совпадают с выводами Н.Н. Грибова в частности с отождествлением «Городка» также со «Старым городком», но последний этого предпочитает не замечать. В отличие от убедительного определения В.А. Кучкиным местоположения «Старого Нижнего Новгорода», локализация им «Меньшого Нижнего Новгорода» где-то на берегу Оки выглядит мало аргументированной. Использование направления движения московских войск в качестве главного критерия в этом процессе, представляется далеко не бес-

спорным. Здесь ощущается проявление полемического настроения исследователя в ущерб объективности. Но нижегородского археолога ничто не смущает и он, основываясь, по сути, на предположении, хотя и известного историка, выдвигает свое предположение. «По совокупности признаков – наличию укреплений, расположению на правом берегу р. Оки в 1,5 км от старой (XIII–XIV вв.) нижегородской крепости, меньшим размерам (0,7 га; площадь нижегородского детинца – около 20 га), датировке в пределах периода середины XV – начала XVI вв., наличию социально престижного инвентаря, оружия и воинского снаряжения, с городищем Городок можно отождествить Нижний Новгород Меньший, известный по сообщению 1445 г. Софийской второй летописи» [1; 2, с.153].

В данном случае отождествляющие признаки выглядят достаточно спорными, если не сказать произвольными. Главным должен быть анализ летописного сообщения, содержащего информацию о «Меньшом Нижнем Новгороде», но его нет. Неопределенность с наличием укреплений «Городка» выше уже отмечалась, нахождение на берегу Оки видимо выдвигается во главу угла только потому, что об этом писал В.А. Кучкин, ну а малая площадь поселения, хронология существования и социально престижный инвентарь сами по себе не предполагают безусловной одновариантной трактовки.

Осмелимся выдвинуть свое объяснение указанных сведений, несмотря на грозящий обрушиться на его автора шквал критических нападок. Здесь, еще раз подчеркнем, ключевым является внимательное прочтение именно летописных статей. В ограниченных рамках данной публикации привести в исчерпывающем варианте всю аргументацию не представляется возможным, поэтому постараемся сделать это в кратчайшее время в отдельной статье. Сейчас же, в общем виде изложим суть гипотезы.

Сведения о «Старом» и «Меньшом Нижнем Новгороде» дошли до нас в составе летописных сводов XV и более поздних веков. Профессиональный анализ их соотношения был сделан В.А. Кучкиным [7, с. 223–231], что облегчает нашу задачу. С выводами этого известного историка относительно месторасположения «Старого Нижнего Новгорода» нужно согласиться. Наш оппонент, безусловно, прав, когда утверждает, что под этим названием в 40-х гг. XV в. понимался Нижегородский кремль [8, с. 94]. Однако после того как было выполнено его исследование, появилось довольно много новой информации о средневековом Нижнем Новгороде, в частности уточняющих расположение древоземляных укреплений детинца и посада.

Для решения рассматриваемого вопроса очень важными оказываются результаты обследования части территории Нижегородского кремля, проведенные в 1989 г. под руководством Т.В. Гусевой. В ходе охранных археологических работ были обнаружены и исследованы остатки древних укреплений, идущие с севера на юг под зданием современной комендатуры от Коромысловой башни вдоль оврага, по которому проходит Ивановский съезд, к волжскому откосу. На основе этих результатов исследователь осторожно заключила, что «в восточной части современной кремлевской территории располагался древний посад, а Спасский собор находился на посадской земле» [9, с. 22–23]. Сопоставление этих результатов с топографией нижегородского кремля позволяет говорить о том, что древние укрепления, располагавшиеся внутри современных каменных стен, возможно, возникли в разное время и делились Ивановским оврагом на две части. К заключению об изначально двухчастной структуре древнего Нижнего Новгорода склоняется и санкт-петербургский археолог В.А. Лапшин, работавший в Нижегородском кремле [2, с. 147]. Соотнося эти сведения с летописными известиями о нашем городе 40-х гг. XV в., в которых отразились местные традиции кремлевских названий, можно предположить, что «Старым Нижним Новгородом» в указанное время именовалась часть Нижегородского кремля на Часовой горе, а «Меньшим Нижним Новгородом» его восточный Спасский сегмент. Таким образом, вышерассмотренные локализации наших оппонентов представляются не точными.

В заключение коснемся еще одного отождествления, предлагаемого Н.Н. Грибовым. Он считает возможным отнести информацию о «Старом городке», содержащуюся в вышеупомянутой царской грамоте 1593 г., к изучаемому «Городку». «Привязка старого городка и места оползня в Нижегородском летописце к берегу р. Оки (а в Рогожском летописце места оползня – к Благовещенскому монастырю) позволяет предположить, что в основе представлений о старой крепости автора Нижегородского летописца и составителя грамоты 1593 г. лежал один и тот же объект, реальным археологическим эквивалентом которого является городище Городок. Связанное с ним поселение в середине XV в. было известно как Нижний Новгород Меньший» [1]. Как видим, столь сложный и запутанный высказыванием противоречивых версий вопрос решен только на основе предположения археолога. Автору данной статьи неловко претендовать на какой-то разбор собственных построений по этой проблеме, хотя ссылка на статью где они изложены имеется, но вот игнорирование мнения того же В.А. Кучкина, на работы которого вроде бы готов опереться Н.Н. Грибов, удивительно. Еще

раз отметим, что ведущий московский историк считает сведения о «Старом Нижнем Новгороде» и «Старом городке» относящимися к Нижегородскому кремлю [8, с. 94]. К этому можно добавить существование и других мнений по данному вопросу [10; 11]. Выяснить, кто же оказывается прав, Н.Н. Грибов предоставляет читателю, не особенно заботясь об усилении своей позиции. Нам представляются сомнительными обе вышеотмеченные версии. «Старый городок» нельзя отождествлять ни с Нижегородским кремлем, ни с изучаемым в данной работе «Городком». Разрешаться этот вопрос может только на основе конкретного и тщательного анализа информации, извлекаемой из грамоты 1593 г. и связанных с ней других источников с обязательной привязкой к ориентирам на местности. Сейчас нет возможности излагать свои аргументы, но в перспективные научные планы автора данной статьи уже включена подготовка специальной работы для разрешения рассматриваемого вопроса.

Обобщая вышеизложенное, отметим важность и значимость работы по изучению археологического объекта, коротко именуемого «Городок». Это укрепленное поселение на окраине средневекового Нижнего Новгорода, едва ли являлось в долговременной перспективе отдельной резиденцией высших административных властей в нашем крае, скорее всего это было предградное укрепление. Оно имело важное оборонительное значение особенно в XV в., когда отсутствовала третья внешняя линия укреплений Нижнего Новгорода. С ее появлением исчезла необходимость в «Городке», и он прекратил свое существование. Выгодное стратегическое расположение данного укрепленного пункта вблизи дорог и перевоза через Оку способствовало его использованию для реализации некоторых административных функций. Несмотря на наши критические замечания по отношению к ряду выводов и оценок, высказанных Н.Н. Грибовым в связи с изучением «Городка», нельзя отрицать вклад этого исследователя в изучение истории Нижегородского края. С уверенностью можно говорить, что его работы и статьи по-прежнему будут вызывать повышенный интерес у ученых, студентов и у всех любителей истории.

Источники и литература

1. *Грибов Н.Н.* Нижний Новгород в XV веке: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarch.ru/gribov1.htm> (дата обращения: 21.05.2014).

2. *Грибов Н.Н., Лапшин В.А.* Нижегородский кремль в XIII–XIV и XV веках // Археологические вести. – М., 2008. № 15.

3. *Гусева Т.В.* Фальшивые брильянты мнимой истории // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории / сост.: О.С. Аржанова, А.А. Кузнецов, А.В. Морохин. – Нижний Новгород, 2012.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. – М., 1951. Ч. 1.
5. Софийские Летописи / ПСРЛ. Т.6. – СПб., 1856.
6. Московский летописный свод конца XV века / ПСРЛ Т.25. – М.; Л., 1949.
7. *Кучкин В.А.* О Нижних Новгородах – «Старом» и «Меньшом» // История СССР. 1976. № 1.
8. *Кучкин В.А.* Основание Нижнего Новгорода // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: материалы второй областной научно-практической конференции 5–6 декабря 2001 года. – Нижний Новгород, 2002.
9. *Гусева Т.В.* Археологическое исследование Нижнего Новгорода. Итоги и перспективы // Город славы и верности России. – Нижний Новгород, 1996.
10. *Чеченков П.В.* К вопросу о местонахождении “Старого городка” в Нижнем Новгороде: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Chechen.htm> (дата обращения: 21.05.2014).
11. *Чеченков П.В.* Новая песня о «старом» // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории / сост.: О.С. Аржанова, А.А. Кузнецов, А.В. Морохин. – Нижний Новгород, 2012.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ РАЗНОГО ЭТНИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В 1630-е гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖЕГОРОДСКОГО И АЛАТЫРСКОГО УЕЗДОВ)

М.И. Балыкина

Социальная и этническая структура русского общества XVII века была довольно сложной по своему составу. Это касалось и социальной группы служилых людей «по отечеству», то есть тех, кто нес службу по наследству, от отца к сыну. В данной работе рассматриваются отношения между русскими дворянами, детьми боярскими и служилыми людьми иных этнических групп в Нижегородском и, отчасти, Алатыр-

ском уездах. В работе использованы как опубликованные документы – акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря, поземельные и иные акты по Нижегородскому уезду [1; 2; 3], так и неопубликованные источники: следственное дело по тяжбе о земле, дело о выезде литовцев на службу к русскому царю [4; 5].

Следует отметить, что историография вопроса невелика. Общая информация о службе иноземцев в России в XVII веке, в том числе и их правовое положение содержится в работах Т.В. Черниковой [6], О.Г. Усенко [7] и С.П. Орленко [8; 9]. Вопросы службы иноземцев в Нижегородском уезде рассматриваются в статье О.В. Скобелкина [10], но в ней не затрагивается проблема разрешения конфликтов между служилыми людьми разных этнических групп. Что же касается рассмотрения конфликтов между русскими и местными инородческими представителями служилых корпораций, то эта тема еще ждет своего кропотливого и внимательного исследования. В данной статье сделана попытка рассмотреть конфликты между служилыми людьми разного этнического происхождения, испомещенными в Нижегородском и Алатырском уезде, с целью понять, могла ли быть эта разность этнической принадлежности причиной конфликтов или в значительной степени повлиять на их разрешение в пользу той или иной стороны.

Представителей иных (нерусских) этнических групп в Нижегородском и соседнем с ним Алатырском уезде условно можно разделить на две категории: служилые мурзы местного происхождения (в основном мордовского и татарского) и иноземцы (литва, немцы, шведы, шотландцы), перешедшие на службу к русскому царю.

Для изучения поставленной проблемы рассмотрим яркий пример конфликта в сфере земельных отношений между нижегородским губным старостой Григорием Григорьевичем Теряевым и мордовскими служилыми мурзами Алатырского уезда. Этот конфликт тянулся с 1629 по 1639 год. Для понимания сути дела следует пояснить, что в это время в территорию нижегородской губы (то есть условного территориального округа, находящегося в уголовных делах под юрисдикцией нижегородского губного старосты) входила и часть соседнего Алатырского уезда, населенного преимущественно мордвой. В 1629 году Г. Теряеву попало на рассмотрение дело мордовских служилых мурз, братьев Н. Чемаева и К. Чемаева, обвиняемых в воровстве и разбое. Чтобы избавиться от уголовного преследования и наказания, Чемаевы дали старосте взятку – оформили закладные грамоты на 25 лет на свое поместье в деревне Княжой Алатурского уезда. Г. Теряев тут же населил деревню своими крепостными крестьянами, приведенными из других его поместий и вотчины. В 1634 году еще один брат Чемаевых –

Семен, стал соучастником убийства жителя соседней деревни. Братья решили пойти по уже известному пути и для освобождения Семена опять предложили взятку Григорию Теряеву, на тот момент получившему повышение – он стал дьяком Разбойного приказа в Москве. Своих поместий у них уже не осталось, поэтому Чемаевы, очевидно с согласия, а возможно и с подачи самого дьяка, совершили прямой подлог – оформили закладные на имя Теряева на земли 28 (!) служилых мурз, которые об этой сделке ничего не знали. На документах были проставлены известные братьям «знамена» (специальные знаки, которые ставились вместо подписей) этих служилых мурз. Таким образом, 28 мурз якобы передали дьяку Теряеву на оброк на 25 лет 1280 четвертей земли в трех деревнях – Княжой, Рындиной и выселка из Рындиной. Очень грамотный дьяк позаботился о том, чтобы закладные оброчные записи были оформлены с соблюдением всех требований делопроизводства. Более того, в закладных записях было указано, что мурзы будто бы получили за это 850 рублей, а неустойка в случае досрочного возврата земель была записана в 1600 рублей (большая сумма для того времени) [4, л.1–46]. Правительство было очень заинтересовано в том, чтобы алатырские мордовские мурзы, несущие службу в приграничных землях, могли обеспечить себя всем необходимым для службы. Поэтому, когда из Алатыря начали поступать челобитные о «насильстве» дьяка Теряева, обманом захватившего поместные и вотчинные мордовские земли, царь был обеспокоен. Алатырский воевода Петр Стрешнев также сообщил, что выгнанные из деревень мурзы бросили службу и «скитаются с женами и с детьми по лесу, а в дома свои от их Григорьева людей Теряева разорения прити не смеют и помирают на лесу голодную смертию» [4, л. 8].

Расследование тянулось несколько лет. В следственном деле сохранились десятки документов, описывающих, как дьяк Григорий Теряев силой и обманом пытался заставить мурз отказаться от иска. Здесь находим и запугивания, и заковывание в цепи челобитчиков, и угрозы утопить их [4, л. 64]. Часть мурз, не выдержав давления, отказались от иска, но наиболее упорные, во главе с А. Вачмановым и Л. Тумаевым добились рассмотрения дела царем Михаилом Романовым [4, л. 54].

В апреле 1635 года царь издал указ, гласящий что «арзамаским мурзам и татарам и иных городов ... поместий своих московским из городов дворянам и детям боярским и всяких чинов людям не сдавати и не меняти, и не продавати, и в заклад и в наем никому не давати, ... и самим ис тех своих поместей ...никуда не бегати, и от служб не отбывати » [4, л. 84]. Таким образом, царь попытался не только разрешить данный конфликт, но и принял меры к пресечению возможности воз-

никновения подобных дел в будущем. К 1638 году мордовским мурзам, которые до конца добивались справедливости, по царскому указу были возвращены их земли и имущество.

Существовала ли национальная подоплека в этом конфликте? Полагаем, что ее не было. Исследователи, изучающие актовые материалы XVII века хорошо знают, что в архивах хранится огромное количество спорных дел о земле, участниками которых с обеих сторон являются русские служилые люди. И коллизии в этих спорах разворачиваются не меньшие, чем в приведенном деле. Рассмотрев беспристрастно данный конфликт, мы увидим, что преступниками были как мордовские мурзы Чемаевы, так и русский староста (позже дьяк) Г. Теряев. Первые предали интересы своих соплеменников, а второй воспользовался ситуацией для обогащения. Особо можно отметить, что к чести центральной власти, дело было справедливо разрешено в пользу пострадавших мордовских мурз. Таким образом, конфликт имел чисто имущественные корни.

Следует отметить, что в России не существовало какого-либо повсеместного предубеждения к людям других этносов. В рамках понятий изучаемого времени достаточно спокойно относились и к носителям иных вер. Так, когда нужно было, например, свидетельствовать по уголовному делу или приносить клятву государю, то разрешалось клясться согласно с верованиями той или иной этнической группы: мордве разрешали приносить клятву «по их вере по шерти», татары клялись согласно мусульманским обычаям.

Перейдем теперь к сюжету, касающемуся служилых иноземцев. В Нижнем Новгороде уже к началу XVII века их было довольно много. Появились они здесь в ходе Ливонской войны. О.В. Скобелкин, подробно изучивший поименный состав служилых иноземцев Нижегородского уезда на конец 20-х гг. XVII века, насчитал 135 фамилий [8, с.213–215]. В этот список вошли как те иноземцы, которые постоянно служили в уезде, так и те, кто имел в нем поместье, но служил «по московскому списку».

Интересны пути и процесс перехода иноземцев на службу к российскому государю. Как оказалось, среди переходивших на русскую службу, были не только взрослые профессиональные воины, но и юноши, только вступившие или вступающие в службу. В фондах РГА-ДА нами выявлен интересный документ, хорошо иллюстрирующий этот процесс [5]. В 1630 году из польско-литовских земель со службы сбежали в Россию три человека, которые в документе поименованы как Федка Буткеев, Миколайко Марклинский и Ероминка Юревин, самый младший – 14 лет. У литвинов Буткеева и Марклинского отцы были

шляхтичами, служилыми людьми Варшавского повета, Юревин родом был мазур. У двоих из них умерли родители. Все они служили в пахолках, являясь кем-то вроде оруженосцев при шляхтичах. Они бежали в крепость Белую, оттуда в Вязьму, а из Вязьмы их отправили в Москву, для того, чтобы решить, куда их лучше устроить в службу. За этих молодых людей поручились знающие их иноземцы, раньше переехавшие на русскую службу. Поскольку в Нижнем Новгороде в то время существовала большая диаспора служилых иноземцев, то именно сюда и решено было отправить этих людей. За выход им выдали немалое по тем временам жалованье по 5, 4 и 3 рубля, по сукну и по доброму человеку. Старших, Буткеева и Марклинского, велено было устроить в службу с нижегородскими иноземцами на правах полноценных служилых людей, а самого младшего, Юревина, приписали к В. Тупанскому, одному из служилых иноземцев [5, л. 15–20]. Таким образом, на этом конкретном примере видно, что отношение к иноземцам было доброжелательным, правительство стремилось их использовать на службе, не акцентируя внимание на иной этнической принадлежности.

Необходимо отметить, что на службу принимали далеко не всех. Например, в 1628 году царь Михаил Романов и патриарх Филарет отказали в приеме на службу перебежчикам из Швеции, сочтя их ненадежными людьми «потому что они сами сказали, что поехали без отпуску, для того, чтоб не идти на службу» [2, с. 233] (в Швеции – М.Б.). И этот случай далеко не единственный. Не принимали на русскую службу перебежчиков в случае заключения мирного договора со страной их происхождения, чтобы не быть виноватыми в нарушении договора. Для чего даже ставили специальные заставы на границах, как это, например, было в 1631 году в пограничных новгородских землях [2, с. 330–332].

При царе Михаиле Романове принимаемые на вечную службу иноземцы должны были совершить крестоцеловальную запись, в которой обстоятельно перечислялись их обязательства перед государем. В конце записи еще раз подчеркивалось обязательство государю «служити и добра хотети...» [2, с. 436]. По желанию самих служилых иноземцев их могли перекрестить в православие. Так, в актах Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря мы находим документы, в которых иноземцы бьют челом государю о том, чтобы покрестить их в православную веру. «И архимандриту Иеву того иноземца Богдашка дать под начало крепкое и кормити его велети за трапезою с братьею вместе, чтобы ему никакие нужи не было» [1, с. 62]. Эта формулировка повторяется во всех распоряжениях относительно крещения инозем-

цев. Судя по всему, данный обряд по отношению к иноземцам выполнялся в монастыре не так уж и редко.

Перемена веры для иноземцев была очень ответственным шагом и обозначала также переход под покровительство русского царя и отказ от подданства своей родной страны. Но необходимо отметить, что большое количество служилых иноземцев сохраняло свою веру. Адам Олеарий, плывший по Волге в 1636 году отмечал, что в Нижнем Новгороде «мы нашли самых крайних на востоке лютеран, которые могли служить по своей вере в открытой церкви; в то время их община доходила до 100 человек. Многие из них были военные офицеры, шотландцы, частью существовавшие службой великому князю, частью жалованьем мирного времени, а также винокурением, пивоварением и продажей крепких напитков» [11, с. 309]. В процессе разрешения судебных тяжб было положено «иноземцов к вере приводити по их вере» [цит. по: 8]. В вопросах подсудности русское законодательство устанавливало равенство русских людей и иноземцев перед законами Московского государства вне зависимости от вероисповедания.

Рассмотрев комплекс актов приказного делопроизводства, среди которых имеются отказные грамоты по передаче, разделу поместий служилых иноземцев Нижегородского уезда в первой половине XVII века, в том числе и в спорных случаях, мы не находим ни одного прецедента, который хотя бы отчасти мог трактоваться как ущемление прав данной категории населения. В сохранившемся отрывке из дела 1630 года о спорной земле между иноземцем Ю. Бенбриком и Ф. Волынским [3, с. 87] формулировки никак не отличаются от таковых по спорам между служилыми людьми русского происхождения. Более того, наиболее яркие случаи нарушения земельных прав отмечены не со стороны русских служилых людей по отношению к иноземцам, а между самими иноземцами. Так иноземец И. Лукомский захватил земли своих малолетних племянников, что стало поводом к рассмотрению дела [3, с.212–215]. Иноземец И. Морцов всячески противодействовал передаче поместья умершего З. Вестова его сыну [3, с. 202–204]. В актах мы видим, что споры между служилыми людьми и иноземцами происходили в основном на сугубо хозяйственной основе. Это обычный передел поместной земли. В документах мы не находим споров между служилыми людьми, основанных на этнической неприязни, нет там и упоминаний о такой неприязни. В целом положение дел в Нижегородском уезде хорошо вписывается в общероссийский контекст. Глубоко изучивший тему О.Г. Усенко отмечает, что даже в экстраординарных ситуациях (в ходе восстаний) в России к иноземцам подходили с теми же мерками, что и к соотечественникам [7, с. 404].

Таким образом, мы видим, что конфликты, происходившие между русскими служилыми людьми и служилыми людьми – инородцами и иноземцами, носили не межэтнический, а бытовой, хозяйственный характер и проистекали в основном из тех же побуждений и мотивов, что и конфликты между русскими или конфликты внутри иных этнических групп. Служилые люди Нижнего Новгорода были вполне толерантны к служилым людям иных этносов и вероисповеданий.

Источники и литература

1. *Титов А.А.* Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. Т.1. – М., 1898.
2. Акты Московского государства. Т. 1. – СПб., 1890.
3. Нижегородский край в конце XVI – первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства): сб. документов / сост. Б.М. Пудалов. – Нижний Новгород, 2009.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Белгородский стол. Д. 1128.
5. РГАДА. Ф. 210. Оп.17. Д. 31.
6. *Черникова Т.В.* Европеизация России во второй половине XV–XVII веках. – М., 2012.
7. *Усенко О.Г.* Отношение к «немцам» в России XVII века (на примере движений социального протеста // Иноземцы в России в XV–XVII веках: сб. материалов конференций 2002–2004 гг. – М., 2006.
8. *Орленко С.П.* Выходцы из Западной Европы в России XVII века. – М., 2004. [Электронный ресурс]: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3569130>
9. *Он же.* Правовой статус выходцев из Западной Европы в России XVII века // Вопросы истории. 2000. № 6.
10. *Скобелкин О.В.* Нижегородские «немцы» в конце 20-х гг. XVII века // Вестник ННГУ. 2011. № 4 (1).
11. *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию. – М., 2003.

ИЗ ИСТОРИИ ДВОРЦОВОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В НИЖЕГОРОДСКОМ УЕЗДЕ В XVII ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЛАТЕЖНЫХ КНИГ 1600 – 1660-х ГОДОВ)

Л.Ю. Варенцова

Дворцовые земли в феодальной России – это земли, принадлежавшие лично царю и членам царской фамилии [1, с. 16]. Дворцовое землевладение складывается в XII–XV веках, в период феодальной раздробленности на Руси, когда князья были не только носителями верховной власти, но и собственниками своих, лично принадлежавших им земель – доменов, которыми они владели на правах частной феодальной собственности. Князья приобретали земли путем наследования, покупки, мены, захвата [1, с. 16]. Крестьяне, проживавшие на этих землях и несшие в пользу великих князей и царей феодальные повинности, назывались дворцовыми. Их основной обязанностью было снабжать великокняжеский, а позже царский двор, продовольствием. По писцовым книгам XVI века дворцовые земли находились не менее чем в 32 уездах Европейской части страны [2, с. 678]. Дворцовый земельный фонд пополнялся за счет дальнейшего окняжения черных земель и отписки на государя старинных, главным образом боярских и княжеских, вотчин опальных владельцев, выморочных. В связи с развитием поместной системы дворцовыми крестьянами вознаграждались служилые люди по отечеству. В XVII столетии с ростом территории Российского государства увеличилось и число дворцовых крестьян. По переписным книгам 1678 года, насчитывалось 83 тысячи дворов дворцовых крестьян, находившихся более чем в 60 уездах Центра, Урала и Сибири [2, с. 678].

В начале XX века анализ дворцового землевладения в России был проведен профессором А.И. Заозерским в работах: «Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве» [3], «Царская вотчина 17 в.» [4]. К более поздним фундаментальным работам по истории дворцового хозяйства в первой половине XVIII века в России относится исследование Е.И. Индовой [5]. Некоторые правовые аспекты дворцового землевладения в XVII веке описаны в работах российских исследователей М.Н. Тихомирова [6], А.Г. Манькова [7], С.В. Юшкова [8]. Работы академика Ю.В. Готье «Замосковский край в XVII веке» [9] и Я.Е. Водарского «Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в.» [10] дают ценные историко-географические сведения, богатый документальный материал о дворцовом землевладении в Центральной

России. Упоминания о дворцовых землях в Нижегородском Поволжье имеются в работах профессора Н.Ф. Филатова [11]. В целом же история дворцового землевладения в Нижегородском крае остается неисследованной.

Цель данной статьи – рассмотреть процесс эволюции царской вотчины, расположенной в пределах Нижегородского уезда, в XVII веке.

Основными источниками для данного исследования стали платежные книги Нижегородского уезда 1600–1660-х годов. Сохранились платежные книги за 1608 и 1612, 1615, 1619, 1620, 1621, 1624, 1629, 1645, 1646, 1648, 1666, 1668 годы. С 1905 по 1915 год они публиковались Нижегородской губернской ученой архивной комиссией. Значительная часть их вышла под редакцией исследователя истории Нижегородского края, архивиста и археолога, члена НГУАК Александра Яковлевича Садовского (1850–1926). Исключением являются платежные 1608 и 1612 годов. Они изданы «Московским обществом истории и древностей российских» (1846–1918), в числе 264 выпущенных им книг, к 300-летию окончания Смуты в России. Редактировались известным историком, источниковедом, специалистом по социально-экономической истории XIV–XVII веков, академиком Степаном Борисовичем Веселовским (1876–1952).

Наибольшую информационную ценность для нас имеют: «Нижегородские платежные 7116 и 7120 годов» [12, с. 1–284], «Список с нижегородских с приходных с окладных книг государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича, всея Руси всяким денежным доходам и оброчному меду и посопному хлебу против окладные росписи 127 (1619) году» [13, с. 9–127], «Приходная книга Новгородской четверти 1619–1620 гг.» [14, с. 7–141], «Нижегорода платежная всяким денежным пошлинам и оброчным сборам и доимкам 1629 года» [15, с. 1–104], «Нижегорода приходная книга окладным и неокладным денежным доходам 7154–1646 года» [16, с. 1–160], «1666 года. Нижегородского уезда книга деньгам оброчным, полученным с ясачных черемис, с посадов и лавок и дворовых мест, с мордовских деревень» [17, с. 1–138].

Академик С.Б. Веселовский указывал, что «платежными называются книги, содержащие росписи лиц физических и юридических с указанием сошных, вытных и обежных окладов, с которых они должны были платить подати, с указанием оброков, платимых сверх сошного письма» [18, с. III]. Существовали платежные двух типов.

Во-первых, *окладные* книги, которые составлялись по писцовым или дозорным книгам для сбора налогов и раскладки повинностей в

течение ряда лет, вплоть до новых описаний. Они выдавались в воеводскую избу из того приказа, который посылал писцов и ведал данный город и уезд сошным письмом. К числу следует отнести: «Нижегородские платежницы 7116 и 7120 годов» [12], «Список с нижегородских с приходных с окладных книг государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича, всяя Руси всяким денежным доходам и оброчному меду и посопному хлебу против окладные росписи 127 (1619) году» [13], «Нижегорода смета приходу и расходу неокладным и окладным доходам денежным, хлебным и меду 7129–1621 года» [19, с. 312–349], «Нижегорода сметный список приходу и расходу окладным и неокладным и всяким денежным и хлебным и меду доходам и сборам 7132–1624 года» [20, с. 1–38] и др.

Во-вторых, *приходные* книги воеводских изб, в которых фиксировалось поступление с уезда прямых и косвенных налогов [21, с. 202]. Таковыми являются: «123 (1615) года. Нижегородской чети приходная всяким денежным доходам» [22, с. 1–8], «Нижегорода список с приходных книг доходам и сборам денежным и посопному хлебу 1620 года» [23, с. 517–617], «Нижегорода приходная книга окладным и неокладным денежным доходам 7154–1646 года» [16].

Известно, что уже в конце XVI века в Нижегородском уезде находились достаточно серьезные массивы государевых земель: 14 сел, 116 деревень, 70 пустошей. Дозорщиками было учтено 1044 крестьянских двора живущих, 616 пустых дворов и дворовых мест [24, с. 50]. Дворцовые села подразделялись на два основных вида: бортные и посопные (земледельческие). К категории «бортных» относились села Поповское, Вельдеманово, Григорово, Ликеево, Сосновское и прилегавшие к ним деревни, пустоши. Их жители платили в государеву казну по 9 четвертей ржи и овса «посопного хлеба» с каждой выти и денежные платежи по сошному письму. Из пяти бортных сел административным центром считалось село Поповское с церковью Рождества Богородицы. Именно здесь размещался двор государева приказчика. В округе села Поповского находилось 18 деревень и 5 пустошей. Самым крупным по численности населения из бортных сел следует назвать село Ликеево на реке Кудьме, вместе с четырьмя окрестными деревнями оно насчитывало 95 дворов и 102 души мужского пола [24, с. 48].

К категории «бортные мордовские» села отнесены Пумра, Бакшеево, Старые Синбилеи, Большое Теплеевское, Березники, где жила мордва Березопольская, Ватцкая, Запьянская. В сошное письмо мордовская земля не была положена. Видимо, государь жаловал мордовские земли дворянству в поместья. Мордовские земли отличались природными богатствами, и, прежде всего, медом, сенокосными угодьями,

плодородием почвы. Пашенный массив представлял собой 1823 четверти доброй и средней земли. Все окрестные леса – бортные ухажья. Здесь же были пожни-покосы на 18850 копен сена. Следует отметить малодворность мордовских сел: от 4 до 20 дворов. Самое крупное – Старые Симбилеи (20 дворов и 27 душ мужского пола) [24, с. 49].

На особом положении было «бортное заволжское сельцо» Толоконцево на р. Везломе, с церковью Преображения Господня, расположенное на луговой стороне Волги, и 20 бортничьих деревень, к нему примыкавших, общей численностью 59 дворов. Заволжские бортники вместо посопного хлеба платили ежегодно по 12 пудов меда, а иногда вместо меда – деньги (из расчета за каждый пуд меда по 20 алтын, всего 7 рублей 6 алтын 4 деньги да пошлин за доставку денег в столицу 12 алтын) [24, с. 49].

В категорию «посопных» входили 3 села: Слободское, Шахманово, Княгинино. В этих селах у крестьян были самые большие повинности. С каждой выти требовалось платить посопного хлеба по 12 четей ржи и по 12 четей овса. Денежный оброк включал в себя несколько составляющих: «за мелкие доходы», «за посольнич присуд» с выти по 5 алтын; а также «данные», «ямские деньги», «за городовое дело» (по сошному письму, «как государь укажет»). Из посопных сел на первом месте по численности дворов было Княгинино (вместе с 9 деревнями) – 91 двор (95 душ мужского пола), на втором – Слободское – 42 двора (44 души мужского пола), на третьем – Шахманово – 23 двора (24 души мужского пола) [24, с. 49].

В 1608–1612 годах дворцовыми селами Нижегородского уезда считались Павлово, Богородицкое, Ворсма, Давыдово, Вельдеманово, Шахманово, Слободское, Поповское, Сосновское, Ликеево, Григорово.

В начале XVII века одним из крупнейших дворцовых сел Нижегородского уезда было село Павлово на Оке. По сведениям «Нижегородских платежниц 7116 и 7120 годов» оно состояло из непашенной слободы с 99 дворами «лутчих, средних, молотчих людей». Дворцовые бобыли Павлова находились на оброке (31 рубль 6 алтын 1 деньга в год) [12, с. 1]. Пашенные крестьяне Павлова острога платили с 24 вытей (выть – окладная единица в вотчинах, с которой крестьяне облагались повинностями) 17 рублей 24 алтына полтретьи деньги [12, с. 1]. В Павлове за острогом находились 82 лавки, ларь, 2 прилавка, 12 полков, 3 кузницы [12, с. 2].

Дворцовые пашенные крестьяне Нижегородского уезда также платили денежный оброк. Причем его сумма составлялась из нескольких частей: денег «данных», «ямских», «полоняничных», «приметных», «за ямчужную варю», «за наместнич корм», «за мелкой доход»,

«за доводчиков езд», «за хоженое», «за солому, мякину и за ухоботье» [12, с. 1].

Некоторые дворцовые села Нижегородского уезда имели в округе целый комплекс дворцовых деревень. Например, близ Павлова предполагались 17 деревень, а в округе села Богородицкого – 9 деревень.

Кроме того, для всех поселений обязательным был и натуральный оброк – плата рожью и овсом «за государев посопный хлеб». Его отправляли в виде ржаной муки, сухарей, овсяной крупы или толокна [12, с. 125]. Можно было «за государев посопный хлеб» расплатиться и в денежном эквиваленте. Например, село Павлово поставляло ежегодно 291 четь с осминою ржи и столько же овса, на общую сумму 116 рублей 20 алтын [12, с. 94]. Больше всего посопного хлеба поставлялось из села Поповского – по 726 четей ржи и овса [12, с. 93], по 657 четей овса и ржи вывозилось из деревень в округе Павлова [12, с. 94]. Поставки хлеба и денег с дворцовых сел и деревень велись в особый приказ – Нижегородскую четь.

По сведениям платежниц 1615 года в фонде дворцовых земель Нижегородского уезда находилось около 400 сох пашни [22, с. 1], с которых поступало свыше 200 рублей денежных доходов по различным статьям, посопного хлеба свыше 2897 четей ржи, столько же овса [22, с. 4–5]. Отдельно взимался посопный хлеб с дворцовых мордовских деревень в количестве 312 четей [22, с. 6]. Для дворцового посопного хлеба предполагалась еще и особая надбавка «на верхи и на мышед»: на 10 четей хлеба с каждой чети [22, с. 6].

Дворцовые бортные ухозя Нижегородского уезда сдавались в оброчное содержание, особенно в «царских мордовских вотчинах». В 1615 году «за государев царев» оброчный мед было взято с бортников, мордвы и черемис 1042 пуда и 11 гривенок меда, 31 куница, денежных пошлин 22 рубля 10 алтын [22, с. 4]. В платежницах 1646 года упоминается, что деньги за оброчные уголья среди мордвы собирали особые мордовские приказчики [16, с. 66].

В 1614–1620 годах дворцовые земли начали активно раздаваться правительством в качестве поместий и вотчин. Это была политика государства, рассчитанная на укрепление и поднятие мощи боярства и дворянства [9, с. 20]. Так, в платежницах 1615 года отмечается, что дворцовые села Шахманово и Слободское стали поместными землями [22, с. 4]. В платежной книге 1619 года подробная роспись денежных податей и посопного хлеба представлена только для дворцовых крестьян и бобылей Павлова острога с 17 окрестными деревнями [13, с. 16–17].

«Приходная книга Новгородской четверти 1619–1620 гг.» свидетельствует, что дворцовые бортные села Нижегородского уезда в дан-

ные годы получили в вотчинное владение бояре И.И. Шуйский и Д.М. Черкасский. И.И. Шуйскому было выделено село Давыдово, Грудцынские и Шаргальские деревни, а Д.М. Черкасскому – Матюшевская волость. Согласно платежницам 1619–1620 годов, земли царской вотчины, расположенные в Нижегородском уезде, еще более активно раздавались царем Михаилом Федоровичем в качестве поместий. Боярину М.Б. Шеину пожалована в поместье Лукинская волость и село Офонасово, астраханскому царевичу М.А. Кайбулину – село Ликеево с деревнями. Поместья князей С. Шейдякова и Б. Куликова располагались смежно – в селах Поповском и Сосновском [14, с. 7–141].

В платежной книге 1629 года («Нижнего Новгорода платежная всяким денежным пошлинам и оброчным сборам и доимкам 1629 года») также фиксируется передача царских земель вотчинникам и помещикам. Все они получили земельные пожалования из царской вотчины как награду за Московское осадное сидение в приход польского королевича Владислава в 1618 году. Передавались, прежде всего, посполные, бортные села, мордовские земли [15, с. 53]. Вотчинами стали: село Княгинино – у князя А.И. Воротынского, село Вельдеманово – окольничего А.И. Зюкова, село Кишкино – боярина П.П. Головина, село Толмачево – боярина Б.М. Лыкова [15, с. 53–54]. Село Нагавицино в вотчину получил стольник Б.И. Морозов, село Егорьевское (бывшая деревня Симбилеи) – князь Ю.Я. Сулешев, село Давыдово – стольник В.Г. Ромодановский [15, с. 54–57]. Среди вотчинников в Закудемском стане в платежной книге 1629 года упомянуты боярин князь И.Б. Черкасский (село Ворсма), боярин Ф.И. Шереметев (село Кадницы), думный дьяк Посольского приказа И.Т. Грамотин (бортное село Толоконцево за Волгой с 20 деревнями и 5 починками) [15, с. 53–59].

Боярин Дмитрий Михайлович Пожарский и его сыновья стольник князь Петр Дмитриевич и князь Федор Дмитриевич получили Пурехскую волость к вотчине, к монастырю Макария Чудотворца «за Московское очищенье», за службу, за Московское осадное сидение 1618 года [15, с. 99].

Продолжать раздавать царские земли в тех же масштабах означало привести к истощению дворцовое хозяйство. 26 февраля 1627 года царь Михаил Федорович и патриарх Филарет Никитич издали указ о прекращении раздачи дворцовых земель в поместья и вотчины [9, с. 20]. После чего раздачи дворцовых земель очень сократились. Указ 1627 года нарушался в пользу сильных людей, принадлежащих к высшей дворцовой среде [9, с. 23].

Были случаи раздачи дворцовых земель в 1630–1640-е годы. В Нижегородском уезде стали располагаться и основные владения бо-

ярина Б.И. Морозова. «Великого государя жалованная грамота за створчатою печатью, какова дана боярину Б.И. Морозову во 157 (1649) году... на Лысково и на Мурашкино со всеми угодья в вотчину за ево службу (работу), что он был у него, великого государя (царя Алексея Михайловича – Л.В.) в дядьках» [25, с. 30].

Платежная книга 1646 года указывает, что государевы царевы и великого князя Алексея Михайловича дворцовые бортные села из мордовских земель оказались «за вотчинники и за помещики» [16, с. 70]. Среди помещиков названы печатник Ф.Ф. Лихачев (село Ликеево) [16, с. 73], стольник князь Л.С. Шейдяков (село Поповское) [16, с.73], боярин князь Б.М. Лыков (село Левонтьево, Палец тож) [16, с.72]. Среди вотчинников оказались окольныхчий Ф.В. Вольтинский (село Григорово и сельцо Лопатищи) [16, с.71], боярин С.В. Головин (села Шахманово и Пумы) [16, с.71], боярин И.П. Шереметев (село Слободское) [16, с. 73] и др.

Платежницы 1648 года свидетельствуют, что на дворцовых землях Нижегородского уезда укрепились вотчинники: стольник А.И. Воротынский (село Княгинино) [26, с. 68], боярин Б.И. Морозов (село Нагавицино) [26, с. 69], боярин Я.К. Черкасский (село Ворсма) [26, с. 73], боярин Ф. Шереметев (село Кадницы) [26, с. 74]. Сюда устремили свои взоры помещики: боярин Я.К. Черкасский (село Богородицкое) [26, с. 73], Л.И. Оверкеев (село Давыдово) [26, с. 73]. В 1650 – 1660-е годы не замечена практика частых случаев раздачи дворцовых земель [9, с. 23], Платежницы 1666 и 1668 годов фиксируют имена прежних владельцев на дворцовых землях. Среди новых имен упоминаются вотчинник В.Г. Ромодановский и помещики Г.Н. Орлов, С.Е. Лодыгин (село Давыдово) [17, с. 67–68].

В приказе Тайных дел всегда держали под контролем дворцовые земли Нижегородского уезда. В «Переписной книге документов приказа Тайных дел 1676 года» указывается, что в 173 (1665) году дьяк этого приказа Андрисян Зыков послан в Нижегородский уезд «сыскивать и роспрашивать мордву про их мордовские земли и про бортные ухозя, и про всякие угодья» [25, с. 35 – 36].

К концу XVII века в царский домен входили следующие селения Нижегородского края: Городецкая, Толоконцевская, Заузолская волости, город Балахна, села Гридино, Сергач, Шишковой, Лысково и Мурашкино, Поречское и Семеновское [3, с. 40].

Таким образом, нижегородские платежные книги 1600–1660-х годов являются ценнейшим источником по истории дворцового землевладения в России. Они засвидетельствовали географические рамки дворцовых владений, расположенных на территории Нижегородского

уезда в XVII веке. В них имеется великолепная информация по системе денежных и натуральных платежей дворцовых крестьян и бобылей. В 1620–1660-е годы значительная часть дворцового фонда Нижегородского уезда была передана царским правительством представителям самых именитых боярских и дворянских родов России. Плодородные земли, богатые леса, мордовские бортные ухажья, близость Волги привлекали в Нижегородский уезд крупных землевладельцев.

Источники и литература

1. Советская историческая энциклопедия. – М., 1964. Т. 5.
2. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия в 5 тт.; гл. ред. В.Л. Янин. – М., 1994. Т. 1.
3. *Заозерский А.И.* Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве. – Пг., 1917.
4. *Заозерский А.И.* Царская вотчина XVII века. – М., 1937.
5. *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII века. – М., 1964.
6. *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII вв. – М., 1973.
7. *Маньков А.Г.* Уложение 1649 г. – кодекс феодального права России. – М., 2003.
8. *Юшков С.В.* История государства и права России (X–XIX вв.). – Ростов-на-Дону, 2003.
9. *Готье Ю.* Замосковский край в XVII веке. – М., 1937.
10. *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. – М., 1988.
11. *Филатов Н.Ф.* Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке. – Горький, 1989; *его же* Арзамас в XVII веке. Очерки истории. Документы. – Арзамас, 2000.
12. Нижегородские платежницы 7116 и 7120 годов. Приготовил к печати и редактировал С. Веселовский // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских (далее – ЧОИДР). – М., 1910. Кн. 3 (234).
13. Список с нижегородских с приходных с окладных книг государевым царевым и великого князя Михаила Федоровича, всея Руси всяким денежным доходам и оброчному меду и посопному хлебу против окладных росписи 127 (1619) году // Действия НГУАК. – Нижний Новгород, 1908. Т. 6.

14. Приходная книга Новгородской четверти 1619–1620 гг. // Приходо-расходные книги Московских приказов 1619–1621 гг. – М., 1983.

15. Материалы по истории Нижегородского края 7137–1629 года. Нижнего Новгорода платежная всяким денежным пошлинам и оброчным сборам и доимкам 1629 года // Действия НГУАК. – Н. Новгород, 1912. Т. 13. Вып. 3.

16. Материалы по истории Нижегородского края. Нижнего Новгорода приходная книга окладным и неокладным денежным доходам 7154–1646 года. Список с нижегородских платежниц 154 года / под ред. А.Я. Садовского // Действия НГУАК. – Нижний Новгород, 1913. Т. 15. Вып. 3.

17. 1666 года. Нижегородского уезда книга деньгам оброчным, полученным с ясачных черемис, с посадов и лавок и дворовых мест, с мордовских деревень. / Под ред. А.Я. Садовского // Действия НГУАК. – Нижний Новгород, 1915. Т. 15. Вып. 7.

18. *Веселовский С.* Предисловие // Нижегородские платежницы 7116 и 7120 годов. Приготовил к печати и редактировал С. Веселовский // ЧОИДР. – М., 1910. Кн. 3 (234).

19. Нижнего Новгорода смета приходу и расходу неокладным и окладным доходам денежным, хлебным и меду 7129–1621 года // Действия НГУАК. – Нижний Новгород, 1909. Т. 8.

20. Материалы по истории Нижегородского края. Нижнего Новгорода сметный список приходу и расходу окладным и неокладным и всяким денежным и хлебным и меду доходам и сборам 7132–1624 года // Действия НГУАК. – Нижний Новгород, 1912. Т. 12. Вып. 2.

21. Советская историческая энциклопедия. – М., 1968. Т. 11.

22. 123 (1615) года. Нижегородской чети приходная всяким денежным доходам // Действия НГУАК. – Нижний Новгород, 1905. Т. 6.

23. Нижнего Новгорода список с приходных книг доходам и сборам денежным и посопному хлебу 1620 года // Действия НГУАК. – Нижний Новгород, 1908. Т. 7.

24. *Варенцова Л.Ю.* Дворцовые села Нижегородского уезда в конце XVI века // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник материалов научно-практической конференции (6 декабря 2013 года). Выпуск X. / под общей редакцией В.И. Грубова. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ им Н.И. Лобачевского; ГАГО г. Арзамас, 2014.

25. Переписная книга документов приказа Тайных дел 1676 года // Русская историческая библиотека, издаваемая Императорской Археологической комиссией. – СПб., 1907. Т. 21. Кн. 1.

26. 1648 года. Нижнего Новгорода книга платежная всяким денежным доходам и оброчному меду. Список с нижегородских платежниц 156 года. Под ред. А.Я. Садовского // Действия НГУАК. – Нижний Новгород, 1913. Т. 15. Вып. 5.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ МАРОВСКОЙ ЯРМАРКИ

С.М. Ледров

В Спасском районе Нижегородской области вновь ведется восстановление древней Крестомаровской (другой исторический вариант названия – Маровской Крестовоздвиженской) православной обители. История этого места полна загадок. На своем веку монастырь дважды в буквальном смысле слова стирался с лица земли. На заре Советской власти тут была создана сельскохозяйственная коммуна. Затем появилась школа колхозной молодежи, в ранге средней просуществовавшая до 1970-х годов. У стен обители когда-то возникла не менее загадочная Маровская ярмарка. К первоначальному периоду истории этого торга мы и обратимся в настоящей публикации.

Сразу следует оговориться, что исследовать данную тему не так просто. Источники скудны. Попытки выявить упоминания о Маровской ярмарке в документах XVII века не увенчались успехом. Ничего не говорится о ней и в Переписной книге Крестомаровской пустыни 1702 года, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов [9].

Хотя ежегодный торг на Марах действительно существовал. В конце XVIII века, когда обитель уже лежала в развалинах, торговлю ненадолго перенесли в соседнее село Прудичи (оно же Звереве). А потом подальше – в село Чернуха Макарьевского уезда (сейчас в Лысковском районе). Название ярмарки на новом месте осталось прежним – Маровская. Вплоть до начала XX века она считалась самым крупным сельским торгом в Нижегородской губернии.

«Чернухинский» период истории Маровской ярмарки обеспечен документами более-менее полно. Есть сведения за разные годы об условиях торговли, ее участниках, объемах и наименованиях товаров [7, с. 68, 74, 75, 84–87, 98, 99]. Чего, к сожалению, не скажешь о «до-чернухинском» периоде. Сохранилось лишь небольшое описание ярмарки, датируемое 1780 годом [7, с. 66, 67]. Хотя тогда торг проходил с 14 по 16 сентября уже в Прудисах. Его участниками были крестьяне из Васильсурского и соседних уездов, а также купцы и мещане «из

разных городов». Первые везли на ярмарку съестные припасы, деревянную посуду, мед, воск, хмель, сало, кожи, заячьи и овечьи меха, деготь, табак. А городские торговцы поставляли для сельских жителей различные ткани, серебряные, медные и оловянные изделия.

Наиболее же ранний известный нам документ, который подтверждает существование ярмарки непосредственно на Марах, был составлен в 1758 году. В монастырской приходо-расходной книге за этот год указано: «В праздник Воздвижения Честного Креста Господня с купцов полавочные деньги приняты 11 рублей 50 копеек» [11, л. 5]. Запись краткая, но интересная. И не только самим фактом первого упоминания торгового места у стен пустыни, а и тем, что маровские монахи в середине XVIII века имели право собирать на нем пошлыны. В переписной книге 1702 года о таком источнике монастырских доходов не сказано.

С какого же времени следует вести отсчет истории Маровской ярмарки?

«Докопаться» до ее истоков пытались еще нижегородские историки XIX века. Однако Мары с трудом выдавали свою тайну. Один из патриархов нижегородского краеведения писатель П.И. Мельников-Печерский на просьбу своего молодого коллеги, также не менее известного нижегородского краеведа А.С. Гациского изложить ему историю Маровской ярмарки ограничился лишь таким сообщением в письме от 29 сентября 1870 года:

«О Маровской ярмарке не могу, к сожалению, сообщить Вам многого. Она возникла еще в XVII ст., находилась на полях села Зверева (Васильского уезда), где находятся мары, то есть курганы. Восемнадцать лет тому назад они были уже почти запаханы. В конце царствования Екатерины II, бывший нижегородский губернатор Белавин, лично известный императрице по участию в перевороте 28 июня 1762 года (был тогда гвардейским офицером), выпросил перевод этой, уже значительной тогда, ярмарки в свое имение Чернуху» [5, с. 204, 205]. По мнению Мельникова-Печерского, Маровская ярмарка была основа в XVII веке. На чем было основано такое утверждение, нам не известно.

В 1884 году вышел в свет «Исторический очерк Васильсурского уезда Нижегородской губернии». Его автор Н.А. Демидов предположил, что Маровская ярмарка появилась примерно в то же время, что и Макарьевская: «С 1624 года начинает развиваться у Макарьевского монастыря ярмарка, рядом с нею торговое село Лысково; думаю, что около этого же времени в 25 верстах, у другого монастыря (в Васильском уезде) возникает Маровская ярмарка. Возникновение этих торго-

вых центров оживило все Поволжье; они дали особый смысл и характер жизни всего окружающего населения» [3, с. 25].

Хотя далее Демидов удревил ярмарку на Марах на целое столетие: «Многие уже не раз высказывали предположение, что Маровская ярмарка есть та самая, которая была учреждена по приказанию Василия после запрета ездить русским купцам в Казань. Хотя нам известно, что великий князь приказал производить торг в Василе, но с другой стороны мы уже сказали, что нет никаких данных утверждать, что приказание было исполнено. И действительно, Василь мало обеспечивал безопасность ярмарки и гораздо вероятнее, что она возникла в местности более укрепленной во власти русской» [3, с. 27].

Василий III правил в 1505–1533 годах. Так что, по мнению Н.А. Демидова, ярмарка на Марах к моменту появления тут монастыря в XVII веке могла уже существовать, и именно доходы с нее стали главным источником быстрого обустройства этой обители. Однако, не располагая фактами, подтверждающими его версию, автор все же заключил: «Но вопрос этот мы оставляем открытым и думаем, что он заслуживает более научного исследования» [3, с. 27].

Прошлым Маров интересовался и М.А. Александров. В 1885 году в нескольких номерах казанской газеты «Волжский вестник» был опубликован его очерк «Стары Мары (Материалы к истории Поволжья)». В нем собраны многочисленные народные предания об этом святом месте. В 1912 году этот очерк был издан отдельной брошюрой.

О Маровской ярмарке М.А. Александров писал следующее:

«При Маровском монастыре была славная в древнее время Воздвиженская ярмарка, на которую собирался тысячами народ из “ближних и дальних краев”. Ездили на ярмарку, по словам местных старожил, за покупками, между прочим, чуваша и черемисы Нижегородского и Казанского краев... На Воздвиженскую Маровскую ярмарку много наезжало купцов и торговцев из Казани, Нижнего, Лыскова и др. мест. Для склада товаров заезжих купцов построены были на той стороне (левой) р. Имзы лабазы. Теперь этих лабазов уже и признаков нет, но местные старожилы еще помнят их.

Близ монастыря, на лугу, за Курмышской большой дорогой, происходила купля и продажа. Здесь были настроены лавки, харчевни, “блинницы” и неизбежные “царевы кабаки”. От этих строений и знака не осталось. На месте бывшей ярмарки долго находили разные вещи и старинные деньги» [1, с. 5, 6].

Упоминание о находках старинных денег очень важно. По ним ведь можно определить конкретную историческую эпоху. Однако М.А. Александров не сообщает, какие именно монеты находили на террито-

рии ярмарки. И тут на помощь приходит другая интересная публикация. Через год уже в «Нижегородских губернских ведомостях» А.С. Гациский издал записки археолога П.Д. Дружкина. Один из разделов записок называется «На Старых Марах». Дружкин в частности писал:

«Маровский монастырь (теперь вот эти Старые Мары) стоял на реке Имзе между селами Вазьянкой и Саблуковым, недалеко от села Прудищ. Вблизи пахотное поле, где прежде Маровская ярмарка была; здесь выпаживают много монет; прудищенские мальчишки их находят часто; я у одного мужика купил монеток: одна серебряная Михаила Федоровича, а то все медные – петровские и елизаветенские» [2, с. 3].

Таким образом, можно предположить, что ярмарка на Марах в первой половине XVII века уже действовала – Михаил Федорович царствовал в 1613–1645 годах. Хотя обронить упомянутую серебряную монетку могли и позже. Как бы там ни было, пока это единственное свидетельство вероятного существования Маровской ярмарки до XVIII века.

М.А. Александров, как и Н.А. Демидов, считал доходы с ярмарки одним из главных источников пополнения монастырской казны: «По народной молве, ярмарка доставляла много дохода Маровскому монастырю. Говорят, монастырь пользовался правом сбора торговой пошлины» [1, с. 6]. Автор полагал, что это могли подтвердить документы из маровского архива, в котором имелись «какие-то жалованные грамоты». Хотя далее добавил: «По всей вероятности, эти документы утратились. Но есть в Москве... один документ Маровского монастыря, из которого, без сомнения, можно узнать, собиралась ли монастырем торговая пошлина с ярмарки: это – представленная в Коллегию экономии в 1738 г. приходо-расходная ведомость “Воздвиженского” монастыря, иначе “Крестомаровской пустыни”. К сожалению, мы не имели возможности прочесть эту рукопись и заимствовать из нее нужные сведения» [1, с. 7].

Маровский архив XVII века бесследно все же не исчез. Многие оригиналы действительно не сохранились, однако их перечень с кратким изложением дошел до нас в упомянутой выше переписной книге 1702 года. Увы, о царских грамотах на право сбора пошлины там нет ни слова... Ни разу не обмолвились игумен и казначей о денежных поступлениях с ярмарки и в «сказке» об источниках доходов.

Приходо-расходную ведомость 1738 года мне тоже удалось отыскать. Она хранится в Доме Пашкова – Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

...Маровский игумен Стефан, как и его предшественники, скрупулезно описывает монастырское хозяйство, доходы, расходы. О яр-

марке же молчит. Только отмечено, что во время праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста собрано один рубль 30 копеек [10, л. 452 об.]. Пошлины или пожертвования – не поясняется. И лишь из уже приведенных в начале нашей статьи сведений из приходо-расходной книги 1758 года следует, что ярмарочные торговцы все же платили монастырю полавочные сборы.

Таким образом, говорить о времени зарождения Маровской ярмарки можно пока предположительно. Навряд ли она возникла раньше одноименной общежительной пустыни. Наоборот, появлению многих ежегодных торгов предшествовало возникновение монастырей, в которые в религиозные праздники стекались многочисленные паломники. Большое же число потенциальных покупателей, в свою очередь, привлекало сюда купцов. Следующим условием организации успешной периодической торговли являлось расположение православных обителей на важных торговых путях.

Так, в 1620 году в устье Керженца на левом берегу Волги вновь стал обустраиваться Макарьевский Желтоводский монастырь. Вскоре ежегодно в июле около него начали собираться торговцы и покупатели. В 1627 году существование ярмарки было подтверждено официально царским указом о наделении монастыря правом сбора торговых пошлин [8, с. 17]. К 1632 году религиозная традиция относит появление обители на Марах [6, с. 9]. Самое же раннее упоминание о ней в частноправовом акте датировано 1645 годом [4, с. 57]. Первые маровские монахи-отшельники поселились «в пустыни», на необжитом месте. Однако выбрано оно было удачно. Рядом пролегла сухопутная дорога из Нижнего Новгорода и Лыскова (Макарьева) в Курмыш и далее в Посурье и в Нижнее Поволжье. Это и привело к появлению у стен пустыни ежегодной ярмарки, приуроченной к местному престольному празднику Воздвиженья. За несколько недель до него завершалось Макарьевское торжище, которое приобрело общегосударственное значение. Закупаемые на нем товары потом частично поступали на Маровскую ярмарку, со временем ставшую важным региональным торгом.

Источники и литература

1. *Александров М.А.* Стары Мары (Материалы к истории Поволжья). – Нижний Новгород, 1912.
2. *Гациский А.С.* Записки П.Д. Дружкина о произведенных им курганных раскопках // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1886. №. 35, 27 августа.

3. *Демидов Н.А.* Исторический очерк Васильсурского уезда Нижегородской губернии. – Нижний Новгород, 1884.
4. *Ледров С.М.* Родной земли седая старина: территория Спаского района Нижегородской области в XVII веке: документы и исторический очерк. – Нижний Новгород, 2013.
5. Письма П.И. Мельникова к А.С. Гацискому // Действия НГУАК. Т. IX. – Нижний Новгород, 1910. Ч. I.
6. Повесть о создании Крестомаровской общежительной пустыни. – М., 1886.
7. Торговля в Нижегородском крае в XVII – начале XX века: учебно-методическое пособие / сост.: Н.А. Богородицкая, Л.Ю. Варенцова, С.М. Ледров. – Нижний Новгород, 2007.
8. *Филатов Н.Ф.* Три века Макарьевско-Нижегородской ярмарки. – Нижний Новгород, 2003.
9. Российский государственный архив древних актов. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 1. Д. 45.
10. Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. 29. Д. 122.
11. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 570. Оп. 554, 1757 г., Д. 36.

ТОЛСТОВЦЫ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

Е.В. Агарин

Нижегородскому региону не пришлось стать значимым на карте «толстовского движения» как в дореволюционный, так и в советский периоды – религиозное и общественно-политическое инакомыслие находило здесь иные формы. Этим объясняется и практически полное отсутствие каких-либо работ о толстовцах в Нижегородской губернии. Единственным исключением, обнаруженным нами, является краткая заметка Д.Н. Смирнова о недолгом существовании в начале XX в. близ Мызы и Марьиной роши небольшой толстовской колонии, организованной земским статистиком Д.Ф. Щелоком. Именно благодаря ее существованию появился современный, известный нам топоним «Щелковский хутор». Кроме Д.Ф. Щелока, в колонии, по информации Д.Н. Смирнова, принимали участие известный фотограф М.П. Дмитриев, брандмейстер Т.С. Чапин и директор Нижегородского коммерческого училища В.И. Алексеев [1, с. 80], учеником которого по училищу был сам Д.Н. Смирнов. Несмотря на целый ряд зацепок, достоверной ин-

формации, подтверждающей сам факт существования этой толстовской колонии, нам найти не удалось ни в официальных источниках, ни в материалах личного происхождения. В фонде Д.Н. Смирнова среди подготовительных материалов для книги содержатся только краткие заметки о толстовстве, о В.И. Алексееве, а также небольшая запись о замкнутой жизни толстовской колонии [2, л. 94, 114, 502; 3, л. 787 – 787 об.]. Нам кажется вероятным, что сведения о существовании толстовской колонии на Щелоковском хуторе носили характер слухов и были просто записаны Д.Н. Смирновым с чьих-либо слов. Сомнения в достоверности изложенных сведений усугубляются и следующим обстоятельством. В той же книге некоторое внимание Д.Н. Смирнов уделяет упомянутому директору коммерческого училища Алексееву [1, с. 71–72]. Василий Иванович Алексеев (1848–1919) – человек действительно удивительной, даже феноменальной судьбы, в конце своей жизни отметивший: «жизнь моя была такая разнообразная. Мне дано было все испытать, всего попробовать: хочешь этого – возьми это, хочешь того – возьми то» [4, с. 187]. Несомненно, что исследованию яркой и сложной биографии В.И. Алексеева [см. 5] можно посвятить целый ряд работ. Вместе с тем в сведениях, которые дает Д.Н. Смирнов об Алексееве, есть ряд ошибок и неточностей. В.И. Алексеев, будучи народником и увлекшись коммунитарными идеями, действительно ездил в Америку и жил там в земледельческой коммуне русских эмигрантов, но было это в 1875–77 гг. [6, с. 45–78], когда толстовского учения еще не существовало вовсе. После возвращения он стал не только другом и учителем детей Л.Н. Толстого, как это отмечает Д.Н. Смирнов; но и сам оказал определенное влияние своим трудовым образом жизни и оригинальным мировоззрением на писателя, как раз переживавшим на рубеже 70–80-х гг. т.н. «духовный кризис» и только формулировавшим принципы своего нового кредо [7, с. 421]. Поэтому говорить об увлечении В.И. Алексеева идеями Толстого неправомерно – скорее в лице будущего директора Нижегородского коммерческого училища произошла встреча исторически преемственных идеалов народничества и толстовства. Между расставанием В.И. Алексеева с семьей Толстого и его переездом в Нижний Новгород в 1900 г. прошло почти 20 лет, наполненных для него постоянными переездами и мытарствами. Женившись в 1890 г. на аристократке В.В. Загоскиной благодаря протекции ее отца, Алексеев впоследствии получил должность директора Нижегородского коммерческого училища [5, л. 163, 171]. К этому моменту ни о революционности, ни о толстовстве мировоззрения В.И. Алексеева говорить уже не приходится. «Жил богато. Говорят, жена поддерживала прямо аристократический тон в доме. ... В 1916 году

Алексеев открыто сознавался перед нами, что *боится вообще поводов, которые могли бы открыть начальству его прошлое* (курсив мой – Е.А.)» [7, с. 422]; никаких сведений о «прошлом» не содержится и в личном деле В.И. Алексеева, в фонде Нижегородского коммерческого училища [8]. «Переделала его по своему жена-аристократка, пропал он для всякого живого дела», – говорила об Алексееве в 1913 г. его знакомая-народница, помнившая его с 1870-х гг. [9, с. 555]. В этом свете участие Алексеева в толстовской колонии, хотя и в более ранний период (начало XX в.) представляется весьма сомнительным. Вполне вероятно, что Д.Н. Смирнов, питая симпатию к своему директору и узнав о его прошлом, невольно придал его поздней жизни «толстовский» контекст. Таким образом, факт существования толстовской колонии на современном Щелоковском хуторе не может быть доказан, как впрочем и опровергнут. Логично выдвинуть предположение, что указанные лица просто имели там дачные участки, но ввиду отсутствия в нашем распоряжении соответствующих источников эта гипотеза, как и любая другая, остается на данный момент лишь умозрительной.

Казалось бы, что говорить о толстовцах в Нижегородской губернии в таком случае вовсе не имеет никакого смысла; однако «толстовское движение» в Нижегородском регионе связано с иными персоналиями и событиями. К началу 1890-х гг. толстовство приобрело некоторый вес в общественно-политической жизни страны – в «темные годы» реакции часть российского общества, преимущественно интеллигенция, увлеклась идеями Л.Н. Толстого об улучшении социальной жизни путем личного самосовершенствования каждого отдельного человека, о непротивлении злу насилием; наконец, о необходимости жить действительно «трусами рук своих», «слезть с шеи народа» и т.д. К этому моменту многие толстовцы, объединенные в общины или поодиночке, вели земледельческий образ жизни из нравственных побуждений, предпочитали бродяжничество умственному труду и жизни в городе; уже несколько лет существовало и успешно развивалось толстовское книгоиздательство для простого народа «Посредник». Экцентричным образом жизни, намеренным или чаще невольным распространением своих антигосударственных и антицерковных взглядов толстовцы уже привлекают пристальное внимание полиции и духовенства. К этому времени относятся и первые, редкие сюжеты появления толстовцев в Нижегородском регионе.

В газете «Нижегородский биржевой листок» за 1891 г., № 217, появилась заметка под названием «Новая секта “перховцы”», повествовавшая о появлении в с. Перхово Вышневолоцкого уезда Тверской губернии этой «новой секты», представлявшей собой «нечто смешан-

ное из толстовщины с пашковщиной». Ее создатель Новоселов, сам из духовенства, организовал земледельческую общину из интеллигентных лиц, неумело ведущих крестьянский образ жизни [10, с. 3]. В «новой секте» без труда можно опознать земледельческую общину последователей Л.Н. Толстого, известную в толстовских кругах под названием «Дугино», находившуюся по этому адресу [11; 12, 1914, № 11, с. 77–80]. Вообще сама заметка любопытна своей курьезностью и тенденциозно-невежественным отношением к религиозному сектантству; в ней, кроме прочего, говорилось: «брака и совместной супружеской жизни сектанты не признают; по их убеждению, мир должен рано или поздно погибнуть, и чем скорее, тем лучше, а для прекращения рода человеческого самый верный путь – безбрачие и монашеская жизнь». В заметке говорилось о некоем докторе Рахманове, живущем в общине и помогающем местному населению; он «ходит также в лаптях и вообще ничем не отличается по одежде от других сектантов» [10, с. 3]. Этим доктором является потомственный дворянин Калужской губернии Владимир Васильевич Рахманов (1865–1918), один из активных толстовцев, участвовавший как минимум в двух толстовских общинах и оставивший ценные воспоминания о толстовстве 1880–90-х гг. [13] и о толстовце, князе Г.А. Дадияни [14]. Он и его тогда еще гражданская жена, купеческая дочь Ольга Андреевна Сытинская перебрались из общины Дугино в Горбатовский уезд Нижегородской губернии в августе 1891 г. По наблюдению горбатовского исправника Рахманов познакомился и сблизился с молоканами Желтовым и Тулуповым [15, л. 1 об.]. Личность последнего нам точно неизвестна; знакомство же с еще начинающим тогда, крестьянским писателем Федором Алексеевичем Желтовым, вероятно, произошло по совету самого Л.Н. Толстого, уже с конца 1880-х гг. близко знакомого с ним [16, л. 1, 4]. Ф.А. Желтов – человек довольно известный; благодаря своему общению с писателем и общей близости их мировоззрений, Ф.А. Желтов в свое время нередко получал характеристику толстовца, или, например, «наполовину молоканин, наполовину толстовец» [17, л. 2]. В этом отношении любопытны его опубликованная переписка с Л.Н. Толстым [18] и изданный В.А. Гурьевым сборник сочинений Желтова [19], которые свидетельствуют о ярком своеобразии и самостоятельности мировоззрения выходца из богородских крестьян.

В 1891 г. сильный неурожай в ряде губерний Российской империи повлек за собой голод; сам Л.Н. Толстой и толстовцы откликнулись на это бедствие акцией помощи голодающему крестьянству посредством устройства столовых в деревнях преимущественно Рязанской губернии [12, 1914, № 12, с. 74–81; 20; 21]. В.В. Рахманов, по-

видимому, неудовлетворенный одной только медицинской практикой среди крестьян, под впечатлением статьи Л.Н. Толстого «Страшный вопрос» решил также организовать помощь местному населению. Л.Н. Толстой посоветовал В.В. Рахманову отправиться в Лукояновский уезд и обратиться к другому толстовцу, учителю П.В. Великанову [22, т. 66, с. 92–93], о котором речь пойдет ниже. Произошла ли эта встреча – нам неизвестно; но Рахманов со своей женой 8 декабря прибыли в Шутиловскую волость Лукояновского уезда и поселились в с. Русиновка у помещицы Варвары Никаноровны Русиновой [15, л. 6]. К неудовольствию Толстого Рахманов отказался от идеи организовывать столовые по примеру самого мыслителя и его последователей [22, т. 66, с. 140–141] и занялся раздачей продовольствия беднейшим крестьянским семьям, а также безвозмездной медицинской практикой. По сведениям полиции на деньги, полученные им от неизвестной, богатой особы г. Гельсингфорса, Рахманов покупал муку и пшено у самой Русиновой и в Краснослободском уезде Пензенской губернии и выдавал по 4 фунта муки и 1 фунту пшена в неделю на едока [15, л. 6 – 6 об., 9]. В январе 1892 г. помощь голодающим была приостановлена, но в Лукояновском уезде Рахманов прожил приблизительно до июня 1894 г., заняв с января 1893 г. должность местного санитарного врача [15, л. 10]. В феврале 1896 г. он перебрался в Черниговскую губернию и хлопотал о месте земского врача в Мглинском уезде; на запрос о его благонадежности и деятельности в последнее время Лукояновский исправник ответил, что «в поведении его особенно предосудительного ничего не замечалось, но Рахманов ярый последователь учения Графа Льва Толстого, с какой стороны он вел себя, как казалось окружающим странно: был очень небрежен в одежде, посещая больных крестьян делал большие расстояния пешком, держал себя ближе к крестьянам, избегая интеллигентных жителей, церковь не посещал» [15, л. 16]. Спустя три года (в начале 1899 г.) В.В. Рахманов присоединится к еще одному толстовскому поселению – «Лескен», хутор Кура-Гада Терской области, хотя не будет уже полностью разделять толстовских идей [14; 23; 24]. Сменив ряд мест проживания, окончательно отойдет от толстовства, поселится и станет работать врачом Москве; потом будет жить в Финляндии и в Петербурге, и уже после революции погибнет в Сибири от сыпного тифа [25, 26].

Шутиловская волость Лукояновского уезда связана и со следующей, более существенной «толстовской» историей в Нижегородской губернии. В конце декабря 1894 г. в Департамент полиции поступили сведения о том, что в Григорьевской сельскохозяйственной школе низшего разряда, существующей здесь при с. Обуховка, среди учени-

ков ведется пропаганда толстовских идей и планируется создание толстовской, земледельческой общины [27, л. 1]. Интересно, что эта школа, называвшаяся между учителями «Нижегородской Камчаткой» [28, л. 38] и получившая затем в полиции репутацию «известного гнезда неблагонадежных лиц» [29, л. 18 об.], не только существовала на средства земства, но и имела близкие отношения с помещиками Русиновыми.

Григорьевская школа была устроена на земле, прежде завещанной генералом Григорьевым Приказу Общественного призрения и в 1860-е гг. переданной в распоряжение Нижегородского губернского земства. Губернский гласный, бывший председатель Лукояновской управы и активный земский деятель Николай Иванович Русинов принял живейшее участие сначала в организации хозяйства хутора, а затем и в открытии здесь сельскохозяйственной школы. После заключения договора с Департаментом земледелия и сельской промышленности о содействии земству в содержании школы, она была официально открыта 23 октября 1887 г. В школе был предусмотрен однолетний, подготовительный класс; сам же курс длился три года и предполагал получение учащимися теоретических и практических знаний по сельскому хозяйству; в школу принимались ученики из всех сословий не младше 14 лет [30]. После смерти Н.И. Русинова в 1889 г. при содействии его супруги, уже упомянутой выше В.Н. Русиновой в этой школе была учреждена стипендия, складывавшаяся из процентов с оставленных им средств [31].

Главным пропагандистом толстовства в Григорьевской школе назывался преподаватель общеобразовательных предметов Павел Васильевич Великанов (1860–1945) [27, л. 1], учитель, выходец из бедного крестьянства, действительно разделявший тогда воззрения Л.Н. Толстого. «В толстовский Гольфстрим я вошел в 1886 г. Через год был выслан из Тверской губ. в Нижегородскую, где я добровольно ушел в Лукояновские леса и прожил отшельником 9 лет. 4 года безвыездно и выходно» [32, л. 4 об.], – писал он. В 1892 г. Великанов, познакомившись с В.Г. Короленко, также организовывал в Лукояновском уезде помощь голодающим [33, л. 30 об.]. Полиция заинтересовалась и директором школы; им был Андрей Калинин Гвоздецкий, выпускник Петровской Академии со степенью кандидата сельского хозяйства; он «смотрел сквозь пальцы на эту пропаганду и даже сочувствовал» [28, л. 38]. Еще одним «неблагонадежным» преподавателем школы являлся поступивший в сентябре 1894 г. Семен Иванович Апенченко [Апенченков] (1860–1942) – исключенный из Виленского университета в мае 1885 г. сначала просто за «дурное поведение», а затем и за

«оскорбление действием» одного из преподавателей, за последний проступок он отбыл двухгодичное наказание в дисциплинарном батальоне [34, л. 1 – 2 об.]; по сведениям церкви Апенченко в 1890-е гг. также придерживался «некоторых взглядов учения графа Льва Толстого» [27, л. 15].

Что касается земледельческой артели, то сведения полиции оказались верными – благодаря содействию учителей школы она уже была создана. По рассказу П.В. Великанова, земледельческая артель существовала здесь уже с 1893 г. [33, л. 14 – 14 об.]. Согласно же рапорту Лукояновского исправника, помещица Анна Николаевна Русинова, вероятно – дочь Н.И. и В.Н. Русиновых, 14 ноября 1894 г. по словесному договору сдала на год в аренду свой хутор выпускникам школы – сыну дворянина П.Л. Никифорову, крестьянам из разных мест Нижегородской губернии М.Я. Стрелкову, Ф.Ф. Гроздеву, Н.А. Никонову, Т.Я. Синкину, мещанину Новой Слободы Лукояновского уезда А.Е. Флорову [27, л. 4 об., 5]. Посетив хутор, пристав отметил, что «комнаты барского дома хутора содержатся в крайней небрежности, стены заплеваны [?], потолки и печи закоптили, полы не моются, всюду христианских образов нет, но на стене, на видном месте висит большой портрет Графа Льва Толстого. При входе в комнаты в присутствии Пристава эти люди шапок не снимали; одежда на них ... [?] небрежная, лица как будто не умытые, волосы нечесанные; держали себя вольно и непочтительно. По собранным сведениям, они мяса не едят, за стол садясь и из-за стола выходя, Богу не молятся» [27, л. 5 об. – 6]. Говорить об этой артели как о «толстовской общине» возможно, однако с учетом следующих оговорок. Во-первых, ввиду молодости (18–19 лет) и отсутствия информации о прошлом ее участников факт их сочувствия толстовскому мировоззрению не может быть доказан. Во-вторых, вполне вероятно, что имела место преимущественно педагогическая составляющая предприятия – каждый выпускник Григорьевской школы должен был пройти курс практических занятий – в отличие от известных нам, толстовских колоний, где значимыми были в первую очередь нравственные мотивы жизни на земле. Впрочем, стоит заметить, что именно практическая направленность этой артели вызывала сомнения у полиции и консистории – они рассматривали ее только как предлог для пропаганды толстовских идей [27, л. 5 об.].

По нашим сведениям, артель просуществовала не дольше начала 1896 г. П.В. Великанов писал, что хотя «дело у ребят шло хорошо», но все испортили преследования полиции и церкви 1895 и 1896 гг. [33, л. 30 об.]. Л.Н. Толстой в письме к нему от 17 декабря 1896 г. высказывал

надежду, что его ученики снова объединятся [22, т. 69, с. 223], но едва ли это произошло.

Среди участников артели обращает на себя внимание 19-летний сын дворянина Павел Львович Никифоров. Его отец – Лев Павлович Никифоров (1848–1917), человек «с прошлым»: сначала нечаевец, затем народоволец, в течение всей своей жизни подвергавшийся полицейскому преследованию, во второй половине 1880-х гг. через своего друга, также нечаевца В.Ф. Орлова познакомился с Л.Н. Толстым и увлекся его взглядами. А его мать – Екатерина Ивановна Засулич (? – 1919), приходившаяся родной сестрой знаменитой революционерке Вере Засулич, разделяла новое мировоззрение и толстовские увлечения своего мужа. У Никифоровых было много детей: Лев, Николай, Павел, Александр, Владимир, Борис, Надежда, Сергей (перечислены по старшинству). Эта семья уникальна не только обстановкой их воспитания – «мы росли, как в поле цветы, головки которых тянутся к свету – солнцу, мы были свободны, и у нас было солнце – благотворное влияние родителей, которые с необыкновенным уважением относились друг к другу, к нам детям и ко всем окружающим» [28, л. 8]; но и тем, что большинство из детей Никифоровых так или иначе приняли участие в революционном движении.

В 1890–1891 гг. Никифоровы, следуя идее Л.Н. Толстого жить трудами своих рук, поселились в Тобошево Тверской губернии, неподалеку от уже упоминавшейся общины Дугино, и вели не столько скромный, сколько бедный образ жизни. Общинник В.И. Скороходов с уважением вспоминает о жизни Никифоровых в Тобошево – хотя «к простой работе они оба были совершенно не способны, но зато умели сокращать свои потребности и нужды и при этом не роптать, а сохранять бодрость и энергию» [12, 1914, № 12, с. 68]. До своего поступления в Григорьевскую школу Павел, как и другие дети Никифоровых, приучался к труду на земле; кроме того, он и его старший брат Николай летом работали на Мызе Кубач, еще одной небольшой толстовской колонии, расположенной рядом с Тобошево [12, 1914, № 12, с. 68–69].

В то время как его сын находился в земледельческой артели на хуторе Русиновой, Л.П. Никифоров со своей семьей ввиду денежных затруднений покинул Тобошево и переехал приблизительно в начале 1895 г. в Краснослободский уезд Пензенской губернии к своему другу помещику, земскому начальнику В.С. Кабанову [29, л. 16об.]. По сведениям полиции толстовскими идеями Никифорова увлекался не столько сам Кабанов, сколько его жена, которая имела «родных братьев... землевладельцев Лукояновского уезда Русановых» [29, л. 19]. Вероятно, имелись в виду именно помещики Русиновы, так как никаких

Русановых среди помещиков Лукояновского уезда не значится [35, с. 55]. К сожалению, имени жены Кабанова в сводках не содержится; нам представляется вполне вероятным, что она и есть та самая А.Н. Русинова, уже знакомая прежде с Никифоровым и сдавшая по его рекомендации [33, л. 30 об.] хутор для артели его сына.

О перемещениях Никифоровых в привлеченных источниках имеются противоречивые указания. Нам кажется верным, что сразу после пребывания у Кабанова уже отец Павла Л.П. Никифоров со всей своей семьей приблизительно в конце 1895 г. переехал в Лукояновский уезд на тот же хутор А.Н. Русиновой, носивший название «Затишье». Естественно, что Никифоровы здесь близко сошлись с П.В. Великановым и С.И. Апенченко, как об этом рассказывает Н.Л. Никифорова [28, л. 39–40]. Вполне естественно также то, что подобное скопление «политически неблагонадежных» лиц не осталось незамеченным ни для местного общества, ни для властей. Это внимание обострялось еще и в связи с враждой, вспыхнувшей между двумя местными священниками И. Коринфским из с. Шутилово и молодым Н. Приклонским из Обуховки, поддерживаемого своим отцом, также священником А. Приклонским. Причиной конфликта было их соперничество за возможность преподавать в школе. Ввиду этого сравнительно объемное дело Нижегородской консистории о Григорьевской школе [36] содержит немало сомнительных сведений, различных слухов, пересказов и часто противоречивых интерпретаций одних и тех же фактов.

Стало известно, что П.В. Великанов, как и многие толстовцы, отказался от присяги Николаю II [33, л. 30 об., 36]; на преподавателей школы и Л.П. Никифорова сыпались доносы местных жителей, несколько раз производились обыски, «попы говорили проповеди и уговаривали крестьян не отдавать детей в эту школу, потому что, по их мнению, оттуда выходят безбожники» [28, л. 38–39]. Словом, атмосфера вокруг школы в 1896 г. накалилась; стало очевидно, что в прежнем виде преподавание здесь вестись не может.

Первым оставил школу А.К. Гвоздецкий; в мае 1896 г. он уже вернулся в Нижний Новгород из Москвы с воспрещением жительства в первопрестольной и губернии на год [37, л. 5]. На посту директора его сменил С.Л. Шорин, по характеристике Н.Л. Никифоровой «жадный-прежадный кулак» [28, л. 40]. Начались стычки с ним Великанова и Апенченко.

Затем весной 1896 г. покинул школу П.В. Великанов. Он уехал в Сибирь в надежде устроить школу рядом с известным в толстовских кругах сектантом-субботником Т.М. Бондаревым, проповедником земледельческого труда [см. 38] – эта затея не удалась, и Великанов вер-

нулся в Европейскую Россию. В начале XX в. Великанов разочаровался не столько в учении Толстого, сколько в нем самом – «убедился я всем моим существом, что Л.Н. был учеником Христа и имел свет Его, но не имел жара и огня Его любви» [32, л. 1]. Богатый образ жизни Толстого, представлявший контраст с его проповедью непротivления, стали вызывать недовольство Великанова; он стал писать мыслителю «ругательные письма», которые Толстой в итоге перестал распечатывать и отсылал обратно [см. 32, 33]. После революции 1917 г. Великанов, поверив в светлое будущее новой России, снова вернулся к Л.Н. Толстому – оставаясь не только преподавателем, но и оригинальным мыслителем и оратором, выступал в Обществе истинной свободы в память Л.Н. Толстого при с. Рассказово Тамбовской губернии с просветительскими беседами [39, № 1, с. 28; 40]. Как рассказывал А.И. Клибанов, здесь во второй половине 1920-х гг. Великанов «с непременным желанием совершить “новую революцию”, призванную в его воображении объединить человечество... попытался сконструировать новую религию... это была религиозная мозаика, наложенная на толстовское толкование христианства», сочинил особую, толстовскую молитву, дал местной, сектантской общине в Рассказово одиозное название: «Четвертый Интернационал святого духа Ясной Поляны» [41, с. 123, 125]. В последующие годы его письма стали носить отпечаток некоей психической ненормальности, он стал буквально одержим идеей исполнить завет Толстого ему – переселиться в Канаду к духовборам и работать среди них учителем [42]. Затем, как и в царское время, подвергался преследованиям на политической почве [43], но все же был освобожден. После смерти Великанова В.Д. Бонч-Бруевич в своих записях оставит краткую, но точную заметку о нем: «Великанов – самобытный человек из крестьян учитель средней школы, критически настроен ко всему и веривший также Вл[адимиру] Ил[ьичу] и тем, кто с ним. В общем путанная голова. Много натворил себе бед и почему-то особенно хорошо относился ко мне. ... писал мне много. Покинутый семьей – сошел с ума и кажется умер» [44, л. 3].

Позднее, в декабре 1897 г., из Григорьевской школы был уволен и С.И. Апенченко, любая переписка его с бывшими учениками была запрещена. Сначала он поселился с семьей около известной земледельческой колонии «Криница» близ Геленджика [36, л. 79 об.]. А с 1900 г. жил в Москве, работая здесь учителем садоводства в школе «Студенец». Именно под его руководством начал уже революционную деятельность молодой Александр Львович Никифоров, посещавший ту же школу. До революции 1917 г. Апенченко пережил несколько арестов [34, л. 9, 12], ссылку в Сибирь и амнистию 1905 г.; вступил в больше-

вистскую партию. В мае 1923 г. переехал из Тулы в Москву, получал персональную пенсию и занимался общественной работой. Во время битвы под Москвой, несмотря на то, что его семья уехала, Апенченко, пожалев оставить книги и цветы, отказался покинуть город; не дождавшись возвращения семьи, умер в 1942 г. [28, л. 41–43].

После увольнения этих трех лиц и замены их благонадежными в политическом и религиозном отношении преподавателями, Григорьевская школа стала приобретать совершенно иной вид и не могла более рассматриваться как источник толстовской или иной вредной пропаганды. В 1900 г., предвзяв свой рапорт, священник И. Коринфский скажет – «давая отчет за последнее полугодие, весьма утешительно сообщить, что оно было временем укрепления доброго, религиозно-нравственного направления в школе» [36, л. 89 – 89 об.].

Семья Никифоровых еще некоторое время оставалась на хуторе Затишье, а затем и они покинули Лукояновский уезд приблизительно в конце 1897 – начале 1898 гг. и переехали в Москву. К сожалению, о судьбе Павла Никифорова после участия в земледельческой артели при Григорьевской школе у нас мало сведений. Известно, что в конце 1890-х гг. он отбыл воинскую повинность, с 1902 г. работал в канцелярии Тульского губернатора, а потом принимал участие в разработке данных переписи в Москве. В феврале 1905 г. за принадлежность к партии эсеров и организацию недозволенных собраний рабочих был выслан с воспрещением жительства в Москве и Московской губернии, после этого отправился в Харьков [45].

Кроме Павла, Григорьевскую школу посещали трое других сыновей Никифоровых – Владимир, Александр и Борис [28, л. 39]. Второй по старшинству сын Николай, с юных лет отличавшийся тягой к знаниям и по этой причине сбежавший из Тобошево от отца в город, какое-то время работал учителем в Григорьевской школе. Но не посещал церковь и был уволен за антицерковное поведение. По рассказу сестры оно состояло в том, что на одном из уроков он сжег икону в доказательство того, что не прав священник, утверждавший, будто иконы не горят [28, л. 27, 44]. Через некоторое время (до 1900 г.) Николай покончил жизнь самоубийством, так как «находил свое существование бессмысленным» [28, л. 52].

О жизни Бориса Никифорова нам неизвестно, судьба же его старших братьев Владимира и Александра, окончивших Григорьевскую школу, сложилась не менее трагично, чем у Николая. По сведениям полиции Владимир Никифоров после переезда семьи в Москву интересовался запрещенными произведениями Л.Н. Толстого и поступил на работу конторщиком железной дороги; затем начал принимать активное

участие в революционном движении. Затем трижды арестовывался, последний раз в Нижнем Новгороде [46]. В возрасте 22 лет 2 октября 1903 г. в камере Таганской тюрьмы после 8-месячного одиночного заключения сжег себя, облив керосином. Друзья-революционеры выпустили воззвание к обществу по поводу его самоубийства, с революционным пафосом обвиняя судей и жандармов в том, что своей жестокостью и издевательствами они довели его до самоубийства [47]. Надежда Никифорова отмечала, что расшатанные нервы брата, который уже не мог уснуть без наркотиков, не выдержали несчастной влюбленности в девушку Инну из соседней камеры [28, л. 58].

Александр Никифоров после исключения из Григорьевской школы поступил в 1900 г. в московскую школу садоводства «Студенец», где работал С.И. Апенченко. Под его влиянием 17-летний Александр окупился в революционное движение, пользуясь большой популярностью у рабочих [28, л. 57]. Ссылался в Тверь, но сбежал из-под гласного надзора; в марте 1905 г. был выслан в Нижний Новгород [48, л. 1, 15]. Этот 23-летний молодой человек, также увлекавшийся в детские и юные годы толстовскими идеями [28, л. 11], в апреле 1905 г. приобрел известность тем, что совершил «единственный крупный удавшийся акт террора в Нижегородской губернии» [49, с. 91] в период 1905–1907 гг. – по заданию местной организации эсеров он принял участие в убийстве начальника Нижегородского охранного отделения ротмистра А.В. Грешнера, «отличавшегося жестоким обращением к политическим» [28, л. 76]. А.Л. Никифоров был пойман на месте преступления, судим и приговорен к смертной казни. Л.П. Никифоров и его семья вновь, в этот раз на короткое время оказалась в Нижнем Новгороде для свидания с сыном, находившегося под следствием и судом [50, л. 15, 16]. Надежда Никифорова утверждала, что по рассказу брата само убийство совершил нижегородец, некто столяр Китаев, удачно скрывшийся; Александр же взял вину на себя, отказавшись давать подобные показания в суде [28, л. 76]. Узнав о приговоре, Л.Н. Толстой через свою родственницу выхлопотал помилование Николая II для А.Л. Никифорова. Однако «Д. Трепов, мстя за выстрел [в его отца Ф.Ф. Трепова] Веры Засулич [родной тети А.Л. Никифорова] поспешил дать распоряжение привести смертный приговор в исполнение. 12 августа [1905 г.] приговор был приведен в исполнение» [28, л. 78].

Судьба отца семейства Л.П. Никифорова, «дедушки русской революции» [33, л. 30 об.], как до, так и после Лукояновского периода его жизни заслуживает отдельного исследования. Как и для его детей, толстовство на Нижегородской земле оказалось для него временным увлечением, предшествовавшим вступлению в ряды революционеров.

Истории жизни С.И. Апенченко, П.В. Великанова, Павла, Владимира, Александра Никифоровых и их отца интересны также и в контексте динамики толстовского движения. Интерес к толстовству у русского общества был тем ошутимее, чем сильнее была в России реакция, чем «темнее» для общественно-политического развития были годы; в периоды же революционных подъемов толстовство во многом переставало быть спасительным течением для живой мысли, ищущей социальной и нравственной справедливости.

Кроме рассмотренной в начале очерка истории толстовской колонии на Щелоковском хуторе, последующее участие нижегородцев в толстовском движении имеет случайный характер. В 1911–1917 гг. одним из членов толстовской общины на хуторе Ржевск Воронежской губернии был Алексей Павлович Панкратов, рабочий Сормовского завода, принимавший участие в восстании Сормовских рабочих и в сооружении баррикад 1905 г. [51, л. 224]. В 1913–1915 гг. в с. Богородское, на Покровской улице, проживал Александр Иванович Головастиков, поместивший в журнале «Жизнь для всех» небольшую заметку, а затем статью о распаде в 1912 г. некоей толстовской колонии, участником которой он сам был [52, 53]. Речь идет об общине С.П. Турнаевой, располагавшейся в Хохловской волости Смоленского уезда и губернии [54, л. 210–216] и ставшей жертвой «затаенной подлости, гнездившейся под личиной соревнования и благочестия» [52, с. 905]. Нам неизвестно точно, являлся ли Головастиков жителем с. Богородское или лишь проживал там временно после распада толстовской колонии. В апреле 1920 г. в с. Китово Сергачского уезда Нижегородской губернии был образован любопытный кружок из 5 неизвестных нам лиц, близких по мировоззрению к толстовцам. Этот кружок поставил своими целями «1. Единение, основанное на любви, разуме и совести, 2. Распространение идей свободно-христианского мировоззрения, в духе Л.Н. Толстого, 3. Распространении идеи вегетарианства, воздержания от спиртных напитков и от курения табака, а также объяснение другим людям вреда мясоедения, курения и пьянства для души и для тела» [38, №3, с. 24]. 16 мая 1920 г. в с. Тонкино Варнавинского уезда, тогда относившегося к Костромской губернии, а с 1922 г. вошедший в состав Нижегородской губернии, по инициативе местного крестьянина Анатолия Комарова был образован «Кружок истинной свободы в память Л. Толстого». Кружок, состоявший из 8 человек, занимался культурно-просветительской деятельностью [38, № 5, с. 29]. Возможно, одним из его участников был толстовец Скачков-Ширяев, также проживавший в Варнавинском уезде; нам он известен благодаря тому, что в трудное для большевиков время, в декабре 1918 г., прислал в газету «Комму-

нист» сочувственное по отношению к советской власти письмо. «Я не состою в партии большевиков и не принадлежу ни к какой другой политической партии», – говорил этот простой толстовец – «но благородная идея коммунистов (в осуществлении которой многие сомневаются, а иные даже смеются) наполняет всю мою душу» [41, с. 117].

Вышеизложенными сведениями ограничивается причастность Нижегородской губернии к «толстовскому движению». Вполне возможно, что автору работы неизвестны какие-либо иные материалы по местной истории толстовства, поэтому всевозможные дополнения информации, данной в этом очерке, нам представляются крайне полезными и интересными.

Источники и литература

1. *Смирнов Д.Н.* Очерки жизни и быта нижегородцев в начале XX века (1900–1916 годы). – Нижний Новгород, 2001.

2. *Смирнов Д.Н.* Подготовительные материалы (заметки и выписки из разных источников) к работам по истории г. Н. Новгорода и Нижегородской губернии в 17 – начале 20 в. Т. 3 // Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-3101. Оп. 1. Д. 81.

3. *Смирнов Д.Н.* Подготовительные материалы (заметки и выписки из разных источников) к работам по истории г. Н. Новгорода и Нижегородской губернии в 17 – начале 20 в. Т. 4 // ЦАНО. Ф. Р-3101. Оп. 1. Д. 82.

4. *Булгаков В.Ф.* Лев Толстой, его друзья и близкие. Воспоминания и рассказы. – Тула. 1970.

5. *Алексеев В. И.* Воспоминания о Л.Н. Толстом с приложением писем Л.Н. Толстого к А.А. Бибикову // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 508. Оп. 1. Ед. 239.

6. *Пругавин А.С.* Неприемлющие мира. Очерки религиозных исканий. Анархическое течение в русском сектантстве. – М., 1918.

7. *Булгаков В.Ф.* Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л.Н. Толстого. – М., 2012.

8. Личное дело директора Нижегородского Коммерческого училища В.И. Алексеева // ЦАНО. Ф. 544. Оп. 470 (1). Д. 4.

9. *Поливанова Е.* Из прошлого (семидесятники) // Исторический вестник. – М., 1913. № 5.

10. Новая секта «перховцы» // Нижегородской биржевой листок. Нижний Новгород, 1891. № 217.

11. О земледельческих колониях. В усадьбе Дугино и на мызе Кубач, и в сельце Тверской губернии // Государственный архив РФ. Ф. 102, 3 д. Оп. 88 (1890 г.). Д. 128, ч. 2.
12. *Скорородов В.И.* Из воспоминаний старого общинника // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1914: № 2, 3, 4, 6, 7, 8–9, 11, 12; 1915: № 5, 6; 1916: № 7–8.
13. *Рахманов В.В.* Л.Н. Толстой и «толстовство» в конце восьмидесятых и начале девяностых годов // Минувшие годы. 1908. № 9.
14. *Рахманов В.В.* Князь Георгий Александрович Дадиани. По личным воспоминаниям. – М., 1905.
15. По установлению негласного надзора за врачом Рахмановым, как принадлежащим к секте «перховцев» // ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1434.
16. *Желтов Ф.А.* Ответы на анкету редакторского комитета Юбилейного Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого // Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 23.
17. *Михайлов А.* Письмо к Бонч-Бруевичу В.Д. [1910 окт.] // НИОР РГБ. Ф. 369. К. 308. Ед. хр. 49.
18. Л.Н. Толстой и Ф.А. Желтов: переписка. – Оттава, 1999.
19. Федор Алексеевич Желтов. Перед людьми: избранное. – Богородск, 2014.
20. Толстой и голод. – Нижний Новгород, 1912.
21. *Величкина В.М.* В голодный год с Львом Толстым. Воспоминания. – М.-Л., 1928.
22. *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений в 90 т. – М., 1992.
23. *Михайлов А.* В «толстовской» колонии. По личным воспоминаниям // Вестник Европы. 1908. № 9, 10.
24. О колонии «толстовцев» на хуторе Кура-Гада Терской области // ГАРФ. Ф. 124. Оп. 8 (1899 г.). Д. 405.
25. О враче Владимире Васильеве Рахманове // ГАРФ. Ф. 102. 3 д. Оп. 91 (1893 г.). Д. 1061.
26. Буткевич (урожд. Рахманова) Евгения Васильевна. Ответы на анкеты редакторского комитета Юбилейного Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого: 1) о себе; 2) о Рахманове Владимире Васильевиче; 3) о Невзоровой Софье Петровне и Шохор-Троцком К.С. 1931, март 7 // НИОР РГБ. Ф. 345. К. 26. Ед. хр. 13.
27. Дело о П.В. Великанове и А. Гвоздецком – последователях учения Льва Толстого, распространяющих это учение в сельскохозяйственной школе Лукояновского уезда, принадлежащей Губернскому земству // ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 1932.

28. *Никифорова Н.Л.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1792. Оп. 1. Ед. хр. 9.
29. О земском начальнике, статском советнике Владимире Семенове Кабанове // ГАРФ. Ф. 102. 3 д. Оп. 93 (1895 г.) Д. 1184.
30. Очерки практических мероприятий Нижегородского земства в экономической области // Нижегородская губерния по исследованиям губернского земства. Вып. 3. – СПб., 1896. URL: http://www.opentextnn.ru/history/rushist/dorevigu/gubnn/su/?id=3425#_Тoc266143685
31. Переписка об учреждении стипендии в Григорьевской сельскохозяйственной школе имени умершего губернского гласного Николая Ивановича Русинова // ЦАНО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 1673.
32. *Великанов П.В.* Письма к Шохор-Троцкому К.С. // НИОР РГБ. Ф. 345. К. 68. Ед. хр. 50.
33. *Великанов П.В.* Письма к Бонч-Бруевичу В.Д. // НИОР РГБ. Ф. 369. К. 249. Ед. хр. 52.
34. Об учителе Семене Иванове Апенченко // ГАРФ. Ф. 102. 3 д. Оп. 95 (1898 г.) Д. 1650.
35. *Ребровский Н.Д.* Список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии и утвержденным в дворянском достоинстве. – Нижний Новгород, 1902.
36. Дело о появлении в сельскохозяйственной Григоровской школе Лукояновского уезда последователей учения гр. Л. Толстого между учителями и учащимися // ЦАНО. Ф. 570. Оп. 559. Д. 36.
37. О высланном из г. Москвы за политическую неблагонадежность сыне подполковника Андрее Калиникове Гвоздецком // ЦАНО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 2000.
38. *Бондарев Т.* Трудолюбие и тунеядство или Торжество земледельца. – СПб., 1906.
39. Истинная Свобода: религиозно-философский, общественный и литературный журнал. 1920. № 1–6.
40. *Великанов Павел Васильевич.* [Материалы для бесед политико-просветительского характера] // НИОР РГБ. Ф. 369. К. 378. Ед. хр. 37.
41. *Клибанов А.И.* Из мира религиозного сектантства. Встречи. Беседы. Наблюдения. М., 1974.
42. *Великанов П.В.* Письмо к Горбунову-Посадову Ивану Ивановичу // НИОР РГБ. Ф. 369. К. 249. Ед. хр. 53.
43. *Великанова В.П.* Письмо к Бонч-Бруевичу В.Д. // НИОР РГБ. Ф. 369. К. 249. Ед. хр. 56.
44. *Бонч-Бруевич В.Д.* Письма к Великанову П.В. // НИОР РГБ. Ф. 369. К. 135. Ед. хр. 37.

45. О дворянине Павле Львове Никифорове // ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 100 (1902 г.). Д. 642.
46. О сыне дворянина Владимира Львове Никифорове // ГАРФ. Ф. 102. 3 д. Оп. 98 (1900 г.). Д. 1027.
47. Обращение к обществу, выпущенное товарищами Владимира Львовича Никифорова, сжегшего себя в тюрьме // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 4244.
48. О дворянине Александре Львове Никифорове // ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 233а. (1905 г.) Д. 982.
49. *Медведев А.В., Слепченкова А.А.* Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае (1895–1923). Нижний Новгород, 2012.
50. О состоящем под особым надзором полиции дворянине Льве Павлове Никифорове // ЦАНО. Ф. 342. Оп. 1. Д. 3465.
51. О социалисте-революционере Борисе Николаевиче Моисеенко // ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 242 (1912 г.). Д. 360.
52. Жизнь для всех. 1913. № 6. С. 905.
53. *Головастиков А.* Кое-что о земледельческих колониях // Жизнь для всех. 1915. № 4.
54. Дело по наблюдению за последователями Л.Н. Толстого, толстовцами, отказавшимися от военной службы и т.д. // ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 240 (1910 г.). Д. 123.

ИСТОРИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОНЧАРНОГО ЗАВОДА

Н.И. Казарина

В конце XVIII века в Нижнем Новгороде существовали канатовязальные, котельный и стальной заводы, полотняная фабрика. Производством же строительных материалов город похвастать не мог. В развитии этого производства не было потребности. В 33 верстах вверх по Волге располагалась Балахна с десятками кирпичных кустарных предприятий. Балахнинцы выполняли в срок любой заказ нижегородцев на строительный кирпич, изразцы и черепицу [1, с. 260].

В Нижнем Новгороде также проживало немало каменщиков и кирпичников, однако никто из них, по-видимому, не занимался своим промыслом на месте.

К середине XIX века ситуация несколько изменилась – в городе насчитывалось уже семь кирпичных заводов. Это были небольшие предприятия с примитивным оборудованием и небольшим числом рабочих. Общее число занятых на них мастеров в 1847 году составляло 28 человек [2, с.197]. Владельцам таких заводов приходилось вести постоянную неравную борьбу с 20 аналогичными балахнинскими предприятиями с общей производительностью 2 миллиона штук кирпича в год.

Изменить сложившуюся в течение многих десятилетий неблагоприятную для губернского города ситуацию сумел лишь Иван Афанасьевич Костин – торговый гость второй гильдии из крестьян села Костина Покровского уезда Владимирской губернии. Его завод станет ведущим предприятием керамической промышленности Нижегородской губернии.

Построен он был в 1861 году [3], но И.А. Костин не являлся его первым владельцем. Удалось выяснить, что это промышленное предприятие было открыто мещанином Михаилом Васильевичем Пирожниковым. Позднее улица, на которой были построены корпуса гончарного завода, получит имя первого владельца – Пирожниковская. Изначально завод был задуман как завод строительного кирпича. Пирожников, до тех пор кирпичным делом не занимавшийся, сразу же сдал предприятие в аренду крестьянам пригородного села Гордеевки Алексею Николаевичу Трифонову и Степану Ивановичу Сидорову.

Надежды Пирожникова на спокойную жизнь и получение от завода достаточно высокого стабильного дохода не оправдались. Его арендаторов меньше всего заботили интересы хозяина. Их главным принципом стало – выжать из завода все что только можно. В результате подобного «хозяйствования» совершенно новое предприятие начало быстро приходить в упадок. Неоднократные попытки Пирожникова договориться с потерявшими стыд крестьянами из Гордеевки положительных результатов не принесли. Владельцу завода ничего не оставалось, как обратиться за помощью в Нижегородский окружной суд. Вот несколько небольших отрывков из иска владельца завода: «Крестьяне Трифонов и Сидоров, согласно контракту, обязаны кирпичный мой завод содержать с 1 января 1862 года по 1 января 1868 года в надлежащей исправности, глину брать на выдачу кирпичей у сараев и по истечении арендного срока завод сдать в том же виде, как принят ими, но как видно из возражения моего, поданного в палату гражданского суда 12 декабря 1867 года, не только не выполнили, но даже к увеличению... мне убытков заводом моим пользуются самовластно по настоящее время... заняв оный кирпичным товаром, довести мой завод в раз-

рушенном виде и не приведя его в нормальный вид до настоящего даже времени. Несмотря на все мои просимости об удовлетворении меня, чтобы чрез таковые Трофимова и Сидорова поступки не мог я более чрез приведение ими в разрушенное положение завода потерпеть убыточное время, я просил 8 марта Нижегородское полицейское управление разрешить мне об отдаче завода к приведению в нормальный вид благонадежному подрядчику по контракту и тем избавить меня от дальнейших убытков...».

В заключительной части прошения, истец потребовал наложить арест на весь находящийся на заводе кирпичный товар и взыскать со своих обидчиков 3780 рублей 55 копеек. Скандальная тяжба владельца завода с недобросовестными арендаторами продолжалась до февраля 1872 года. Суд Пирожникову в его требованиях отказал, но убыточный арендный контракт с Трифоновым и Сидоровым аннулировал.

После всех пережитых волнений и многочисленных судебных разбирательств Михаил Пирожников решил больше не испытывать судьбу, отдавая злуполучный завод в аренду. Сразу же после завершения судебного процесса и выплаты судебных издержек он продал завод [4]. Покупателем был Иван Афанасьевич Костин.

Иван Костин не стал заурядным производителем кирпича и изразцов, которых в России было великое множество. Создавая производство, он использовал новейшие технические достижения в его развитии, расширил ассортимент продукции, выпуская огнеупорный кирпич, и более дорогую, востребованную на рынке керамическую продукцию. К середине 1890-х нижегородский купец II гильдии И.А. Костин фактически стал монополистом в регионе и одним из немногих оптовых поставщиков огнеупорного кирпича и изразцов на Нижегородскую ярмарку [5, с. 119].

О заводе Ивана Костина можно прочитать в сборнике 1926 года «Нижегородский край»: «Возможность существования такого сравнительно большого завода в Нижнем обуславливается большим спросом на огнеупорный кирпич и другие огнеупорные изделия со стороны пароходств и заводов и отсутствием на Волге других такого рода заводов». Далее: «Огнеупорно-керамическая промышленность не могла особенно развиваться в Нижегородской губернии, так как исходного сырья в нашей губернии нет. Завод, основанный в Канавино Костиным, пользовался и пользуется почти исключительно привозным сырьевым материалом» [6, с. 147].

Отчасти это верно. Сырье на завод Костина поступало из Московской губернии. Но так было не всегда. Как только завод попал в руки Костина, для своего производства хозяин решил использовать

местную белую глину с берегов Оки, что, по всей видимости, было подсказано ему владельцем другого гончарного завода – брауншвейгским подданным Леонтием Федоровичем Отто. Эта глина принадлежала городу. Противоправные действия новых друзей не привели их на скамью подсудимых, но после серьезного внушения в полиции Отто спешно покинул город, а Костину 24 января 1879 года пришлось дать подписку о недопущении подобных действий в будущем. Вот ее текст: «Отношение городской управы за №394 читал и обязуюсь не дозволять своим рабочим рыть беловатую глину на месте, указанном управой» [7].

Вероятно, Отто был деловым наставником Костина во многих вопросах. Скорее всего, именно он познакомил его с европейскими стандартами организации труда и последними достижениями европейской науки и техники. После громкого скандала, Иван Афанасьевич принял за коренную реконструкцию производства. Им было закуплено за границей современное оборудование, произведена электрификация производственного процесса, налажены контакты с поставщиками качественной глины, в частности, с известным производителем фарфора М.С. Кузнецовым и расширен ассортимент выпускаемой продукции.

Большие надежды Костин возлагал на Всероссийскую промышленную и художественную выставку 1896 года, которая должна была стать всероссийской рекламой его продукции.

В статье Казимира Богдзевича читаем: «И.А. Костин следит за всеми усовершенствованиями гончарного дела за границей и выписывает оттуда рисунки и чертежи, производит опыты с новейшими изобретениями по части составов глины с другими веществами, и вообще, по-видимому, очень интересуется всем, что только, по местным условиям, могло бы оказаться пригодным в его производстве.

Владелец завода, – отмечает автор, – принимает участие на Всероссийской выставке 1896 года. При подаче заявления, он просил отвести ему место, вполне достаточное для экспонирования изящной изразцовой печи, по специально исполненному рисунку, намеревался показать на выставке весь ход интересного гончарного производства; но по разверстке оказалось, что он может получить в свое распоряжение только 4 квадратных аршина. Это очень стеснило широкую мысль предпринимателя, о чем нельзя не пожалеть, так как всего задуманного решительно нельзя осуществить на таком незначительном пространстве» [8, с. 75]. Мечтам Костина о всероссийской рекламе завода не суждено было сбыться, но и того, что ему удалось выставить на этот крохотный стенд, хватило для получения бронзовой медали, изображение которой украсило клеймо выпускаемой им продукции [9, с. 197].

Костин, неустанно занимаясь собственным предприятием, не забывал и об общественной деятельности, уделяя немалое время и городским нуждам. Купец-кирпичник вошел в довольно узкий круг уважаемых и авторитетных граждан города. В 1897 году нижегородцы избирают его гласным городской думы [10, л.1–4]. Будучи истинно верующим человеком, Иван Афанасьевич исполнял обязанности церковного старосты, состоял попечителем церковно-приходской школы при Спасо-Преображенской кладбищенской церкви в Макарьевской части Нижнего Новгорода (Канавине).

Коммерческие дела у Костина шли прекрасно, и в XX веке его предприятие продолжало развиваться. Завод на улице Александровской, в Макарьевской части, был расширен, появились строения на улице Пирожниковской (ныне ул. А. Пешкова) [11]. После начала Первой мировой войны предприятия И.А. Костина выполняли оборонные заказы — поставляли огнеупорный кирпич для литейных цехов Казанского паровозного завода, Сормовского и Коломенского заводов. Предприятие работало круглый год. Число рабочих на заводе составляло – 230 человек [6, с. 147]. При этом производительность достигала 7500 штук кирпича в сутки, в год выпускалось до 2 160 000 штук. Несмотря на трудное военное время, на заводе продолжали выпускать и мирную продукцию — до 750 изразцов в сутки [12].

Пережившее военное лихолетье предприятие не устояло в вихре начавшейся революции. В марте 1918 года губернский совнархоз вынес решение о национализации «Торгового дома И. А. Костина с племянниками». Присланные на завод представители Нижегородского губернского совнархоза Андреев и Емелин предъявили свои мандаты и принялись за перепись заводского имущества. На многочисленных бланках анкеты Всероссийской промышленной переписи ими были перечислены заводские цеха, технические характеристики находившегося в них оборудования, хранившиеся на заводских складах запасы сырья и готовой продукции, ассортимент продукции, производительность предприятия, а также число занятых в производстве рабочих. Вся эта процедура происходила без участия бывшего владельца предприятия. В анкете представителями совнархоза было специально оговорено, что бывший владелец на момент переписи в городе не проживает [12]. Однако Иван Афанасьевич Костин оставался в Нижнем Новгороде и не собирался его покидать.

Сначала кирпичное производство было частично приостановлено, а затем закрыто из-за недостатка материалов и отсутствия должного числа рабочих. В начале 1920-х годов бывший завод И. А. Костина вновь заработал. Теперь он получил новое название – «Пролетарий» [13].

Из существовавших в Нижегородской губернии гончарных и кирпичных заводов после национализации сумел устоять лишь бывший гончарный завод И.А. Костина. Для более мелких кирпичных заводов П.С. Тюрина и Ф.М. Воронина в селе Высоково, А.И. Грибкова и Н.Д. Чеснокова в Нижнем Новгороде, А.Н. Ляпунова в Сергачском уезде национализация стала гибельной.

Некоторое время завод работал самостоятельно, в июле 1924 года вошел в трест «Нижсиликат». Трест объединял завод огнеупорно-керамиковых изделий (бывший Костина), завод «Ш Интернационал», выпускающий известь и алебастр, Растяпинскую группу алебастровых заводов. Позднее к ним присоединят новый завод красного строительного кирпича в селе Карповке [14, с. 36].

После этих перемен жизнь рабочих завода «Пролетарий» мало изменилась. Как работали они в 1917 году по 8 часов в день на хозяина Ивана Костина, так и продолжали трудиться по 8 часов в новые времена. В № 67 Нижегородской коммуны от 3 апреля 1924 года в статье «Профессиональная гигиена и несчастные случаи» сообщалось, что на заводе «Пролетарий» невозможные условия труда. «Тяжелый, однообразный, утомительный труд вызывает профессиональные заболевания рабочих. Около печей жара как в бане, вентиляции не видно, теснота, станки не ограждены щитами, все это способствует развитию простудных заболеваний, ревматизма и несчастных случаев» [15]. И вот в этих нечеловеческих производственных условиях, как с оптимизмом писала одна из городских газет, «в этом ежедневном, упорном труде ковалось будущее благополучие республики».

Безработица, дороговизна, денежная реформа и один из самых злободневных вопросов – квартирный. Проблемы жилья для рабочих заводов Канавино существовали всегда, завод Костина – не исключение. Еще в конце XIX века И.А. Костин пытался решить эту крайне непростую проблему и вознамерился построить поселок для своих рабочих [16].

В заявлении, поданном в городскую управу в июле 1897 года, содержалась просьба о сдаче ему в аренду участка земли «под постройку жилых маленьких помещений под квартиры рабочих людей». Но из этой затеи фабриканта так ничего и не получилось – то ли городская дума не дала разрешение на выделение земли, то ли хозяин завода пожалел потратить деньги на строительство.

И только в 1924 году уже новая власть занялась решением застарелой проблемы. Рабочие и их семьи получили новые квартиры на арендных условиях. Местная городская газета сообщила читателям: «Долго рабочие завода «Пролетарий» жили в несносных условиях. Как

перенаселенные, невозможно грязные общежития, так и отдельные, неосвещаемые клетки, похожие на опрокинутые сундуки – в свое время описывались наравне с жизнью под открытым небом, среди кирпичных штабелей. Жилищный набат был услышан, и у Куни арендовали четыре дома, за 4992 рубля на 12 лет. Рабочие разместились, чувствуя себя настоящими жильцами. Но «барствовать» долго не пришлось: появилась такса за квартиру, у получающих по 3 – 4 разряду – уши вянут – 96 копеек с квадратной сажени. И вспоминается пресловутый «один товарный рубль с носу» – при старых условиях» [17].

В 1924 году на заводе произошло чрезвычайное происшествие: возникший ночью большой пожар уничтожил один из цехов [18]. Подробный репортаж о трагическом происшествии на одном из заводов Канавино и о причинах его возникновения поместила газета Нижегородская коммуна в статье «По заводам Канавина» [19].

«Пожар, пожар! Завод горит – вылетали на улицу рабочие вместе с первыми тревожными гудками. Прибежали на пожарище и удивляются: что это сирена ревет? О чем она еще беспокоится, – все, что могло гореть, уже догорело. Глядь, и пожарные прут. Растягивают рукава, пускают воду. ... А вот рукав к рукаву не подходит – прокладка толста, да и малость подопрела: воду не держат. Прикатили еще кто-то. Видят: горит. Принимая во внимание, что здание не застраховано...

Отчего же пожар произошел, да в такое глухое время? – задает вопрос кто-то из рабочих.

– Да вот потому, что правил не соблюдается – отвечает другой – написано «Не курить». А что? Пол окурками засеян.

– Если от курения, то не в 4 часа утра загорелся бы, а в 9–10 часов вечера, ведь цех запирается полностью.

– Нет, это от проводов! Разве подобные вещи у нас впервые? Сколько раз горело от проводов, но все случалось при людях. Провода кой-как развесили, если к реостату подойдешь, не узнаешь, реостат ли висит или из мусорной ямы вытащили чугунный ящик сушиться. Как тут пожару не быть.

– Все потому, что плохо хозяйствуем. Вот, например, зав. силовой станцией. Куда он? Ему бы в пастухи. А глядь, дают такую ответственную должность. Ровно людей нет. И что же? Пожар, тушить надо, у него паровой насос не работает. Это что? Полный подрыв. А нам-то какво, если завод закроют? Или на все четыре стороны. Так рассуждали рабочие завода. В головах бродили беспокойные мысли о сокращении, о закрытии завода, о семьях, о будущем».

В сборнике «Нижегородская местная промышленность 1923–1924» сообщается, что завод огнеупорно-керамиковых изделий отстро-

ен заново после пожара в 1924 году, причем произведен капитальный ремонт печей. Автор утверждает, что «благодаря доброкачественности и дешевизне, изделия его вполне удовлетворяют рынок и находят сбыт по всему Поволжью и Центральному району, вытесняя конкуренцию других заводов всюду, где это позволяет фрахт» [14, с. 36].

Завод не закрыли, но сокращение рабочих мест все же прошло. Те, кто продолжал трудиться на заводе, едва ли выработывали норму. В июльском выпуске № 172 «Нижегородской коммуны» за 1925 год новая статья о заводе «Пролетарий» информирует читателей о положении дел на национализированном заводе: «Рабочие формовочного цеха после полочки пьянствуют по 4–5 дней. Из 80-ти штук трехпудовых огнеупорных моделей, из горна годных вышло 27 штук, а остальные пошли в брак. Рабочие приносят спиртные напитки и, напившись пьяные, бродят по заводу как мухи, выработав 32 %». При И.А. Костине в принципе не могло быть ничего подобного. Жесткая система штрафов и угроза увольнения заставляла мастеровых добросовестно работать. В конце концов и новым городским властям пришлось бороться с творящимися на заводе безобразиями.

В сборнике «Нижегородский край» 1926 года приведена таблица производительности завода в разные годы до и после революции. Из этих данных видно, что производительность 1922 года составляла 46 % максимальной довоенной производительности [6, с. 147].

В сборнике «Нижегородская местная промышленность 1924–1926 года» представлен подробный экономический анализ завода «Пролетарий» [20, с. 60]. Из него узнаем, что «завод по-прежнему выработывает огнеупорный шамотный кирпич нормальный и фасовочный, изразцы и глину шамотную. Завод почти заново обновлен. Производство огнеупорного кирпича механизировано, оборудуется дробильное отделение и намечено расширение изразцового цеха».

До революции, – пишет автор, – завод выработывал, главным образом, изразцы, гончарные трубы, фасонные изделия и в небольшом количестве белый огнеупорный кирпич «Гжельский» (но не шамотный).

После революции огнеупорная промышленность заметно сократила свое производство и в стране начал ощущаться острый недостаток огнеупорных припасов и, наоборот, почти совершенно прекратился спрос на изразцы, отчасти и на гончарные трубы. Это принудило Нижегородский Губернский Совет Народного хозяйства (НГСНХ) предложить заводу перейти на производство огнеупорных шамотных изделий. Недостаток огнеупорных припасов особенно сильно ощущался в 1924–1925 году, когда приходилось в большом количестве импортиро-

вать огнеупорные изделия из-за границы. Описанное явилось толчком к быстрому восстановлению и расширению огнеупорной промышленности.

Завод «Пролетарий» сделал многое по расширению цеха огнеупорных изделий и тем самым помог нижегородской промышленности выйти из создавшегося затруднения.

Темп развертывания огнеупорной промышленности был настолько высок, что стало замечаться даже перепроизводство огнеупорного кирпича, в результате чего у многих производителей, в том числе и у Нижсилеката появилось затоваривание.

Известно, что осенью 1927 года на заводе была выстроена железнодорожная ветка для подачи вагонов с сырьем на территорию. Устройство ветки позволило снизить расходы по гужевому транспорту на 3860 рублей в год [21, с. 19].

Что до самого бывшего владельца, то при новой власти он прожил еще более десяти лет, скончавшись после «непродолжительной и тяжелой болезни 22 января 1928 года». Отпевание проходило в Спасо-Преображенской кладбищенской церкви в Макарьевской части Нижнего Новгорода (Напольная церковь) [22], той самой церкви, попечителем которой Иван Афанасьевич был долгие годы.

Источники и литература

1. *Агафонов С.Л.* Горький. Балахна. Макарьев. – М., 1987.
2. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1847 год. – Нижний Новгород, 1847.
3. *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского. – СПб, 1887.
4. Информация И.А. Макарова.
5. *Каменский В.И.* Отчет о ходе торговли в Нижегородской ярмарке 1902 года. – Нижний Новгород, 1903.
6. Нижегородский край. Часть 2 «Хозяйство». – Нижний Новгород, 1926.
7. Центральный архив Нижегородской области (далее ЦАНО). Ф. 30. Оп. 35. Д. 1748.
8. *Богдзевич К.* Очерки нижегородской промышленности. – Нижний Новгород, 1896.
9. Всероссийская промышленная и художественная выставка 1896 года в Нижнем Новгороде. Список экспонентов, удостоенных похвальных наград. – СПб. 1897.
10. ЦАНО. Ф. 30. Оп. 35а. Д. 6864.

11. ЦАНО. Ф. 5 Оп. 49. 1896 г. Д. 13438.
12. ЦАНО. Ф. 124. Оп. 7. Д. 234.
13. *Кавказский А.* Начинает оживать // Нижегородская коммуна. 1923, 11 нояб.
14. Нижегородская местная промышленность 1923–1924. Издание НГСНХ. – Нижний Новгород, 1925.
15. Профессиональная гигиена и несчастные случаи // Нижегородская коммуна. 1924, 3 апр.
16. Информация В.В. Краснова.
17. Немного о жилье // Нижегородская коммуна. 1924, 20 апр.
18. *Прокопьев Д.В.* Художественные промысла Горьковской области. – Горький, 1939.
19. По заводам Канавино // Нижегородская коммуна. 1925, 25 марта.
20. Нижегородская местная промышленность 1924–1926. Издание НГСНХ. – Нижний Новгород, 1927.
21. Нижегородская местная промышленность 1926–1927. Издание НГСНХ. – Нижний Новгород, 1927.
22. Нижегородская коммуна. 1928, 24 янв.

МОБИЛИЗАЦИЯ АВТОТРАНСПОРТА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.Ю. Альбов

В 2014 году исполнилось сто лет со дня начало войны, ставшей первой в истории человечества «войной моторов», в ходе которой технические средства борьбы, в том числе и автотранспорт, получили поистине гигантское развитие. В начальный период боевых действий основу автопарка вооруженных сил стран главных участников конфликта, оставляли автомобили, мобилизованные у частных владельцев. Не являлась тут исключением и Российская империя. Мобилизации автотранспорта на территории Нижегородской губернии и посвящена данная работа, источниковой базой для написания которой стали документы Центрального архива Нижегородской области (ЦАНО).

Следует отметить, что в 1914 году Россия по уровню автомобилизации сильно отставала от ведущих государств Западной Европы. К началу Мировой войны, в стране насчитывалось всего около 11 тыс.

автомобилей (в т.ч. около 2 тыс. грузовых). А в Англии имелось 246 тыс., во Франции – 101 тыс., в Германии – 57 тыс. автомашин! [1, с. 6]

Отечественная же автомобильная промышленность находилась в зачаточном состоянии. Наш «автопром» за 20 лет (1896–1915 гг.) изготовил немногим более тысячи автомобилей. Потребность в них почти полностью покрывалась за счет импорта. Так, было ввезено [7, с. 18]:

1911 г. – 2717 машин,

1912 г. – 3440 машин,

1913 г. – 5416 машин,

1914 г. – 4590 машин.

В то время как единственный серьезный отечественный производитель автомобильный отдел «Русско-балтийского вагонного завода» (г. Рига), за шесть лет (1909–1915 гг.) изготовил около 700–800 машин. Ситуацию усугубляло то, что импортируемая техника была крайне разнотипна (имелись автомобили около 300 фирм!) [7, с. 18].

При превосходстве вероятного противника в количестве автомашин, некоторым утешением для русского командования могло служить российское бездорожье. Так, в 1910 г. на каждые 100 квадратных верст в Европейской части Российской империи приходилось 0,66 версты шоссе, тогда как в Германии 49 верст [6, с. 102–103]. Контраст поразительный! Надо думать, что к лету 1914 года ситуация изменилась не сильно.

Тем не менее, не следует забывать, что автомобили с двигателем внутреннего сгорания, появились в русской армии еще в конце XIX века. Например, они участвовали в белостокских маневрах 1897 года. В годы русско-японской войны, одиннадцать легковых автомобилей имелось в действующей армии при штабе генерала Куропаткина, а к началу Первой мировой войны русская армия обладала уже 711 автомобилями, в том числе 418 грузовыми [1, с. 7]. Однако, в канун войны, значение автомобильного транспорта в деле снабжения и переброски войск все еще сильно недооценивалось, как в России, так и в других странах.

Ну а когда же появились первые автомобили в нашем регионе? Тут существуют, по крайней мере, три версии:

Во-первых, нижегородец-краевед Д.Н. Смирнов в заметке «Первый автомобиль в Н. Новгороде» (1957 г.) писал, что первым в Нижнем приобрел автомобиль его отец, и было это в 1907 году [5, с. 4]. С ним солидарен исследователь Н. Наумов [4, с. 4].

Во-вторых, тот же Д.Н. Смирнов в газете «Горьковский рабочий» (1966 г.) переносит время приобретения его отцом автомобиля на 1903 год [2, с. 4] Чему же верить?

В-третьих, по данным М.С. Кудрявцева, на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 года нижегородцами было приобретено четыре автомобиля фирмы Яковлева и Фрезе. Первыми автовладельцами стали: «полицмейстер, председатель городской думы, начальник пожарной команды и предприниматель К.И. Гейнце» [3, с.55–60].

Все три версии имеют уязвимые места, но подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной работы.

1 августа (19 июля) 1914 года, Германия объявила войну России, и та стала непосредственным участником разгоравшегося мирового конфликта. А 2 августа (20 июля), в «Правительственном вестнике» было напечатано «Высочайше утвержденное» 30 июля (17 июля) «Положение о военно-автомобильной повинности во всех местностях Империи, за исключением Великого Княжества Финляндского». Которое и стало основополагающим документом по ее проведению.

Мобилизация, впрочем, являлась далеко не «тотальной». По военно-автомобильной повинности поставлялись «самодвижущиеся экипажи» за исключением: «состоящих во дворцовых горожах Императорской Фамилии, а равно экипажей принадлежащих: а) государственным установлениям, казенным учреждениям и заведениям; б) иностранным посольствам и миссиям, а также поданным тех иностранных государств, с которыми заключены соглашения об освобождении их поданных от воинских повинностей и реквизиций, за исключением, однако, самодвижущихся экипажей, употребляемых такими иностранцами для торговых и промышленных целей; в) городским общественным и частным пожарным командам в числе, в числе определенном действующими о них положениями; г) государственным земским и обывательским почтовым станциям в числе, определенном для каждой из них контрактами или составляемыми почтовым ведомством расписаниями; д) предприятиям содержащим правильное почтовое сообщение на основании заключенных с почтовым ведомством договоров, в числе экипажей, которое устанавливается означенным ведомством». Кроме того, как уже упоминалось выше, мобилизация не затрагивала Великое Княжество Финляндское. Таким образом, немалая часть автопарка Российской Империи (и не худшая, надо полагать) военно-автомобильной повинностью не затрагивалась.

Определялось, что «главное заведование поставкою самодвижущихся экипажей в войсках ... принадлежит Министерству Внутрен-

них дел, а в местностях, состоящих в ведении Военного Министерства, сему последнему». Местное же руководство относилось к обязанностям: «в губерниях и областях – губернаторов и губернских или областных правлений, или заменяющих их установлений, в градоначальствах – градоначальников и их управлений, а в городах и уездах – подлежащих полицейских управлений». При этом: «Все самодвижущиеся экипажи должны быть записаны в особую реестровую книгу». Храниться эти реестры должны были «в губернских правлениях или заменяющих их установлениях и в управлениях градоначальников».

Приемка должна была производиться на сдаточных пунктах. Их образование и распределение между ними подлежащей мобилизации автотехники возлагалось на Военное Министерство. Оповещение владельцев или управляющих «самодвижущимися экипажами» на какой сдаточный пункт и в какой день они должны доставить технику следовало произвести еще в мирное время. Сие было просто невыполнимо – «Положение» было опубликовано на второй день войны, а сдаточный пункт в Нижегородской губернии был организован вообще в конце осени 1914 года.

За мобилизованные автомобили и мотоциклы, а также за инструмент и запасные части к ним полагалось вознаграждение, размер которого определялся приемной комиссией «в зависимости от степени сохранности машины, продолжительности ее эксплуатации и первоначальной заводской стоимости». Комиссия руководствовалась при этом особой инструкцией, которая будет нами рассмотрена несколько ниже. Уплата производилась местным казначейством, при предъявлении выданной приемной комиссией квитанции. Причем деньги выдавались полностью, делать вычет «на покрытие каких бы то ни было недоимок и взысканий» запрещалось.

«Положение» уделило внимание и водительскому составу. Определялось, что запасные нижние чины и ратники государственного ополчения, состоящие шоферами мобилизованных автомобилей, а также мотоциклисты на своих машинах, по мобилизации пребывают на сдаточные пункты. По принятию техники в войска они считаются принятыми на воинскую службу. А затем, либо остаются при своих машинах, либо «получают иное назначение».

Были предусмотрены также меры по пресечению возможного саботажа владельцев автомобилей при проведении мобилизации. Так, воспрещался вывоз машин за границу. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных дополнили статьями 541³ и 541⁴ По ст. 541³, за непредставление на сдаточный пункт машины «с инструментом и запасными частями» без уважительных на то причин, виновный штрафо-

вался «не свыше двойной цены определенной за наивысший по стоимости вид сих предметов той же фирмы». Согласно же ст. 541⁴: «За умышленное повреждение, уничтожение, сокрытие от должностных лиц, заведывающих поставкою самодвижущихся экипажей для вооруженных сил, а также за вывоз за границу таковых экипажей, а равно запасных частей, если сие учинено во время мобилизации или во время войны, виновные подвергаются заключению в тюрьме от двух до восьми месяцев».

В развитие «Положения» 4 августа (22 июля) 1914 года в офицозе Военного министерства газете «Русский инвалид» были опубликованы две инструкции, детализировавшие технические требования к принимаемым автомобилям и правила определения размера материальной компенсации за них. Мотоциклы в инструкциях не упомянуты, видимо предполагалось руководствоваться «автомобильными» критериями. Конечно, в тех пунктах, в которых они применимы к двухколесным машинам (например, снимался вопрос о клиренсе).

Инструкция «для определения годности к военной и военно-морской службе самодвижущихся экипажей (автомобилей) и порядке приемке их при мобилизации и во время войны», делила машины на три категории: легковые, грузовые и специального назначения. Годными признавались «самодвижущиеся экипажи» не дослужившие «год или более» до полного срока их службы (определен инструкцией по материальному вознаграждению владельцев) и удовлетворявшие нижеследующим техническим требованиям:

мощность: от 8 до 30 л/с (для легковых), не менее 10 л/с (для грузовых);

число мест: не менее 2-х (для легковых);

передача: цепь или кардан;

тормоза: не менее 2-х независимых;

превышение осей над дорогой: не менее 15 см., а частей между осями – 18 см.

Автовладельцы обязаны были предъявить на сдаточных пунктах документы, подтверждающие в частности срок службы и покупную цену «самодвижущихся экипажей». В случае же отсутствия оных, комиссия по приему сама устанавливала эти данные.

В признанных годными к приемке автомобилях по десятибалльной системе оценивались следующие их части: силовая установка, сцепление, механизм перемены скоростей, передача, рулевое управление, рамы, тормоза, рессоры и колеса, шины, кузов и инструменты. При этом принимался во внимание «отвечающий сроку службы нор-

мальный износ». Сумма баллов по всем десяти позициям, деленная на сто, давала «коэффициент состояния» машины.

8 августа (26 июля), через четыре дня опубликования инструкции «для определения годности», в «Русском инвалиде» напечатали и инструкцию «для определения» размера вознаграждения за самодвижущиеся экипажи (автомобили), поставляемые населением в войска по военно-автомобильной повинности». Данным документом определялся и срок службы автомобилей, подлежащих мобилизации: шесть лет для легковых, пять лет для грузовых, для специальных же «применительно к той категории, к которой они ближе подходят» срок исчислялся с точностью до месяца, причем, если имелся неполный месяц (но не менее половины), он засчитывался за полный.

Размер же вознаграждения определялся следующим образом: первоначальная стоимость автомобиля множилась на отношения оставшейся части срока его службы, к полному сроку и после этого множилась на «коэффициент состояния» (см. «инструкцию для определения годности»). Выглядит такой расчет несколько запутано. Мотоциклы не упоминались и в этой инструкции.

Хотя еще 3 августа (21 июля) нижегородским губернатором Борзенко была получена телеграмма, за подписью министра внутренних дел Маклакова, с уведомлением, что «Высочайшее повеление постановке автомобилей последует ближайшие дни», а «форма объявления поставке машин будет доставлена Вам штабом округа», дело не двигалось с места. Поэтому губернатор телеграфировал в штаб Московского военного округа: «Усматривая из поступающих телеграмм... распоряжение о выполнении военно-автомобильной поставки, сообщая, что ВЫСОЧАЙШЕГО повеления о производстве таковой в губернии еще не получено». 11 августа (29 июля) был получен ответ: «пока военно-автомобильная повинность распространяется только на Москву». В тот же день, в ответ на другую телеграмму губернатора, штаб МВО ответил: «Форму объявления поставок машин следует составить на месте». Между тем, начался подсчет подлежащего мобилизации «автопарка» полицией губернии.

Продолжал решаться и вопрос о мобилизации шоферов. Из штаба МВО была получена телеграмма: «Впредь до выяснения результатов регистрации автомобилей по статье 3 шоферам ополченцам прошу дать отсрочку. Шоферов запасных задерживать не следует». На что губернатор отреагировал рассылкой соответствующих телеграмм уездным воинским начальникам.

Наконец, 25 сентября (12 сентября) 1914 года начальник штаба МВО уведомил нижегородского губернатора, что на основании имен-

ного высочайшего указа и телеграммы военного министра от 4 сентября (22 июля) назначена поставка «самодвижущихся экипажей и мотоциклов» по военно-автомобильной повинности в пределах всего округа (до этого проводилась только в Москве). О дне, когда следует назначить смотр и прием машин предполагалось известить срочной телеграммой. По получении таковой, следовало немедленно объявить населению о поставке автомобилей и мотоциклов.

Насколько же была «автомобилизирована» Нижегородская губерния, в августе 1914 года? Вполне обоснованно будет на основе архивных документов рассмотреть ситуацию «поуездно», в алфавитном порядке (от Ардатовского до Сергачского), а затем взять сам Нижний Новгород.

Ардатовский уездный исправник первоначально рапортовал о наличии трех легковых автомобилей и одного мотоцикла. Но два автовладельца: крестьянин Дмитрий Федорович Ганин и купеческий сын Степан Александрович Горюшин стали ходатайствовать о разрешении отправить их машины в Москву, где они оба постоянно приживали. 27 августа (14 августа) разрешение было получено и в сентябре автомобили выбыли из Нижегородской губернии.

В уезде остались четырехместный легковой автомобиль фирмы «Хапмобил» принадлежавший потомственному почетному гражданину Лашкину Алексею Алексеевичу, проживавшему в Кременковской волости на Теплополянском винокуренном заводе, и мотоцикл фирмы «НСУ», владелицей которого являлась жена коллежского советника Бернфельд Александра Афанасьевна, проживавшая в г. Ардатове.

В Арзамасском уезде насчитывалось два легковых автомобиля и два мотоцикла. Причем все в г. Арзамасе. Петербургский 1-й гильдии купец Кроль Мендель Абрамович обладал четырехместным «Хапмобилом». Шестиместный «Мерседес» принадлежал Обществу Московско-Казанской железной дороги. Мотоциклами владели сын купца 1-й гильдии Терентьев Геннадий Васильевич и отставной губернский секретарь Воскресенский Валентин Константинович. Какой марки были эти машины, автору установить не удалось.

Балахнинский уезд мог похвастаться несколько большим количеством «самодвижущихся экипажей». Акционерное общество «Сормово» имело «Мерседес». Немного, надо сказать, для столь мощного предприятия. А вот Гусев Дмитрий Александрович, в селе Гордеевке владел сразу тремя автомобилями: восемнадцатиместным (!) фирмы «Бенц», восемнадцатиместным (!) фирмы «Гагенау» (находился в ремонте) и десятиместном фирмы «Даррак».

Сведениями о выпуске этими фирмами автобусов, автор не располагает, возможно данные машины были переоборудованы из грузовых (пассажиры того времени не были избалованы автотранспортом). Не исключена, хотя и маловероятна, просто путаница в документах. Скорее всего, мы имеем тут дело с первым на нижегородской земле «автобусным парком», обслуживавшим нужды ярмарки.

Гурьев Александр Павлович, из села Решетиха, владел пятиместным «Митчеллом», а Кузнецов Петр Павлович, из села Желнино, шестиместным «Фиатом». Их социальный статус, как и Гусева, в списке не указан.

В список по Балахнинскому уезду был ошибочно включен хозяин шестиместного «Мерседеса» Марков Арсений Васильевич, проживавший в Нижнем Новгороде и значившийся в «балахнинском списке», под фамилией Макаров. Причиной его «зачисления в балахнинцы» послужило временное проживание в селе Желнино (две недели). Причиной же путаницы с фамилией послужила простая описка.

Впрочем, список вновь пришлось исправлять, дополнив его мотоциклом фирмы «Вандерер», приобретенным инженером Сормовского завода, Ющенко Владимиром Андреевичем. В конечном итоге, в уезде имелось три легковых автомобиля, три автобуса (думаю, что применение этого слова тут вполне уместно) и один мотоцикл.

Сведения об автовладельцах Васильского уезда скудны, как, впрочем, и об их автомобилях (фирмах изготовителях). Князь Мустафин Александр Васильевич держал свой пятиместный легковой автомобиль в имении при селе Шишковерди, а Стюарт Александра Сергеевна, свой трехместный – в имении при селе Чугунах. Итого: два легковых автомобиля на уезд. Причем оба впоследствии не проходили проверку на пригодность к службе в войсках.

Горбатовский уездный исправник, в своем рапорте на имя нижегородского губернатора, писал: «... имею честь донести вашему превосходительству, что самодвижущихся экипажей, как-то: пассажирских автомобилей, автобусов, грузовых автомобилей, мотоциклов и проч. в городе и уезде не имеется».

Княгининский же рапортовал: «Во вверенном мне уезде автомобилями никто не имеет и только двое мешан г. Княгинина имеют два моторных одиночных велосипеда (мотоциклы)». Его интересовало: «... следует ли при объявлении мобилизации о поставки автомобилей вывешивать по уезду объявления, или только ограничиться объявлением владельцам мотоциклов о доставлении их по назначению». Однако, оказалось, что данные о моторизации уездов были слишком оптимистичны и пришлось рапортовать, что: «... владелец мотоцикла княги-

нинский мещанин Иван Михайлов Андронов из г. Княгинина выбыл на жительство в с. Ильинское, Пермского уезда и губернии, взяв с собою и мотоцикл». Так и остался уезд с одним мотоциклом, принадлежавшим учителю Лебедихинской земской школы Ершову Михаилу Александровичу.

В Лукояновском уезде имелся только один четырехместный «Форд». А так как «Форды» мобилизации не подлежали, то и беспокоиться его владельцу было не о чем. Владельцем же его был «Камер-юнкер Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА» Зыков Петр Иванович, из имения Велицкий хутор.

«Автопарк» Макарьевского уезда тоже состоял только из одного четырехместного «Форда». Но хозяин его являл собой личность явно нетипичную. Поэтому автор счел вполне оправданным более подробно осветить этот вопрос. Итак, 6 августа (24 июля) хозяин «Форда» телеграфировал в Губернское правление: «Имею в деревне Галибихе автомобиль 12 сил, доставленный водой. О военно-автомобильной повинности прочитал сегодня в газете. Состояния дорог не позволяют доставить автомобиль в Лысково или Нижний. Навигация на Ветлуге прекращена. Сдавшего экзамен шофера не имеется. Сам давно болен. Кому прикажите сдать автомобиль. Адрес: Воскресенское, Кондыреву».

10 августа (28 июля) макарьевский уездный исправник рапортовал: «В моем распоряжение имеется письменное заявление г. Кондырева, в котором он заявлял, что находясь в постели, по случаю болезни, он не имеет возможности доставить лично автомобиль ни в Лысково, но в Нижний Новгород, не имеет выдержавшего испытания шофера, а управляет им сам. Дороги от Галибихи находятся не в удобном для проезда автомобиля состоянии, в деревню он был доставлен водою...». 11 августа (29 июля) был получен ответ: «...по распоряжению начальника губернии, Губернское правление дает знать Вам, что автомобиль Кондырева должен быть доставлен не в Н. Новгород, а в Лысково. О дальнейшем ожидайте особых распоряжений». 12 августа (30 июля) исправник телеграфировал в губернское правление: «автомобиль Кондырева отправлен Нижний через Семенов...».

Близкий к губернскому центру Нижегородский уезд смог отчитаться максимум о двух автомобилях. Один из них, пятиместный «Бенц», принадлежал «Товариществу Торговли и Пароходства Матвея Емельяновича Башкирова» и находился в гараже при имении Зименки. Оценив угрозу мобилизации, Башкиров 5 октября (22 сентября) направил «Его Превосходительству главноначальствующему Нижегородской губернии» письмо, в коем, «покорнейше просил» не мобилизовать машину, ибо она обслуживает «перевозку раненых воинов с пристани

Великого Врага до Безводного, в помещение госпиталя имени ГОСУДАРНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ». К оному ее и следовало приписать. Умиленное инициативой купца-патриота, губернское начальство просило удовлетворить ходатайство, в том числе и относительно грузовых автомобилей «Товарищества» (о коих подробнее будет рассказано ниже), уведолив 10 октября (27 сентября) о сем М.Е. Башкирова.

Согласно просмотренным автором документам, за Матвеем Емельяновичем числился еще легковой «Бенц», находившийся в Нижнем Новгороде. Но, судя по всему, речь идет о той же самой машине. Поэтому, во избежание двойного учета, она не будет зачтена нами среди числящихся за губернским центром, когда рассказ пойдет собственно о нем. Хотя, как вариант, можно было бы засчитать автомобиль за Нижний Новгородом.

Александр Иванович Минин, крестьянин села Тепелева, однако постоянно проживавший в Канавино, обладал четырехместным автомобилем фирмы «Лорелей». Можно предположить, что хозяин использовал его как «такси» на Нижегородской ярмарке но данными об этом автор не располагает.

Итого, в Нижегородском уезде было два легковых автомобиля.

В Семеновском уезде был всего лишь один автомобилист. Владелец семиместного (в т.ч. шесть пассажиров) автомобиля марки «Клеман-Байяр», крестьянин деревни Уткина Дроздовской волости Егор Сергеевич Сучков. Машина совершала рейсы между селом Бором и городом Семеновым, являясь своего рода «междугородним такси». Местом ее стоянки являлось с. Бор.

В уезде формально имелось и три мотоцикла. Но мотоцикл семеновского купца Иосифа Афанасьевича Носова находился, в рассматриваемый в данной работе период, на Нижегородской ярмарке, где «рейсировал». По аналогии с «Бенцем» Башкирова, автор счел возможным учесть его по фактическому месту нахождения, Нижнему Новгороду.

Семеновский купеческий сын Остроумов Александр Иванович имел мотоцикл фирмы «Мотосакош», а крестьянин деревни Лямихи Спиридон Петрович Корнев, в Семенове, фирмы «НСУ». Итого, по данным уездного исправника: один автомобиль и три мотоцикла (мы учли два).

Сергачский уездный урядник отрапортовал о наличии четырех легковых автомобилей. К сожалению, нам не удалось обнаружить данных о том, какими фирмами они были изготовлены. Один автомобиль принадлежал Обществу Московско-Казанской железной дороги и

находился в г. Сергаче, в распоряжении начальника 2-го участка строящейся линии Арзамас-Шиханы, князя Мосальского Петра Ивановича. Два автомобиля (однотипных) являлись собственностью контрагента по постройке вышеупомянутой линии Ляпунова и находилось в распоряжении его доверенного техника путей сообщения Косминенко Петра Григорьевича. Шоферов эти машины не имели: один был мобилизован, другой пошел в армию добровольцем. Четвертым автовладельцем являлась «местная землевладелица» дворянка Пашкова Александра Ивановна, из села Ветошкина.

Теперь рассмотрим итог трудов подчиненных Нижегородского полицмейстера. Список насчитывает тридцать пять автомобилей, но он нуждается в корректировке.

Во-первых, в список включен зарегистрированный по Балахнинскому уезду автомобиль «Даррок», принадлежавший Д.А. Гусеву

Во-вторых, в списке указан автомобиль «Бенц», М.Е. Башкирова, учтенный в этой работе по Нижегородскому уезду (месту его пребывания).

В-третьих, в данной работе учтен по Нижнему Новгороду мотоцикл семеновского купца И.А. Носова.

Таким образом, по сведениям полицмейстера, с учетом вышеприведенных поправок, имелось тридцать два автомобиля (в том числе пять грузовых) и два мотоцикла. Причем некоторые автовладельцы и их автомобили заслуживают отдельного упоминания. Перечислять же всех нет смысла, сведения о большинстве из них очень скудны, во многих случаях даже не известна фирма изготовитель автомобиля, да и три десятка человек, это не уездные единицы автомобилистов.

Первым следует назвать «Товарищество Торговли и Пароходства Матвея Емельяновича Башкирова», с тем же упорством, что и легкой «Бенц», отстаивавшее от мобилизации и два грузовика той же фирмы. В чем и получало от местного губернского начальства полную поддержку.

Из других владельцев грузовых автомобилей, только А.Я. Балин ходатайствовал об отправке своего «Даймлера» из Нижнего, до начала работы сдаточного пункта. Но в этом ему, однако, было отказано.

Степан Федорович Плетнев, владел двумя (а по другим данным тремя!) легковыми автомобилями фирмы «Хапмобил». Не исключено, что он занимался «извозом» (скорее всего на ярмарке), создав своего рода «мини-таксопарк».

Хозяином, без сомнения лучшего во всей губернии мотоцикла, являлся Николай Александрович Долгов, обладатель машины фирмы «Индиан».

Ну а всего, по данным полиции, в Нижегородской губернии имелось:

легковых автомобилей – 44 ед.,
грузовых автомобилей – 5 ед.,
автобусов – 3 ед.,
мотоциклов – 9 ед.,
итого – 61 ед.

К сожалению, список этот оказался далеко не полон. Комиссией по приему автомобилей в Военное ведомство был оставлен список автомобилей и мотоциклов, освобожденных от мобилизации. Всего в нем значиться пятьдесят одна единица автотехники. Причем большая часть учетного полицией в его не вошла, но зато включено дополнительно:

легковых автомобилей – 4 ед.,
грузовых автомобилей – 1 ед.,
фургонов – 1 ед.,
мотоциклов – 17 ед.,
итого – 23 ед.

Но и это еще не все! Как было написано в отдельном акте Комиссии по приемке: «В числе принятых машин автомобиль Рукавишников, фирмы «Пежо», не был зарегистрирован в списке автомобилей, представленном в комиссию и не был доставлен владельцам 19 октября на осмотр комиссии, вследствие чего комиссия, узнав по частным сведениям об автомобиле, принуждена была выехать на место стоянки автомобиля и принять его в военное ведомство». В просмотренных автором документов указаний на то, понес ли какое-либо наказание сей автовладелец, не имеется.

Таким образом, с учетом вышесказанного, в Нижегородской губернии, к ноябрю 1914 года, было:

легковых автомобилей – 48 ед.,
грузовых автомобилей – 6 ед.,
автобусов – 3 ед.,
фургонов – 1 ед.,
мотоциклов – 26 ед.,
итого – 85 ед.

Но и этот итог, скорее всего, занижен. Вполне вероятно, что часть «самодвижущихся экипажей» так и не учли.

Следует упомянуть и о том, что конфискация автомобилей поданных враждебных России держав в губернии не проводилась, ввиду полного отсутствия у таковых личного автотранспорта. Но имела место конфискация восемнадцати покрышек и четырнадцати камер, в магазине представителя германских фирм, А.К. Элухена Конфискованное

было отправлено в Москву, в Комиссию по военно-автомобильной повинности.

28 (15) октября, на имя нижегородского губернатора, пришла телеграмма из штаба МВО: «Прошу назначить прием автомобилей от населения на девятнадцатое октября, оповестив владельцев, что автомобили фирмы «Форд» не подлежат приводу». Губернатор не замедлил отреагировать на просьбу-указание. 28–28 (15–16) октября уездные исправники были извещены им о том, что: «Объявляется «по» губернии поставка «в» войска самодвижущихся экипажей. Владельцы коих обязаны доставить их «на» сдаточный пункт «в» Нижний «на» Благовещенскую площадь, 19 октября, 9 часов утра, «автомобили Форда не доставляются».

Комиссия по приемке возглавлялась штабс-капитаном Б.К. Лавровским Ее членами были: от Военного ведомства – прапорщик Г.В. Тринклер, Министерства внутренних дел – Н.К. Трутнев, Министерства путей сообщения – С.Н. Карнишин, Министерства финансов – А.Н. Круликов, Государственного контроля – Н.А. Охотин; Нижегородского городского общественного управления – Е.Н. Фридрих и от Нижегородского губернского земства – А.Н. Званцев. Члены комиссии, за свою работу получили вознаграждение в размере от четырех, до шести рублей каждый.

Кроме собственно «нижегородских» комиссия провела приемку и одного «костромского» автомобиля. Костромской губернатор телеграфировал 30 (17) октября в Нижний Новгород: «Вследствие затруднительной доставки в Кострому, из села Баки Варнавинского уезда, автомобиля Общества Московско-Казанской железной дороги, находящегося «у» начальника участка Мошкова, прошу Вас сделать распоряжение «о» принятии автомобиля, девятнадцатого октября, сдаточный пункт «в» Нижнем Новгороде, губернатор Стремоухов». Автомобиль был принят.

Всего, за 1–2 ноября (19–20 октября) 1914 года, комиссия признала годными к использованию в вооруженных силах и приняла пятнадцать легковых, три грузовых автомобиля и один мотоцикл. Приемка затянулась из-за поиска «Пежо», сокрытого Рукавишниковым. Были приняты и все три автомобиля Башкирова и грузовик Балина.

Из пятнадцати легковых автомобилей шесть были фирмы «Даймлер» («Мерседес»), три – фирмы «Хапмобил», два – фирмы «Фиат», два – фирмы «Бенц» и по одному фирм «Берлие» и «Пежо». Из трех грузовиков: два фирмы «Бенц» и один – «Даймлер». Мотоцикл – фирмы «Индиан».

Так, 2 ноября (20 октября) 1914 г. закончилась «мобилизационная эпопея» нижегородского автотранспорта. В самую осеннюю распутицу.

Конечно, итоги автомобилизации в Нижегородской губернии не впечатляют. Но каковы же они были «во всероссийском масштабе»? Как ни удивительно, тут дело обстояло неплохо: 3562 легковых и 475 грузовых автомобилей. Кроме того, начался массовый ввоз автотехники из-за рубежа, и в 1915–1917 годах русская армия получила дополнительно около 20000 автомашин [1, с. 7]. В 1915 году прекратилось производство автомобилей на РБВЗ, а начатые постройкой в 1916 году пять новых автомобильных заводов так и не вошли в строй, до выхода России из войны.

Источники и литература

1. *Гоголев Л.Д.* Автомобили в боевом строю. – М., 1981.
2. Дает справку Горьковский рабочий // Горьковский рабочий. 1966. 22 февр.
3. *Кудрявцев М.С.* Развитие городского транспорта и первые автомобили в Нижнем Новгороде // Автомобильная промышленность: история, современность и перспективы: сб. материалов региональной научно-практической студенческой конференции (18 апр. 2008 г.). – Нижний Новгород, 2009.
4. *Наумов Н.* Первые автомобили в Н. Новгороде // Горьковский рабочий. 1958, 4 янв.
5. Первый автомобиль в Н. Новгороде // Горьковская правда. 1957, 27 окт.
6. *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. – М., 1976.
7. *Шугуров Л.М., Ширинов В.П.* Автомобили Страны Советов. 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1983.

НЕКРОПОЛЬ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

С.А. Смирнов

Более века Крестовоздвиженский монастырь и причисленное к нему Казанское кладбище служили местом погребения почетных граждан, героев и ветеранов войн и просто уважаемых нижегород-

цев: представителей дворянских и купеческих родов, деятелей промышленности, торговли, науки, культуры. Нередко создавались фамильные склепы родовитых семейств.

Погост возник после указа Екатерины II от 17 ноября 1771 г., запретившего хоронить на церковных погостах в городской черте. Время появления Казанского городского кладбища – ранее 1794 г., когда иждивением нижегородского купца Якова Стешева здесь была построена Казанская церковь, ставшая после этого кладбищенской. Позднее церковь и погост были приписаны к Крестовоздвиженскому монастырю [1, с. 344–345]. Основным местом погребений было именно Казанское кладбище, хотя отдельных лиц хоронили в монастырской ограде [2, с. 424].

После Октябрьской революции захоронения на кладбище продолжались. Упоминания о них содержатся в газете «Нижегородская коммуна» и после закрытия монастыря, последовавшего вскоре после 1917 г. Во второй половине двадцатых годов газетные объявления о захоронениях постепенно исчезли [3, с. 23–25].

Отметим, что исторические погосты помимо мемориального имели большое художественное значение. Часто надгробные памятники были подлинными шедеврами искусства, их исполнение заказывали выдающимся скульпторам и архитекторам. В монастырских некрополях имелось множество надгробий с красивыми барельефами, высеченными из камня или отлитыми в бронзе аллегорическими скульптурами, многофигурными композициями, с ажурными чугунными оградами. Теперь по воле властей все это подлежало сдаче в металлолом или использованию как строительный материал, например, для мощения улиц. Однако чаще надгробия использовались повторно для памятников представителям советского «среднего класса».

По данным историка А.Н. Лушина (со ссылкой на свидетельство Г.В. Вицинского), надгробные плиты, изъятые с некрополя Крестовоздвиженского монастыря, свозились в большом количестве в Марьину Рошу, где, видимо, действовали мастерские по сбивке и гравировке надписей.

Но у части надгробных памятников еще оставались хозяева. В июне 1931 года «Нижегородская коммуна» поместила объявление о том, что кладбищенская комиссия при бывшем монастыре проведет общее собрание владельцев могил в помещении Казанской церкви, на котором будут приняты обязательные для всех постановления [4, с. 4].

Некрополь Крестовоздвиженского монастыря окончательно исчез в 1950-х годах. На нем устроили автозаправку и спортивную площадку. Ниже приводится список захоронений, составленный автором

по некрологам, публиковавшимся в газетах «Нижегородский биржевой листок» (1875–1891), «Волгарь» (1892–1918), «Нижегородский листок» (1893–1917), «Рабочий нижегородский листок» (1917–1918), «Рабоче-крестьянский нижегородский листок» (1918), «Нижегородская коммуна» (1918–1925).

Список захоронений

Аврахов Александр Александрович, коллежский ассессор, пристав 2-й части + 4.9.1900

Акифьев Александр Петрович + 15.7.1887

Акифьев Николай Васильевич + 24.4.1908

Алексеев Сергей Михайлович + 13.9.1900

Альбицкий Петр Александрович, протоиерей Петропавловской церкви. + 29.9.1922.

Ананьин Иван Алексеевич + 7.3.1889

Анжу Николай Иванович, похоронен (далее – похор.) 28.12.1915

Анненков Иван Александрович, председатель уездной земской управы + 27.1.1878.

Анненков Николай Иванович, мировой посредник Нижегородского уезда + 1873

Анненкова Прасковья Егоровна, жена И.А. Анненкова + 14.9.1876

Антюков Николай Александрович, действительный статский советник + 12.12.1915

Ануфриев Петр Никифорович, штабс-капитан артиллерии, убит, некролог 9.5.1917

Асмус Константин Владимирович, генерал-лейтенант, Георгиевский кавалер + 24.2.1916, отпевание в Варваринской церкви, похор. 26.2.1916.

Афанасьев Василий Архипович + 17.7.1905

Афанасьев Илья Афанасьевич, член Совета Общества взаимного кредита + 14.12.1901

Ахапкин Автоном Дорофеевич, купец + 21.6.1900

Ахапкин Александр Автономович, товарищ председателя Живоносного приюта + 17.10.1915

Ахапкин Леонид Петрович + 6.10.1917

Ахматов Николай Степанович, статский советник + 30.7.1866

Бабкин Андрей Андреевич + 20.2.1904

Бабкин Дмитрий Евграфович, статский советник + 6.4.1900

Багаев Николай Иванович. Похор. 6.1.1919

Баранов Федор Иванович + 9.11.1887

Барбатенко Евграф Алексеевич + 15.1.1901

Баулин Александр Васильевич, член Государственного совета + 9.5.1911
Баулина Катя, воспитанница Смольного института + 15.3.1915
Башкиров Александр Яковлевич, управляющий Канавинской мельницей + 14.10.1908
Башкиров Матвей Емельянович + 1924
Башкиров Николай Емельянович, самарский купец 1-й гильдии + 5.8.1901
Башкиров Петр Семенович + 11.9.1915
Башкиров Яков Емельянович, мануфактур-советник + 2.4.1913
Башкирова Анна Ивановна, жена М.Е. Башкирова + 23.9.1908
Безе Лидия Семеновна + 6.2.1885
Безионова Ольга Николаевна, вдова статского советника + 18.9.1915
Белильников Иван Никанорович + 11.6.1910
Бергман Борис Александрович, студент Петроградского политехникума + 6.4.1917
Березин Ефим Акимович + 17.5.1900
Березина Ольга Дмитриевна + 30.5.1917
Бибихин Михаил Николаевич + 25.1.1909
Бибихин Петр Николаевич + 29.12.1899
Благообразов Павел Васильевич, протоиерей, настоятель Ильинской церкви + 3.3.1893
Блинов Василий Петрович + 11.12.1914
Богодунов Алаверди Ассирбекович + 12.12.1897
Боголюбов Александр Семенович + 24.11.1902
Богоявленский Андрей Константинович, военный врач, погребен 15.1.1915
Богоявленский Константин Иванович + 11.1.1919
Бологовская Гликерия Ивановна + 5.3.1907
Бологовский Александр Александрович + 2.2.1916
Бологовский Александр Николаевич + 12.4.1895
Болтин Николай + 20.3.1875
Большаков Александр Петрович 11.1.1900
Бонч-Осмоловская Надежда Васильевна + 28.1.1915
Бонч-Осмоловский Игнатий Федорович, статский советник, губернский казначей + 24.11.1902
Боргман Борис Александрович, студент Петроградского университета + 6.4.1917
Борисов Алексей Андреевич + 11.10.1917
Борисов Георгий Абрамович + 2.12.1915

Борисов Григорий Иванович, служащий Сормовских заводов + 25.4.1911
Борисов Николай Николаевич + 31.12.1888
Фон Брин Елизавета Борисовна, вдова генерал-лейтенанта + 20.2.1907
Фон Брин Михаил Сергеевич, губернский предводитель дворянства + 2.5.1917
Брызгалов Николай Федорович + 23.4.1891
Брызгалов Сергей Николаевич + 9.3.1894
Брызгалов Федор Андреевич + 23.4.1891
Брызгалова Екатерина Андреевна + 10.2.1915
Бубнов Александр Александрович + 14.12.1900
Бугров Александр Иванович 26.2.1913
Будин Иван Дмитриевич + 15.5.1915
Булыненко Ефим Андреевич + 31.3.1903
Булычев Александр Васильевич, учредитель ТД «А.В. и В.Ф. Булычевы» + 15.4.1913
Булычев Василий Васильевич-старший, почетный член коммерческого клуба + 16.10.1899
Бурмистров Дмитрий Михайлович, купец 1 гильдии, гласный ГД + 4.7.1899
Бурмистров Петр Михайлович, купец + 5.11.1912
Варфоломеев Николай Иванович, присяжный поверенный + 3/16.5.1918
Васильев Исаак Васильевич, полковник + 11.4.1891
Васильков Павел Иванович, дьякон кафедрального собора + 8.1915
Ведерников Николай Федорович, товарищ председателя окружного суда + 10.4.1917
Везломцев Александр Иванович + 12.7.1903
Везломцев Павел Иванович + 12.7.1903
Вейсова Раиса Ивановна + 3.1.1917
Вельдмановский Василий Яковлевич + 11.11.1895
Веренинов Николай Ефимович + 7.11.1908
Веснин Алексей Александрович, купец + 27.2.1916
Веснина Глафира Александровна + 28.8.1917
Виноградов Владимир Дмитриевич + 26.9.1915
Виноградов Иоанн Захарович, протоиерей Благовещенского собора + 10.11.1903
Вихарев Павел Феофилактович + 129.1903
Волков Николай Асафович + 2.3.1899
Вольнер Владимир Вячеславович, полковник Екатеринбургского полка. Погиб 30.7.1916.

Вольтер Александр Александрович, зубной врач + 18.1.1905
Вопилкин Иван Алексеевич + 25.6.1915
Воробьев Николай Павлович, судебный следователь + 15.5.1914
Воскресенский Александр Николаевич, пристав Макарьевской части + 23.5.1911
Вялов Алексей Алексеевич + 19.10.1913
Вялова Анна Павлиновна + 12.2.1919
Вяхирев Алексей Михайлович + 9.9.1918
Вяхирев Лев Васильевич + 19.4.1900
Вяхирев Павел Петрович + 23.10.1899
Вяхирев Петр Львович + 17.2.1898
Гамиров Василий Емельянович + 24.9.1901
Гвоздев Александр Николаевич + 19.1.1919
Геншта Иван Карлович, доктор медицины + 13.10.1878
Гладков Григорий Александрович, действительный статский советник, член окружного суда + 12.10.1902
Голиков Вячеслав Александрович + 14.9.1913
Головин Яков Григорьевич, капитан-лейтенант + 9.8.1853
Голубев Михаил Николаевич + 27.8.1917
Горбунов Иван Петрович + 25.10.1891
Горинов Александр Алексеевич + 2.11.1916
Горшков Егор Федорович + 17.4.1885
Готовкин Георгий Лукьянович + 24.11.1917
Граве Леонид Григорьевич, писатель + 12.1.1891
Грацианов Николай Алексеевич, доктор + 4.3.1913
Григорьев Михаил Дмитриевич, кассир конторы Государственного банка + 6.1.1917
Громов Алексей Васильевич, член Нижегородской уездной земской управы + 9.5.1905
Грузинская Дарья Леоновна, княжна из рода царя Вахтанга + 11.9.1904
Грузинская Праскофья Евграфовна, княгиня из рода царя Вахтанга
Гузев Иван Васильевич + 25.1.1893
Гундобин Сергей Дмитриевич + 30.12.1903
Гурылев Александр Николаевич + 28.5.1916
Гусев Вячеслав Николаевич, погиб + 30.3.1917
Гущин Федор Николаевич, потомственный почетный гражданин + 18.9.1900
Дельвиг Борис Николаевич, барон + 7.11.1882
Дельвиг Николай Иванович, генерал-лейтенант, герой Крымской войны + 22.6.1870
Демидов Александр Васильевич + 20.9.1916

Демьянов Георгий Петрович, журналист и писатель + 25.11.1904
Добров Алексей Алексеевич, председатель отделения Императорского Русского технического общества + 23.5.1894
Добронравов Николай Павлович + 8.2.1901
Доброхотов Иван Иванович + 4.6.1895
Добрыловский Варсонофий Акимович + 9.5.1907
Долгов Александр Васильевич, действительный статский советник + 19.2.1910.
Домбровский Леонард Теофилактович + 28.1.1891
Дорофея Михайловна (Новикова), игуменья + 22.2.1830
Дуроп Сергей Николаевич + 23.4.1897
Душин Дмитрий Дмитриевич + 10.7.1902
Душин Сергей Дмитриевич + 24.11.1903
Евстратьев Евгений Сергеевич + 27.11.1919
Ермолаев Петр Алексеевич + 20.9.1905
Ерылин Николай Иванович + 28.3.1908
Ефремов Петр Петрович + 27.1.1894
Еще Егор Богданович, статский советник, доктор медицины + 9.12.1876
Жирнов Алексей Михайлович + 15.10.1915
Жужгин Павел Иванович + 14.6.1903
Жуков Степан Михайлович + 31.5.1893
Журавлев Василий Григорьевич + 26.2.1902
Журавлева Александра Михайловна, почетная гражданка.
Загорин Алексей Васильевич, статский советник + 28.6.1875
Занозин Иван Алексеевич + 5.4.1919
Заплатин Александр Алексеевич + 16.2.1893
Заплатин Василий Александрович + 2.5.1913
Зарубин Александр Алексеевич + 11.7.1902
Зарубин Николай Александрович + 19.4.1907
Званцев Петр Николаевич, член губернской земской управы + 6.1.1908
Зворыкин Иван Никанорович + 8.10.1918
Зерчанинов Евграф Алексеевич, служащий компании бр. Нобель + 19.2.1912
Зефирова Александра Ивановна, сотрудник военного архива + 13.5.1920
Зефирова Иоанна Федоровна, дьякон Алексеевской церкви + 8.3.1903
Зимин Николай Васильевич + 15.2.1902
Знаменская Мария Александровна, вдова протоиерея + 27.1.1919
Зыбин Ипполит Сергеевич, губернский предводитель дворянства + 5.3.1895
Зяблов Степан Иванович + 15.4.1896

Извольская Надежда Федоровна, районная дама комитета по сбору пожертвований при кадетском корпусе + 29.9.1915
Иконников Александр Андреевич, член Совета купеческого банка + 31.12.1896
Иорданский Павел Петрович, протоиерей + 25.11.1907
Кадлубовский Михаил Иванович + 23.11.1889
Калашников Василий Иванович, механик + 13.2.1908
Каленов Иван Николаевич + 13.9.1915
Калинин Иван Иванович + 16.3.1915
Каменев Александр Платонович + 21.9.1916
Каменев Федор Платонович + 2.7.1916
Каменский Александр Иванович, потомственный почетный гражданин + 27.7.1905
Каменский Михаил Федорович, потомственный почетный гражданин + 26.3.1905
Каратанов Петр Алексеевич + 25.11.1903
Карелин Андрей Осипович, фотограф + 31.7.1906
Карпов Андрей Федорович, товарищ председателя окружного суда + 17.11.1912
Карпов Борис Михайлович + 4.11.1918
Кашаев Иван Иванович + 19.12.1909
Кашин Михаил Матвеевич, владелец пароходства М.М. Кашина + 17.6.1897
Кашина Мария Капитоновна, владелец легко-пассажирского пароходства + 29.9.1916
Квапишевский Константин Павлович, управляющий пароходством «И. Любимов и Ко» + 3.11.1912
Кемарский Николай Николаевич-старший + 12.11.1899
Киселев Александр Иванович, прапорщик 7-го Сибирского запасного батальона, погребен 11.12.1904
Киселев Василий Васильевич + 12.12.1900
Фон Круген Софья Ивановна + 22.1.1903
Коваль Петр Иванович + 27.5.1919
Кожевников Иван Михайлович + 24.12.1900
Кожевников Николай Михайлович, член Мещанской управы + 2.12.1912
Колесников Дмитрий Михайлович + 17.7.1914
Колокольцев Константин Степанович + 1.8.1887
Колчигин Михаил Николаевич, гвардии полковник + 10.1.1894
Колчин Дмитрий Никанорович + 17.9.1916
Колчин Михаил Николаевич + 10.1.1894

Колчин Никанор Иванович + 28.11.1899
Комаров Дмитрий Иванович + 17.7.1899
Комаров Иван Васильевич + 9.12.1887
Конопасевич Петр Александрович, статский советник, доктор медицины + 24.5.1907
Константиновский Павел Иванович + 5.4.1905
Коньков Яков Михайлович + 12.6.1902
Коптев Александр + 26.12.1855
Коптев Иван Лукич, чиновник
Коптев Кир Николаевич, подьесаул, скончался от ран в Харбине 10.6.1905
Коптев Лука Максимович, купец + 11.4.1875
Коптев Николай Кирович, генерал-майор + 29.4.1887
Коптева Юлия Карповна, вдова генерал-майора + 22.4.1917
Корвин-Круковская Манюша + 28.7.1899
Косарев Дмитрий Васильевич + 1.12.1902
Косткин Иван Егорович, действительный статский советник + 26.12.1907
Костромкин Василий Алексеевич, служащий фирмы Г.А. Трусова + 18.9.1914
Костырко-Стоцкий Николай Николаевич, директор Дворянского института + 8.6.1910
Кочетова Анастасия Ивановна + 22.6.1917
Крапивин Петр Никитич + 21.4.1905
Красавин Александр Федорович, брендмейстер Ярмарочного депо + 14.5.1912
Красильщиков Федор Васильевич + 3.8.1915
Краснощеков Николай Павлович, Гороховецкий предводитель дворянства + 7.3.1906
Красовский-Бедняков Петр Кузьмич, артист + 14.6.1915
Крестовоздвиженский Андрей Петрович + 30.1.1915
Крутицкий Николай Матвеевич, член Обществ. коммерческого собрания + 26.2.1908
Кузнецов Александр Степанович + 23.4.1901
Кузнецов Иван Никанорович + 5.8.1916
Кузнецов Иван Петрович + 13.1.1897
Кузнецов Павел Иванович + 3.1.1905
Кузнецов Сергей Иванович, художник, преподаватель частной женской гимназии + 11.1.1916
Кузьмин Сергей Кузьмич + 26.2.1898

Кузьмин-Короваев Александр Александрович, действительный статский советник + 17.5.1907
Кузьмин-Короваев Лев Александрович, капитан 1-го ранга + 11.3.1896
Кулдымов Иван Васильевич + 15.9.1887
Кулешов Иван Петрович, служащий Т-ва Добров и Набголец + 31.3.1912
Курепин Николай Хрисанфович, купец + 9.5.1904
Курлыков Сергей Иванович + 18.5.1906
Кутузов Иван Илларионович + 11.9.1918
Кутыев Владимир Павлович, князь, член окружного суда + 19.7.1905
Ладыгин Александр Лаврентьевич + 22.7.1916
Ламонов Диомид Дмитриевич, купец + 1.11.1912
Ламонов Федор Андреевич + 26.9.1917
Ланин Александр Иванович, присяжный поверенный + 29.12.1906
Ланин Николай Александрович, присяжный поверенный + 4.3.1917
Ларчев Иван Иванович, подпоручик, погиб 15.11.1916, похор. 22.1.1917
Лебедев Матвей Иванович + 29.3.1903
Лебедев Порфирий Иванович, протоиерей Тихоновской церкви + 19.7.1908
Лебединский Евфимий, дьякон + 17.1.1916
Лезвийский Иоанн Михайлович, священник + 15.9.1906
Лельков Петр Иванович, коммерции советник + 3.4.1914
Лепорский Константин Иванович + 9.2.1908
Лилов Николай Ильич, протоиерей Крестовоздвиженского собора + 12.11.1899
Линденер Владимир Александрович, преподаватель Мариинского института + 9.10.1917
Лисецкий Лев Ульянович, подпоручик 139-го Моршанского полка + 14.9.1865
Листов Иоанн Григорьевич, протоиерей Крестовоздвиженского монастыря + 24.12.1904
Лотошников Михаил Андроникович + 23.11.1895
Лотошников Николай Андроникович + 4.3.1907
Лотошников Семен Андроникович + 14.1.1915
Лукичев Иван Федорович + 8.1.1908
Лукоянов Иван Андреевич + 23.5.1913
Магул Михаил Егорович + 11.2.1914
Магула Николай Николаевич, помощник присяжного поверенного + 12.9.1903
Мазуркевич Филипп Иванович + 26.8.1919

Майтов Сергей Степанович, директор купеческого банка + 3.1.1917
Макаров Александр Васильевич, инженер-механик, инструктор 1 легкой батарее 24.6.1919
Макурин Николай Петрович, сотрудник типографии Реввоенсовета + 7.2.1920
Малиновская Таисия Ивановна + 20.2.1919
Малишевский Игнатий Константинович + 17.3.1892
Малкин Николай Иванович + 11.4.1919
Малов Ефим Сергеевич, врач + 14.12.1919
Мандрыка Софья Ивановна, мать вице-губернатора + 11.10.1914
Маслеев Егор Яковлевич + 23.12.1901
Маслов Владимир Николаевич, действительный статский советник + 25.9.1912
Махотин Антон Ефимович, генерал-майор, полицмейстер + 1851.
Махотин Павел Анкидинович + 21.9.1905
Медведев Иван Михайлович + 19.6.1918
Мекс Надежда Александровна 20.3.1917
Мельников Павел Иванович, писатель + 1.2.1883
Меморский Александр Михайлович, городской голова + 3.12.1913
Менделеев Николай Петрович + 16.9.1917
Менделеев Сергей Петрович, председатель Горбатовского земства + 29.6.1913
Мензелинцев Василий Иванович, председатель Биржевого комитета + 17.12.1903
Мерзлякова Ксения Ивановна, сестра милосердия + 30.1.1919
Метальников Павел Михайлович, иерей Крестовоздвиженского монастыря + 29.3.1916
Мизинов Александр Матвеевич + 8.2.1901
Мизинова Ольга Михайловна + 6.2.1916
Миленьшев Гордей Иванович + 21.10.1918
Милов Михаил Михайлович, директор реального училища + 15.10.1918
Милова Мария Васильевна + 6.8.1914
Милова Мария Васильевна, начальница женской прогимназии + 4.8.1913
Миловидов Василий Алексеевич + 18.10.1905
Милославский Александр Флегонтович + 31.1.1919
Милотворский Иван Иванович + 1.1.1919
Митряшев Сергей Федорович, преподаватель Дворянского института + 22.10.1916
Михайлов Павел Петрович + 29.7.1916

Михайлов Павел Степанович + 26.2.1905
Михайлов Федор Степанович + 18.9.1904
Михалкин Александр Михайлович + 8.7.1909
Мозняков Аристарх Яковлевич, полковник + 1.11.1904
Мокеев Иван Михайлович + 4.6.1896
Мокроусов Иван Андреевич + 25.11.1899
Морозов Павел Андреевич + 4.6.1915
Морозов Павел Матвеевич, коммерции советник + 14.6.1915
Мошков Федор Павлович + 9.9.1914
Муратов Гавриил Иванович, артельщик продовольственной управы + 15.9.1917
Мысовская Анна Дмитриевна, поэтесса + 26.10.1912
Мягков Федор Григорьевич, доверенный ТД «Д.З. Гак с сыновьями» + 16.7.1917
Неверов Никандр Иванович + 7.3.1905
Невзоров Павел Иванович + 21.11.1902
Некрасов Петр Михайлович, подполковник + 18.8.1908
Никитин Александр Константинович, епархиальный архитектор + 30.8.1907
Никольский Николай Кириллович + 25.12.1915
Некрасов Алексей Гаврилович, инженер-технолог + 10.8.1907
Николаев Михаил Григорьевич + 20.8.1903
Никольский Христофор Кириллович + 1.5.1912
Новиков Павел Петрович + 28.1.1918
Ноттгрэн Егор Петрович + 14.5.1901
Овчарин Николай Павлович + 13.1.1916
Олинин Федор Давыдович + 10/25.3.1918
Орлеанский Алексей Евграфович + 28.8.1916
Орлов Андрей Фокеевич + 17.8.1898
Орлов Иван Петрович, прапорщик + 18.9.1916.
Орнатский Дмитрий Николаевич, доктор медицины + 1873
Орнатский Павел Васильевич + 26.2.1912
Орнатский Юрий Матвеевич, прапорщик, погиб 15.10.1916, похор. 29.10.1916
Палачев Герасим Васильевич + 17.1.1915
Паников Николай Семенович + 15.3.1917
Панов Александр Кузьмич, 1-й председатель окружного суда + 26.9.1881
Парадизов Степан Андреевич, присяжный поверенный + 16.3.1909
Парфенов Иван Васильевич + 16.2.1904

Пачкунов Григорий Васильевич, кандидат городского общественного банка + 30.5.1904
Первов Василий Александрович, зав. Волжским районом Российского транспортного страхового общества + 26.11.1912
Переплетчиков Федор Петрович, городской голова + 10.1.1845
Перехватов Григорий Яковлевич, служащий Волжско-Камского банка + 13.4.1900
Перехватов Константин Григорьевич + 19.7.1893
Петров Петр Петрович + 12.10.1903
Пешкова Катя, дочь А.М. Горького + 16.8.1906
Пискунов Анатолий Иванович + 6.8.1908
Пицкер Александр Эдуардович, ревизор общества «Кавказ и Меркурий» + 28.1.1918
Плеханов Иван Григорьевич + 1.11.1891
Плеханов Михаил Михайлович, почетный гражданин, ростовский купец
Плешанов Иван Михайлович, коммерции советник + 27.7.1906
Плюсин Федор Афанасьевич + 27.1.1914
Полтанов Сергей Петрович, доктор + 20.2.1907
Полянская Юлия Георгиевна + 20.8.1918
Полянский Николай Павлович, действительный статский советник + 1921
Померанцев Константин Петрович + 25.11.1913
Померанцев Николай Александрович + 5.7.1886
Постников Иван Яковлевич + 6.3.1907
Постников Михаил Иванович + 10.2.1919
Потопаев Степан Иванович + 16.5.1895
Поярков Илья Платонович + 26.8.1904
Поярков Сергей Михайлович + 8.10.1913
Преображенская Анна Андреевна + 21.11.1917
Протопопов Александр Николаевич, статский советник + 9.10.1908
Прутченко Борис Ефимович, тайный советник, вице-губернатор + 1867
Пупков Петр Михайлович + 30.09.1901
Пушков Николай Афанасьевич + 3.7.1907
Пыпин Яков Иванович + 9.12.1903
Пыпин-Чечулин Матвей Дмитриевич, прапорщик + 8.3.1916, похор. 25.4.1916.
Пыпин-Чечулин Михаил Дмитриевич, смотритель 32-го эвакогоспиталя + 14.2.1920
Пьянков Александр Васильевич, сотрудник Товарищества Н.А. Бугрова + 9/22.3.1918

Пятериков Иван Иванович + 11.9.1903
Пятов Виктор Феофилактович + 18.11.1900
Пятов Семен Феофилактович, потомственный почетный гражданин + 16.3.1901
Ремизов Дмитрий Васильевич, священник Варваринской церкви + 30.12.1914
Ремизов Петр Васильевич + 26.3.1900
Ремизова Екатерина Петровна + 9.8.1917
Розанов Ефим Тихонович + 22.7.1894
Ройский Николай Иванович + 29.7.1893
Романова Антонина Григорьевна, учитель Чернорецкого училища МНП + 6.7.1916
Ромашев Александр Ефимович, председатель Съезда мировых судей + 27.12.1902
Россов Павел Федорович, арзамасский лесничий + 21.10.1902
Рукавишников Алексей Иванович + 26.10.1914
Рукавишников Алексей Семенович + 22.5.1891
Рукавишников Иван Михайлович, потомственный почетный гражданин + 25.1.1906
Рукавишников Николай Михайлович + 4.10.1899
Рукавишников Сергей Михайлович, потомственный почетный гражданин + 26.3.1914
Рукавишникова Любовь Александровна, вдова М.Г. Рукавишникова + 3.12.1893
Рукавишникова Юлия Андреевна + 15.7.1913
Руновский Иван Васильевич, коллежский советник + 31.5.1915
Русецкий Иван Андреевич + 20.7.1903
Рыжаков Александр Андреевич + 21.2.1903
Рюмин Николай Васильевич + 4.11.1900
Рябинин Александр Михайлович + 19.11.1887
Рябинин Парфений Михайлович + 29.6.1900
Рябунин Василий Александрович + 6.12.1918
Рязанов Михаил Иванович, служащий губернской земской управы + 27.8.1899
Саввин-Сапожков Василий Алексеевич + 21.12.1903
Садовская Елизавета Александровна 21.7.1914
Самохвалов Сергей Степанович, сотрудник Губпродкома + 5.12.1919
Санников Петр Васильевич + 15.4.1916
Сапожников Владимир Васильевич, мировой судья + 12.2.1894
Саракеев Никанор Осипович + 5.12.1919
Сахаров Александр Николаевич, доктор + 30.4.1905

Сахаров Николай Иванович, протоиерей, духовник городского духовенства + 1.2.1916
Свешников Ефим Николаевич + 30.12.1902
Свистухин Алексей Иванович + 17.8.1910
Святухин Алексей Иванович + 30.8.1910
Сергиевский Александр Евгеньевич, подпоручик, погиб 10.6.1917, похор. 22.8.1917
Сергиевский Борис, воспитанник 4 класса духовной семинарии + 15.2.1917
Сергиевский Константин Алексеевич, дьякон Макарьевской женской богадельни + 18.9.1917
Серебренников Иван Петрович + 7.5.1915
Серебренников Сергей Андреевич + 24.6.1897
Середин Григорий Павлович, ученик ремесленного училища в Павлове, умер от ран в Двинске, тело отправлено 27.9.1914 для погребения в Крестовоздвиженском монастыре.
Серов Алексей Васильевич + 14.3.1907
Серый Михаил Иванович + 18.1.1919
Фон Сизинг Иван Павлович + 29.7.1906
Сизов Яков Иванович + 26.3.1902
Сиротин Михаил Николаевич, главный агент Русского страхового общества + 19.2.1914
Скворцов Александр Алексеевич, присяжный поверенный + 19.1.1917
Скворцов Алексей Дмитриевич + 17.11.1885
Скворцова Анна Федоровна + 3.3.1919
Смирнов Александр Алексеевич + 30.11.1918
Смирнов Александр Козьмич + 10.10.1915
Смирнов Алексей Александрович + 10.12.1911
Смирнов Иван Михайлович + 14.5.1915
Смирнов Кузьма Иванович + 13.5.1898
Смирнов Николай Александрович, директор городского общественного банка + 6.6.1912
Смирнов Николай Васильевич + 15.8.1903
Смирнов Иван Михайлович, владелец торговой фирмы И.М. Смирнова + 18.5.1915
Смыслов Порфирий Васильевич + 25.11.1917
Снежков Владимир Николаевич, генерал-майор + 14.3.1915
Снежницкий Александр Николаевич, иерей Спасского ярмарочного собора + 20.11.1895
Соболев Александр Александрович + 26.8.1904
Соболев Алексей Григорьевич, самарский купец + 9.10.1855

Соболев Николай Петрович + 9.2.1913
Соколов Федор Львович + 6.5.1909
Соловьев Александр Иванович + 10.12.1912
Соловьев Иоанн Иоаннович, протоиерей Крестовоздвиженского собора + 21.1.1907
Соломин Николай Петрович + 22.9.1914
Солоницын Ефим Козьмич + 20.1.1901
Сотиров Иван Иванович + 28.11.1906
Сотников Сергей Васильевич + 29.5.1910
Спасовходский Алексей Иванович + 5.6.1917
Спицын Иван Семенович + 19.10.1903
Староверов Александр Гаврилович + 21.2.1919
Степанов Иван Степанович, действительный статский советник + 16.10.1908
Степанов Петр Васильевич, преподаватель гимназии М.Н. Ильинской + 30.1.1916
Стешев Яков Андреевич, купец, храмоздатель
Стешева Анна, жена Я.А. Стешева
Страхов Дмитрий Иоаннович, протоиерей Вознесенской церкви + 10.3.1894
Суворов Александр Нестерович + 21.7.1916
Суворов Карп Иосифович + 13.2.1919
Сухарев Михаил Федорович, потомственный почетный гражданин + 28.2.1898
Сухарев Петр Алексеевич + 17.5.1895
Сыромятников Дмитрий Яковлевич + 9.5.1909
Таланов Иван Дмитриевич + 3.4.1903
Тарасов Константин Васильевич + 8.11.1915
Тарасов Павел Николаевич + 16.6.1911
Тевешов Николай Михайлович, подполковник + 1.5.1895
Тенекон Николай Николаевич, подпоручик, умер от ран 8.7.1917, отпевание в Николаевской церкви при манеже, похор. 25.8.1917.
Тепляков Артамон Никанорович + 20.2.1903
Торсуев Алексей Сергеевич + 17.6.1894
Трапезников Денис Денисович + 3.9.1907
Троицкий Иван Иванович + 9.2.1916
Трофимов Захарий Васильевич + 31.5.1898
Тулупов Иван Иванович + 1.9.1900
Туркин Яков Григорьевич + 10.10.1914
Турчанинов Алексей Александрович, губернский предводитель дворянства + 22.2.1874

Тыртов Александр Петрович, действительный статский советник + 11.9.1904
Тыртова (Турчанинова) Вера Александровна + 6.1.1880
Угланов Николай Зиновьевич + 15.6.1902
Углицкий Александр Павлович, заведующий хозяйством военного лазарета + 17.2.1920
Углов Павел Иванович + 23.8.1909
Усачев Андрей Алексеевич + 28.5.1917
Успенский Николай Петрович, протоиерей Вознесенской церкви + 2.6.1900
Утемов Иван Николаевич, бухгалтер Биржевого комитета + 28.12.1917
Фалин Федор Николаевич, инженер-подполковник + 4.2.1899
Федорова Анна Федоровна, гремяевская учительница + 10.11.1914
Федорчуков Борис Дмитриевич, член окружного суда + 29.9.1914
Фомин Василий Алексеевич + 29.9.1918
Фонтанов Иван Андреевич, дьякон + 29.8.1908
Фрелих Николай Адамович + 4.12.1903
Фрелих Николай Николаевич, присяжный поверенный + 19.4.1905
Фриммерман Иван Васильевич, полицмейстер + 5.7.1911
Фролов Федор Иванович, купец + 1916
Харичков Николай Аркадьевич, управляющий отделением страхового общества «Саламандра» + 14.8.1917
Хвощинская Варвара Александровна + 12.12.1913
Хвощинская Наталья Всеволодовна, ученица 6 класса Царскосельской Мариинской гимназии + 8.12.1916
Херсонский Василий Иванович + 15.3.1898
Хныгин Павел Петрович + 17.3.1917
Ходалев Николай Федорович, купец, гласный Городской Думы + 13.7.1915
Хренов Константин Алексеевич, преподаватель 2-й школы 2 степени Канавина + 13.4.1919
Хрулев Иван Алексеевич + 23.2.1910
Худяков Александр Александрович, потомственный почетный гражданин + 26.2.1918
Целованьев Александр Флегонтович + 26.1.1898
Целованьев Владимир Александрович, купец + 18.1.1896
Целованьев Николай Александрович, купец + 8.10.1894
Целованьев Флегонт Александрович, купец + 17.8.1906
Цыбина Леля, ученица 4 класса Мариинской женской гимназии + 17.1.1916
Чадулин Павел Александрович + 28.11.1899

Чапин Степан Тихонович, старший брандмейстер + 7.1.1891
Черкасов Алексей Нилович + 7.1.1899
Черкасов Нил Васильевич, генерал-майор флота + 29.4.1916
Черкасова (Турчанинова) Ольга Алексеевна + 5.12.1883
Черкасская Екатерина Гурьяновна, княгиня + 29.4.1874
Черкасский Владимир Васильевич, князь + 8.11.1901
Чернов Иван Гордеевич, главный агент страхового общества «Россия» + 20.8.1915
Чернышев Виктор Петрович, служащий почтово-телеграфной конторы + 27.11.1916
Чистяков Алексей Дмитриевич + 26.1.1907
Чистяков Дмитрий Алексеевич + 24.7.1889
Чуйков Кириак Иванович
Шадрин Василий Дмитриевич, член Городской управы + 11.3.1913
Швейцов Алексей Никифорович + 31.8.1915
Шверин Мария Александровна + 6.3.1915
Шеин Василий Павлович + 30.12.1900
Шелковников Владимир Яковлевич, генерал-майор + 24.7.1899
Ширкалин Иван Степанович + 30.6.1894
Шитов Владимир Николаевич + 19.7.1914
Шубинский Дмитрий Николаевич + 24.3.1897
Шуваев Михаил Арсеньевич + 15.10.1917
Шувалов Андрей Андреевич + 27.8.1903
Шулешов Василий Федорович + 1.2.1904
Шулешов Михаил Васильевич + 10.12.1906
Шулешов Сергей Васильевич, похор. 18.4.1916
Шуматов Осип Матвеевич, похор. 16.9.1914
Щеглова Александра Александровна + 27.11.1915
Щуров Николай Иванович + 6.11.1905
Яковлев Николай Алексеевич 31.8.1917
Яворский Николай Степанович, статский советник + 14.3.1915
Яковлев Петр Яковлевич, статский советник, полицмейстер + 19.2.1902
Якубович Валентин Николаевич, старшина Общедоступного клуба + 26.4.1915
Янишевский Василий Петрович, доктор + 1.11.1915
Янкин Иван Петрович, потомственный почетный гражданин + 21.12.1916
Янкин Николай Иванович + 3.12.1908
Ясон Петр Евтропович, статский советник + 15.2.1868
Яшнов Иван Иванович + 12.4.1901

Источники и литература

1. *Храмцовский Н.* Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. – Нижний Новгород, 1998.
2. Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 1. Губернии Астраханская, Вятская, Нижегородская, Самарская, Саратовская и Симбирская. – СПб, 2012.
3. *Смирнов С.А.* Крестовоздвиженский женский монастырь в истории Нижнего Новгорода. 650-летие основания и 200-летие переноса на Московский тракт. – Нижний Новгород, 2015.
4. Нижегородская коммуна. 1931. 26 июня.

Публикации источников

П.И. МЕЛЬНИКОВ В ШАРПАНСКОМ СКИТУ (1848 год): ДОКУМЕНТЫ ЦАНО

Ф.А. Селезнев, Т.Ю. Иванова

8 апреля 1847 г. в жизни П.И. Мельникова начался новый важный этап. Он был определен чиновником особых поручений при Нижегородском военном губернаторе М.А. Урусове. Большая часть этих поручений заключалась в проведении расследований по делам, касавшимся старообрядцев. Данная сторона деятельности будущего писателя получила отражение в очерке П. Усова [1, с. 87–90], книгах В.В. Боченкова [2, с. 52–67] и В.Ф. Соколовой [3, с. 21, 66, 72], статьях С.В. Рудакова [4], Н.В. Пивоваровой [5] и Ф.А. Селезнева [6].

Повышенное внимание властей к приверженцам «старой веры» во второй половине 1840-х гг. было вызвано тем, что в 1846 г. старообрядцы обзавелись собственным митрополитом. Центр митрополии (Белая Криница) находился в Австрийской империи, отношения с которой внушали опасения. В старообрядцах стали видеть потенциальную угрозу в случае войны с австрийцами. В 1847 г. был установлен строгий надзор за керженскими скитами.

В том же году в Нижний Новгород приехал епископ Иаков (Вечерков). Он с 1832 по 1847 год являлся епископом Саратовским и Ца-

рицынским, и все эти пятнадцать лет упорно стремился к возвращению старообрядцев в лоно господствующей церкви. Свои труды на этом поприще Иаков продолжил, вступив в управление Нижегородской епархии. Ему деятельно помогал П.И. Мельников.

Епископ Иаков и Мельников сблизились на почве любви к родной старине. Иакову сразу после его приезда в Нижний Новгород в 1847 г. был передан в управление Вознесенский Печерский монастырь. Он стал его всячески благоустраивать и, обнаружив в монастырских подвалах древние рукописи, передал их для разбора Павлу Ивановичу. Да еще отрядил в помощь Мельникову профессора Духовной семинарии иеромонаха Макария (в будущем – выдающегося церковного историка) и священника С.А. Добротворского (впоследствии протоиерей ярмарочного собора). В 1848 г. они приготовили к печати в неофициальной части газеты «Нижегородские губернские ведомости» 143 акта Вознесенского и Благовещенского монастырей [7]. Это была первая крупная публикация нижегородского актового материала.

Епископ Иаков и Мельников стали вместе ездить по старообрядческим скитам. Иаков убеждал старообрядцев перейти в единоверие. (Единоверцы совершают службы по старым книгам и чинам, но под руководством новообрядческих священников). По воспоминаниям П.И. Мельникова старообрядцы не отвечали на увещания Иакова и просили лишь оставить их в «прежнем положении». Хотя позже сами они признавали, что преосвященный «много начитан и поучает хорошо» [8, с. 144–145].

Кроме того, с благословения Иакова, Павел Иванович, как он сам с гордостью вспоминал, «вступил в полемические споры с раскольниками Керженских скитов, и главнейший из них Керженский мужской и Осиновский женский, обратил к единоверию, за что Всемилостивейше награжден орденом св. Анны 3 ст.» [9, с. 79]. (Награда последовала 19 ноября 1849 года [10, с. 87]).

Павла Ивановича возил кучер Василий Мясников из деревни Зубово Семеновского уезда, располагавшейся недалеко от Комаровского скита [8, с. 131]. Впоследствии этот скит был ярко изображен писателем в романе «В лесах». В названной книге широко использованы материалы, собранные П.И. Мельниковым в 1848 году.

12 мая 1848 г. министр внутренних дел Л.А. Перовский предписал своему чиновнику особых поручений В.А. Алябьеву (брат композитора и потомок знаменитого нижегородского воеводы эпохи Смуты) доставить подробные сведения о керженских скитах [5]. В помощь ему был прикомандирован П.И. Мельников [10].

К 10 декабря 1848 г. Павел Иванович доставил приехавшему в Нижегородскую губернию В.А. Алябьеву описи семи скитов, включавших 24 обители. Мельников собрал сведения о времени построения находившихся там моленных, их размерах, внутреннем устройстве, наличии и отсутствии колоколен. Были указаны храмовые праздники обителей. Перечислены иконы, утварь и книги, хранящиеся в моленных [5].

В ходе своих поездок П.И. Мельников 19 августа 1848 г. явился в Шарпанский скит и по требованию епископа Иакова изъясил Казанскую икону Богородицы, почитаемую старообрядцами чудотворной.

Этот скит принадлежал к числу старейших. Он находился недалеко от д. Ларионово Семеновского уезда. По старообрядческому преданию место для него определил соловецкий инок Арсений, принесший с собой Казанскую икону Богородицы, ставшую главной местной святыней. Названный список Казанской иконы принадлежал царю Алексею Михайловичу и был подарен им Соловецкому монастырю. Взятая Мельниковым икона поступила в распоряжение Нижегородской консистории. По ее определению она была сдана в ризницу Нижегородского кафедрального собора для хранения. Затем этот образ Богородицы был передан в единоверческий Керженский Благовещенский монастырь. После революции икона пропала.

Изъятие Казанской иконы из Шарпанского монастыря произвело на старообрядцев ошеломляющее впечатление. Они сочли это событие грозным предвестием упадка скитов. Поездка Мельникова обросла легендами [4]. В литературе сведения о ней излагаются на основе документов из Российского государственного исторического архива (РГИА).

Ниже впервые публикуются более ранние документы из Центрального архива Нижегородской области. Они отложились в фонде 2 (Канцелярия нижегородского губернатора) и составляют дело 419 («Дело по прошению крестьянки Нижегородской губернии Семеновского уезда скита Шарпанского девицы Ивановой о насильственном отнятии у нее раскольничьей иконы»). Содержание его таково: Анна Иванова, настоятельница Шарпанского скита, обратилась с просьбой к исполняющему обязанности нижегородского губернатора вице-губернатору М.М. Панову с просьбой вернуть ей Казанскую икону Богородицы. Панов распорядился удовлетворить ее ходатайство, о чем написал епископу Иакову и П.И. Мельникову. Те, однако, убедили его в нецелесообразности выполнения просьбы Ивановой. Также в деле содержится доклад об иконах Святителя Николая Чудотворца и Казан-

ской Богородицы, представленный П.И. Мельниковым губернатору М.А. Урусову.

Публикацию подготовили д.и.н., профессор Ф.А. Селезнев и студентка Института международных отношений и мировой истории Т.Ю. Пинаева.

1848 г., сентябрь, 17. – Прошение крестьянки Нижегородской губернии Семеновского уезда Шарпанского скита девицы Анны Ивановой губернатору М.А. Урусову¹

Его Сиятельству

Нижегородскому Военному Губернатору, Свиты Его Императорского Величества Господину Генерал–Майору и кавалеру Князю Михаилу Александровичу Урусову.

Нижегородской губернии Семеновского уезда ведомства государственных имуществ Шарпанского скита девицы Анны Ивановой. Покорнейшее прошение.

Назад тому около четырех недель в 12 часов ночи приехал в место жительства моего неизвестно мне какой человек, стучал в занимаемую мной комнату, по позднему времени я пустить его не решалась, но когда этот человек объявил мне, что он чиновник Мельников приехал от Вашего Сиятельства, я не осмелилась противиться воле Вашей отперла дверь. Г. Мельников взошел в мою комнату с каким-то чиновником и солдатом, спросил меня, где икона Казанской Божьей матери? Я, не понимая сего вопроса в том для чего это нужно, указала ему стоящую в числе прочих икон; – Икону Казанской Божьей матери, иконописную древней греческой работы вышиною около аршина, на которой оклад сооплечами медная позолоченная и убрюс земчужный. Г.Мельников не объяснил мне никаких причин взял ее с полки и увез с собой для чего и куда мне неизвестно, а комнату мою запечатал. А как взятая Г. Мельниковым икона Казанской Божьей матери для меня тем более драгоценна, что она есть, благословение моих родителей, которые при жизни своей благословили меня ею в самом юном возрасте, а по смерти их, я, оставшись в детстве, взята была на воспитание в означенный Скит теткою моею Ириною Назаровою, ныне уже умершею, от которой все это по возрасту моем я и узнала, почему осмеливаюсь утруждать Ваше Сиятельство всепокорнейшею просьбою оказать мне защиту сделать надлежащее распоряжение о возвращении мне ото-

¹ Урусов Михаил Александрович (1802–1883) – князь, нижегородский военный губернатор с 1843 по 1854 год.

бранную от меня без всякого законного основания икону Казанской Божьей матери, составляющую для меня единственное сокровище по святости христианской и древнему родительскому благословию, – а вместе с тем приказать, кому следует, комнату мою распечатать.

1848 г., сентября 17 дня – к сему прошению скита Шарпана Анна Иванова руку приложила.

ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 1–2.

1848, октябрь, 6. – Предписание нижегородского вице-губернатора Панова² семеновскому уездному исправнику

Управление Нижегородского Военного Губернатора
канцелярия стол 2

Г. Семеновскому Земскому Исправнику

6 октября 1848 года

№ 611

Нижний Новгород.

Проживающая в д. Шарпонской (прежде бывшем ските) девка Анна Иванова, в рукоприкладстве к поданному прошению изъяснила так: «скита Шарпана Анна Иванова руку приложила».

А как в ст. 14 Св.[ода] Зак.[онов] воспрещено раскольникам устраивать скиты, и именовать себя скитскими жителями, то я предписываю Вам строго внушить Ивановой, чтобы она впредь не смела именовать себя скитскою жительницею, объяснив ей и строгость законного взыскания, которому она неминуемо подвергнется в случае нарушения сказанного узаконения.

Подписал Вице Губернатор Панов.

Скрепил: за правителя канцелярии [подпись]

Верно: писец [подпись]

ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 4 – 4 об.

**1848, октябрь, 25. – Рапорт П.И. Мельникова
вице-губернатору М.М. Панову о взятой в Шарпанском
раскольническом ските Иконы Казанской Божьей матери**

25 октября

² *Панов Максим Максимович* – нижегородский вице-губернатор с 1838 по 1857 год.

Его Высокородию Господину Исправляющему Должность
Нижегородского Губернатора Вице Губернатору.
Старшего Чиновника Особых Поручений Мельникова.

Рапорт

Вследствие Предписания Господина Нижегородского Военно-го Губернатора от 16 сентября 1848 года за № 538 о передаче, взятой мною в Шарпанском раскольническом Ските Иконы Казанской Божьей матери в Нижегородскую Духовную Консисторию, Имею Честь Вашему Высокородию донести, что икона эта согласно требованию Епархиального начальства, последовавшему к Семеновскому Протоиерею Соколову, прежде моего приезда в Семенов, уже была отправлена в Консисторию протоиереем Соколовым. Причем имею честь присовокупить, что икона та вышиною 1 ар. 4/8 вер., шириною 14 вер. В медью позолоченном окладе с убрюсом из жемчуга и цветных камней, доска, на которой изображена Богоматерь, была прежде расколота сверху и снизу, от чего на лицевой стороне заметна светлая в два пальца шириною полоса, произошедшая, вероятно от покрытия этого места лишним раз лаком. На затыле иконы приложена мною казенная печать сургуча, находящегося у меня в хранении по званию моему Правителя дел Статистического комитета. Эту печать употребил я при запечатывании различных раскольнических вещей с тою целью, чтобы отвратить могущий произойти подлог, что раскольники легко могли сделать, вырвав на бывшей нижегородской ярмарке мою гербовую печать.

Надворный Советник Мельников.

ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 5 – 5об.

1848, октябрь, 20. – Письмо епископа Иакова вице-губернатору М.М. Панову

Ваше Высокородие, Милостливый государь!

На отношении Вашего высокородия от 6 сего октября за № 11393, честь имею Вас, Милостливый Государь уведомить, что взятая из Шарпанского раскольнического скита Икона Казанской Божьей матери, как выдаваемая раскольниками чудотворною, на основании указа Святейшего Правительствующего Синода от 27 февраля 1722 года, не следует к возвращению скитнице девице Ивановой, а должна быть отослана в Кафедральный Собор, куда она 27 сентября уже и отправлена.

Сообщая о сем Вашему Высокородию честь имею препроводить при сем и самую просьбу девице Ивановой о возвращении ей упомянутой иконы.

С истинным почтением имею честь быть Вашего Высокородия Покорнейший слуга Иаков Епископ Нижегородский.

№ 216

20 октября 1848 года

Его Высокородию Г. Исправляющему должность Нижегородского Военного Губернатора Вице–Губернатору и Кавалеру, Максиму Максимовичу Панову.

ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 6.

**1848, декабрь, 31. – Письмо губернатора М.А. Урусова
П.И. Мельникову**

Управление Нижегородского Военного Губернатора

Канцелярия стол № 2

31 декабря 1848 года

№ 919

Нижний Новгород

Г. Старшему Чиновнику

Особых поручений

Мельникову

От 29 июля сего года за № 420 я поручил Вам произвести строжайшее исследование о выдаваемых раскольниками двух икон: Казанской Божьей матери и Святителя и Чудотворца Николая, чудотворными.

Не получая до сего времени от Вас ни исследования, ни донесения, зачем оно останавливается, я предписываю Вам поспешить с производством сего исследования, а о причинах тех, от которых оно замедляется мне донести.

Военный Губернатор Свиты Его Величества Генерал майор князь Урусов.

ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 8 – 8об.

**1849, январь, 13. – Докладная записка
П.И. Мельникова губернатору М.А. Урусову**

Докладная записка старшего чиновника особых поручений

Мельникова
Об иконах Святителя Николая Чудотворца и Казанской Бого-
родицы
13 января 1849 года
№ 3

Во исполнение предписания Вашего Сиятельства от 31 декабря 1848 года за № 919 имею честь донести следующее:

1) Об иконе Святителя Николая Чудотворца, находящейся в Глафириной обители³ Комаровского скита, делал я секретное разведывание и после того снял с некоторых жителей скита допросы. По разведыванию оказалось, что эта икона действительно раскольниками признается чудотворною, но кто именно разглашает Чудеса от нее происходящие и какого рода были эти чудеса, об этом, при всем старании моем, дознать я не мог. Говорят только, что в особенности веруют этой иконе потому что будто бы приближающихся к ней избавляет от рекрутства. Уважение к ней имеют не только раскольники, но даже православные. Видимых доказательств ереси, противным существующим узаконениям здесь не имеется, кроме только того, что 9 мая и 6 декабря⁴ ежегодно собираются сюда из разных мест. Крестьяне и крестьянки слушают каноны, кроме того обитель делает для богомольцев обеды. Жительницы обители Глафириной в допросах показали, что хотя они этот образ за чудотворный не выдают, но, действительно, ежегодно 9 мая и 6 декабря делают для богомольцев обеды и на этих обедах и бывают вместе с раскольниками православные, так это потому, что они называют себя раскольниками, а жительницы обители их подлинно не знают. Об иконе показали мне, что будто бы она не более как лет 70 тому назад была написана крестьянином Филиппом Марковым. Но занимаясь более 10 лет русской археологией за что даже имею честь носить звание члена-корреспондента Высочайше утвержденной Археографической комиссии, я полагаю, что последнее показание их ложно; ибо икона святителя Николая или чисто греческого письма или так называемая корезинская, но во всяком случае не позднее 15 столе-

³ *Глафирина обитель* – одна из обителей Комаровского скита. Комаровский скит был основан в конце XVII – начале XVIII в. старообрядцем по прозвищу Комар, пришедшим из Торжка. Находился к северо-западу от Семенова. Ближайшими к нему деревнями были Елфимово, Ронжино, Васильево, Зубово.

⁴ *9 мая и 6 декабря* – 9 (22) мая и 6 (19) декабря – память святителя Николая Чудотворца.

тия. Икону эту я не решился взять из такого многолюдного скита, каков Комаров, опасаясь могущего возникнуть волнения, но наложил на затылке ее три восковых печати и взял подписку с жительниц обители, которою они обязываются икону эту в том самом виде, в каком я нашел ее, представить начальству по первому требованию.

2) Икону Казанской Богородицы по взятии ее из Шарпанского скита я вследствие предписания Вашего Сиятельства 16 сентября за № 538 должен был передать в здешнюю Духовную Консисторию, но еще до прибытия моего в Семенов протоиерей тамошнего собора Соколов отправил ее в Консисторию вследствие особого распоряжения епархиального начальства. Об этой иконе я сделал секретное разведывание, но официальных допросов с жительниц скита снять еще не успел, будучи в октябре и ноябре одержим болезнью, а после того находясь при действительном статском советнике Алябьеве во время осмотра им скитов и Городецкой часовни⁵. По секретным разведываниям моим об этой иконе оказалось:

1) Действительно, не только раскольники называют ее чудотворною, но даже и православные имеют к ней особое почтение.

2) Между грамотными раскольниками и начетчиками ходит молва о чудесном перенесении ее иноком Арсением из Соловецкого монастыря, во время известной осады этой обители воеводою Мещеряковым при царе Алексее Михайловиче.

3) Все раскольники убеждены в том, что до тех пор только может раскол процветать в здешнем крае, пока эта икона навсегда не будет поставлена в православной церкви, ибо предание говорит, будто бы такое пророчество когда-то произнес чудесный глас, произошедший от этой иконы.

4) Ежегодно 8 июля, 22 октября⁶ и в день пасхи бывают в Шарпанском ските большие сходбища народа для пения канонов и как в это время, так и в другое, вопреки существующим узаконениям соборания, имеющие вид совершенно моленный и построения после 1834 года. Имея в виду это обстоятельство и ее постройку после 1826 года, я

⁵ *Городецкая часовня* – городецким старообрядцам удалось получить разрешение на постройку часовни при своем кладбище благодаря поддержке Г.А. Потемкина. Городецкая старообрядческая часовня была освящена в 1786 году. Подробнее о ней см. Галай Ю.Г. К истории Городецкой старообрядческой часовни // Городецкие чтения – 2004: материалы науч. конф., 23–24 апр. 2004 г. – Городец, 2004. Вып. 5.

⁶ *8 июля и 22 октября* – 8 (21) июля и 22 октября (4 ноября) праздники в честь Казанской иконы Богородицы.

запечатал ее 19 августа сего года, о чем в тот же день имел честь донести Вашему Сиятельству за № 217.

5) Икона Казанской Богородицы привлекает [нрзб.] своими чудесами множество богомольцев, делающих значительные вклады в Шарпанский скит, сгоревший в 1834 году до основания, так что при этом случае едва спасена была небольшая часть икон, немедленно был возобновлен в прежнем богатом виде, а в продолжении 14 лет, живущие в нем 40 бедных погорелых крестьян благодаря молве о чудотворениях находящейся у них иконы, разбогатела до того, что в октябре 1848 года у настоятельницы скита было уже наличными более 4 300 рублей серебром, которые у нее были украдены, о чем и производится дело в Семеновском земском суде.

6) Раскольники по взятии иконы совершенно упали духом. Из частых сношений моих с Семеновскими раскольниками при благословенных с ними разговорах, я узнал, что между ними нет раскольников по задушевному убеждению, но что деньги и свободная жизнь женщин суть настоящие споры беглопоповской секты в здешнем крае. При всем этом они суеверны. Взятие Шарпанской иконы, столь важной в глазах их, и вслед за тем собрание подробных о скитах сведений подействовало на умы раскольников до такой степени, что все они пришли к мысли о близости падения их секты.

Долгом считаю донести Вашему Сиятельству, что я достоверно узнал о том, что раскольники в судьбе этой иконы видят судьбу своего заблуждения и что притом они не совсем теряют надежду на получение ее обратно. Полагаю, что здешние раскольники в скором времени обратятся ко единоверию, если не будет им оказываемо послабления, и обратятся без всякого шума или движения. Если же они не обращаются теперь, так это только потому, что они надеются, что по-прежнему их скоро оставят совершенно в покое. Во всех скитах, говоря со мной откровенно, главные жительницы выражались тихо: «Ну, если не велют, так нечего делать, возьмем попа». Впрочем, и теперь около 40 человек изъявили мне согласие на единоверие. Все это долгом счел я представить вниманию Вашего Сиятельства, чтобы показать какое благотворное последствие может оказать оставление Иконы Казанской Богородицы в православной церкви. Возвращение ее в Шарпан возвратит раскольникам прежнюю их энергию и притом поселит в них уверенность в покровительстве Небесной Заступницы, которая к ним опять возвратилась. Само собой разумеется, что невозможно будет доказать формальным образом по всем правилам производства следственного того, что эта икона оглашается чудотворной. Раскольники готовы назвать ее самой незначительной иконой, лишь бы она только осталась

у них. Православные знают только о молве прежней славы ее чудотворной, но самых чудотворений не видали. О лицах же оглашающих ее чудотворной православные и единоверцы не скажут при допросе, боясь ответственности, если не докажут они положительным и формальным порядком такого оглашения.

Словом обстоятельства этого дела расположились так, что хотя действительность оглашения и происходящего от того соблазна и очевидна, но доказать это положительным формальным образом я не вижу никакой возможности; особенно если для совершенного доказательства очевидной истины оглашения потребовалось бы собственное признание оглашателей. Я употреблял все возможные средства для раскрытия истины и, находясь в скитах для описания их и вместе с чиновником Особых Поручений Министра Внутренних дел Действительным Статским Советником Алябьевым, я совершенно удостоверился в том, что настоятельница Шарпанского скита девка Анна Иванова, а по иночеству Августа, и прочие жительницы его из того, чтобы привлечь к себе людей и деньги, действительно оглашали икону Казанской Богородицы чудотворною, действительно собирали к себе народ в помянутые праздники, действительно собирали православных, собирали подаянье и также производили внешнее оказательство ереси, делая обеды после часов и канонов в эти праздники. Повторяю, что всего этого следствием доказать невозможно, но до некоторой степени раскрыть действия Шарпанских жительниц я не теряю надежды при производстве дела о совращении крестьян Козловых в раскол.

Долгом считаю донести Вашему Сиятельству, что хотя в предписании Вашем от 31 декабря № 919 и сказано, что я обязываюсь представить без малейшего отлагательства дознание, изложенное в настоящей докладной записке, но я не смог этого исполнить ранее сего числа ибо пакет, неизвестно почему адресованный в Семенов, доставлен был мне только вечером 12 января.

Надворный советник Мельников.

ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 11–14.

1849, февраля, 17. – Подписка Анны Ивановой об объявлении ей предписания нижегородского военного губернатора

1849 г. Февраля 17 дня в присутствии Семеновского Земского Суда явившаяся в оный Семеновского уезда ведомства государственных имуществ проживающая в деревне Шарпане крестьянская девка Анна Иванова дала эту подписку в том, что она предписание Его Сиятельства Г. Нижегородского военного губернатора от 28 генваря за

№71 о невозвращении ей взятой у нея Иконы Казанской Божьей Матери [нрзб.] и деньги шестьдесят копеек серебром за негербовую [нрзб.] бумагу [нрзб.] при сем [нрзб.] в чем и подписалась к сей подписке крестьянская девица Анна Иванова руку приложила. При дате сей подписки имел присутствие

Старший [нрзб.] – подпись –

ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 17.

**1849, февраля, 18. – Рапорт Семеновского Земского Суда
М.А. Урусову**

Его Сиятельству
Господину Нижегородскому
Военному Губернатору Свиты
Его Императорского Величества
Генералу-Майору и Кавалеру
князю Михаилу Александровичу.

Семеновского Земского Суда

Рапорт:

Предписание Вашего Сиятельства от 28 января сего года за №71^М последовавшее о невозвращении проживающей Семеновского уезда в деревне Шарпане [скит тож] крестьянской девке Анне Ивановой взятой у нея Иконы Казанской Божьей Матери, выдаваемой за чудотворную; девке Ивановой объявлено с подпискою, которую Земский Суд честь имеет представить при сем к Вашему Сиятельству с донесением: что следующие за негербовую бумагу деньги 60^к серебром с девки Ивановой взысканы и имеют быть в конце сего месяца отосланы в здешнее уездное Казначейство.

– подпись –

Город Семенов
№61
Февраля 18 дня
1849 года
С донесением об исполнении предписания об Иконе Казанской Матери отобранной от девки Анны Ивановой.
в Семенов.

ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 419. Л. 16.

Источники и литература

1. *Усов П.* Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский), его жизнь и литературная деятельность // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). – Нижний Новгород, 2011.
2. *Боченков В.В.* П.И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество. – Ржев, 2008.
3. *Соколова В.Ф.* П.И. Мельников (Андрей Печерский). Очерк жизни и творчества. – Горький, 1981.
4. *Рудаков С.В.* Краткая история заволжских скитов // Старообрядец. 1997. № 5.
5. *Пивоварова Н.В.* Скиты Семеновского уезда Нижегородской губернии и П.И. Мельников // Старообрядец. 2002. № 25.
6. *Селезнев Ф.А.* Особые поручения чиновника Мельникова: Писатель Андрей Печерский на государственной службе // Родина. 2014. № 2; *Селезнев Ф.А.* Павел Иванович Мельников-Печерский – основоположник нижегородского краеведения // Нижегородская старина. 2014. Выпуск 39 – 40.
7. Нижегородские губернские ведомости. 1848. Часть неоф. № 2–40.
8. Отчет о современном состоянии раскола П.И. Мельникова. 1854 года // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Часть II. – Нижний Новгород, 1910.
9. Автобиография П.И. Мельникова // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Часть I. – Нижний Новгород, 1910.
10. Формулярный список о службе П.И. Мельникова // Действия НГУАК. Сборник. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Часть I. – Нижний Новгород, 1910.

«ВСЕГДА БЫЛ ПРЕДАННЫМ СЫНОМ МАТЕРИ- РОДИНЫ И ТВЕРДЫМ СТАРООБРЯДЦЕМ»: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ЮГОСЛАВСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ Д.В. СИРОТКИНА

В.В. Боченков

О последних годах жизни известного старообрядческого деятеля, русского предпринимателя Дмитрия Васильевича Сироткина (1864–1953) практически ничего не было известно очень долгое время. После снятия грифа секретности с документов архива Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР были выявлены два письма Д.В. Сироткина, посланные им из Югославии, где после революции он жил, в старообрядческую Московскую архиепископию. А.Б. Арсеньев и В.В. Нехотин, опубликовавшие их, уточнили также дату его смерти: 13 июля 1953 г. [1, с. 87–95].

Д.В. Сироткин родился в деревне Остапово близ села Пурех Нижегородской губернии. Его мать, Вера Михайловна, была известной благотворительницей. В 1906 г. на страницах газеты «Голос старообрядца» о ней с теплом вспоминал епископ Арсений (Швецов) Уральский и Оренбургский [2, с. 247–248]. В 1890 г. Д.В. Сироткин женился на дочери казанского купца-пароходчика К.С. Четвергова Марии. В 1900 г., когда от старообрядческих священников и епископов правительство потребовало письменно отказаться от священного звания, Д.В. Сироткину удалось исходатайствовать у императора Николая II отмены этого постановления. В 1913 г. Д.В. Сироткин был избран нижегородским городским головой. Известен факт, когда 7 мая 1913 г. на торжествах по случаю 300-летия дома Романовых в Нижнем Новгороде в присутствии царя проходил молебен и, поскольку служили его старообрядческие священники, городской голова демонстративно не крестился. В течение многих лет Д.В. Сироткин был председателем Совета всероссийских съездов старообрядцев. В 1913 г. в родном селе он выстроил на свои средства храм, оказывал материальную поддержку нижегородской общине, в 1917 г. в память матери устроил в Нижнем Новгороде старообрядческую богадельню с храмом. В 1919 г. уехал в Югославию и поселился в Белграде. Его связь со старообрядцами России с тех пор прервалась. В 1946 году Д.В. Сироткин предпринял попытку восстановить контакт с Московской архиепископией, куда обратился с письмом (см. документ № 1). Следует заметить, что выявленные в 1999 г. в архиве Совета по делам религиозных культов копии

писем Д.В. Сироткина – лишь часть его переписки. Не столь давно при разборе архива Митрополии Московской РПСЦ удалось обнаружить не только машинописные копии, но также автографы этих и новых писем Д.В. Сироткина. В данной публикации мы ставим себе целью ввести их в научный оборот, публикуя, в том числе уже представленные А.Б. Арсеньевым и В.В. Нехотиным письма, но по их оригиналам. Обнаруженная переписка позволяет расширить наше представление о жизни Д.В. Сироткина в эмиграции.

В архиве Митрополии Московской и Всея Руси РПСЦ сохранилась машинописная копия письма жившего в Югославии (Нови Сад, ныне Сербия) старообрядца Михаила Варыханова (Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 5), который упоминал, что в 1920-х и, вероятно, в 1930-х гг. при доме Д.В. Сироткина в Белграде была моленная, куда по большим праздникам приезжали священники из Румынии. В то время старообрядцев здесь было значительно больше, чем в 1940-е годы. В 1935 г. город посетил известный старообрядческий публицист Ф.Е. Мельников. Перечисляя югославских старообрядцев-эмигрантов, М. Варыханов упоминает фамилии неких Есаулова и Лоскутова, бывавших у Д.В. Сироткина, называет себя с братом Владимиром, доктора медицины Лисову, уехавшую из Белграда «куда-то в провинцию», некоего Максимиенко с Дона, работающего агрономом и живущего в г. Велика Кикинда (ныне Сербия), его брата из г. Рума (также Сербия), учителей. Названы имена и фамилии некоторых умерших старообрядцев: Георгий Константинович Сапожников (ум. 1940), Николай Петрович Расторгуев (ум. 1938), Андреев из Ленинграда (ум. 1936). Будучи в эмиграции, Д.В. Сироткин поддерживал переписку с епископом Иннокентием (Усовым), бывшим Нижегородским и Костромским, проживавшим тогда в Молдавии (сообщено мне А.А. Пригариным).

Как явствует из первого письма Д.В. Сироткина, его побудила обратиться в Московскую архиепископию встреча с неуказанными им «высшими духовными лицами» (возможно, представителями новообрядческого духовенства, поскольку старообрядческие иерархи за границу не выезжали, возможно – румынскими старообрядцами), которые, как следует понимать, рассказали ему о некоторых свободах, которые получили церковные организации в СССР, о религиозном подъеме в послевоенной стране. Он также получил сведения, что Московская архиепископская кафедра не вдовствует, ее занимает Иринарх (Парфенов), упомянут в письме также его помощник, известный старообрядческий деятель епископ Геронтий (Лакомкин; 1872–1951), рукоположенный еще до революции и десять лет проведенных в заключении [подробнее: 3, с. 414–415; 4, с. 17–21]. Переписка получила продолже-

ние, и в ответ Д.В. Сироткину был выслан из архиепископии церковный календарь – единственное в то время старообрядческое периодическое издание (разрешен в 1945 г.).

Документ № 1.

Д.В. Сироткин – архиепископу Иринарху (Парфенову)

Автограф, цвет чернил черный, в правом верхнем углу синими чернилами от руки сделана пометка: «Вход. № 355 – 6/V-46». Письмо представляет собой небольшой лист бумаги в линейку из двух страниц (130 x 170 мм). По левому полю бумаги два круглых отверстия, сделанные дыроколом. Это и другие письма публикуются с исправлением ошибок в орфографии, среди характерных их особенностей – отсутствие мягкого знака на конце слов (календар, радюс, жит), с учетом норм современной орфографии. В указании адреса искажена фамилия польского маршала, чьим именем названа улица (написано: Писулский). Аббревиатура, которой начинается письмо (Г.І.Х.С.Б.п.н.), означает: «Господи Иусе Христе, Сыне Божии, помилуй нас»).

Архиепископ Московский и всея Руси Иринарх (Парфенов) (1881–1952) родился в слободе Печоры близ Нижнего Новгорода. С детских лет работал при конторе фирмы «У.С. Курбатов» в Нижнем Новгороде, в 1900 г. переехал в с. Большое Мурашкино. В 1913 г. был рукоположен к здешнему храму в сан священника. Овдовев, в 1928 г. рукоположен во епископы на старообрядческую Самарско-Уфимскую кафедру. 20 декабря 1932 г. арестован и по обвинению в контрреволюционной агитации, осужден в 1933 г. на пять лет лагерей. В 1936 г. был досрочно освобожден и прибыл на жительство в Кострому. В 1941 г. возведен в сан архиепископа Московского и всея Руси. Подробнее: [5, с. 412–413; 4, с. 24–27].

Г.І.Х.С.Б.п.н.

Белград, ул. Маршала Пилсудского, 23.

Святыи владыко.

Виделся здесь с высшими духовными лицами, приезжающими сюда по своим духовным делам.

Только от них узнал, что старообрядчество пользуется большим расположением от г[осподствующей] ц[еркви], наши церковные порядки и твердость духа – как духовенства, так и паствы – считаются образцовыми. Слава Богу, что прежнее неблагоприятное отношение духовенства г[осподствующей] ц[еркви] к старообрядчеству – окончилось, и нам предстоит в мире жить без споров и дразг.

Сообщили мне, что единоверческая церковь на Рогожском кладбище уступлена нам¹, что Вы, святыи владыко, стоите во главе церковного управления.

Дай Бог Вам силы устроить церковные приходы, вероятно, закон о церковных приходских общинах не отменен².

Говорили мне, что восстановлено имущественное владение г[осподствующей] ц[еркви], разрешено строить училища для подготовки духовных лиц и обещана материальная помощь, а также восстанавливаются монастыри.

Будем надеяться, что и к нам как к старой вере будет благоприятное отношение, потому что старые времена получили должную память – на экране и в изданиях.

Коснулись вопроса деятельности наших начетчиков и Ф.Е.³ – которым предстоит более почетная деятельность совместно с г[осподствующей] ц[ерковью] вести беседы против безбожия.

Со времени прихода советской власти прошло уже более четверти века, население вместе с прочими и наше поднялось в самосознании, нам тоже необходимо позаботиться если не о духовных школах, то хотя о курсах для священников, избираемых приходами.

Бывши долгие годы председателем Всероссийских съездов приземлющих священство Белокриницкой иерархии, был душой предан интересам старообрядчества, решился Вам, святити владыко, написать потому, что где бы мне ни приходилось жить, я всегда был преданным сыном моей матери – Родины, и твердым старообрядцем. Прошу прощения, благословения и Ваших святых молитв.

Мой сердечный привет владыке Геронтию и всем моим друзьям.

Архив ММ и ВР РПСЦ. Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 1–2 об.

Примечания

1. Никольский храм Рогожского кладбища, в то время единоверческий, не был передан в распоряжение Московской архиепископии – историческому владельцу. Д.В. Сироткин не совсем верно мог понять рассказанное: некоторое время при его паперти находилась квартира архиепископа Иринарха (Парфенова), здесь же некоторое время жили епископ Геронтий (Лакомкин), священноинок Вениамин (Агольцов), впоследствии епископ Киевский и Винницкий.

2. Имеется в виду закон о старообрядческих общинах 1906 г. Конечно, в советское время он не действовал.

3. Федор Евфимович Мельников.

Документ № 2
Архиепископ Иринарх (Парфенов) – Д.В. Сироткину

Незаверенная машинописная копия (цвет ленты черный), второй оттиск, на стандартном листе писчей бумаги. Исходящий номер и дата на делопроизводственном штампе в левом верхнем углу отсутствуют (датировку письма помогает установить ответ Д.В. Сироткина, письмо № 3 – 11 мая 1946 г.). Копия письма выявлена отдельно от основного корпуса сохранившейся переписки.

Благовестуй земле радость велию...

Глубокочтимейший и благоговейный христианин
Дмитрий Васильевич!

Мир ти и спасение, и о Господе радоваться всегда!

Ваше почтенное письмо из Белграда получено. Сердечно Вас благодарим за память и заботы о нашей святой Христовой Церкви.

Мы, слава Богу, живем в благополучии, как и патриаршая церковь, в полной свободе.

В Москве при Покровском старообрядческом храме на Рогожском кладбище, как и раньше, имеется резиденция Старообрядческой Архиепископии Московской и всея Руси.

На мое смирение возложено возглавлять ее. Моим непосредственным помощником является епископ Геронтий, о чем кратко указано в Календаре за 1946 год, который Вам уже выслан заказной бандеролью. Нам разрешено издавать старообрядческий ежемесячный журнал и курсы по обучению церковно-славянского языка и знаменного пения. Это на первый раз, а потом необходимы и пастырские курсы. Конечно, для всего этого необходимы средства.

Полагаем в нынешнем году созвать Освященный Собор ¹.

Бывший протоиерей о. Иоанн Моржаков поставлен в епископы на Кишиневскую и Одесскую епархию ². И еще полагаем поставить несколько епископов и священников. Церковных дел очень много. Помолитесь за нас, а мы за Вас.

И тако призываю на Вы мир и Божие благоволение.

Смиренный Иринарх, старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси.

Архив ММ и ВР. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 787. Л. 1.

Примечания

1. Упомянутый Освященный Собор не состоялся.

2. Епископ Иосиф (Иоанн Моржаков; 1885–1970) был рукоположен 9 сентября 1945 г. Впоследствии – архиепископ Московский и

всая Руси. Родился в с. Пиявочное Озеро (Арзамасский р-н Нижегородской обл.). Подробнее: [6, с. 637–638].

Документ № 3

Д.В. Сироткин – архиепископу Иринарху (Парфенову)

Публикуется по автографу с сохранением некоторых синтаксических и стилистических особенностей текста. Написано на бумаге в клетку (210 x 300 мм). Цвет чернил черный. В левом верхнем углу размытый след от поржавевшей железной скрепки. По левому краю бумаги два круглых отверстия, оставленные дыроколом. Ряд слов («съезд духовенства и мирян», «баржу» (вероятно, в архиепископии прочли как «барму» и не поняли), «достижения иностранцам», «заочная исповедь», «политикой никогда», «на церковные нужды») подчеркнуты синим карандашом. Выделение синим цветом при чтении писем использовал старообрядческий деятель, помощник Московского архиепископа в 1910–20 гг. епископ Александр (Богатенков). В его практике оно означало определенное несогласие с тем или иным сообщением, порой отрицательное отношение к нему. Письмо впервые опубликовано по копии А.Б. Арсеньевым и В.В. Нехотиным в указанном выше выпуске «Духовные ответы» (С. 88–91). Текст указанных в письме записок Д.В. Сироткина о судоходстве не разыскан. Свидетельств о том, что они были завершены и высланы в старообрядческую архиепископию, на данный момент не выявлено.

Белград. 30 сентября 1946.

Ваше высокопреосвященство, владыка Иринарх!

Ваше доброе письмо от 11-го мая с/г с запозданием получил, а также два экземпляра старообрядческого календаря, 1 календарь подарил внуку Пелагеи Ивановны¹, радуюсь, что подано такое богатое и полезное издание.

Меня несказанно тронуло Ваше письмо, ибо я многие годы живу без Церкви, без окормления святым причастием, одинокий, и не вижу скорого улучшения моей жизни, а мне минул 82 год.

Прошу Вас, не оставляйте меня весточками о церковной жизни нашего старообрядчества, которое мне близко; работая 18 годов как председатель Совета съездов прием[лющих] Белокрыницкую иерархию. Из письма видно, что предполагается съезд представителей духовенства и мирян для обсуждения вопросов церковно-приходской жизни старообрядчества, из этого видно, что общественно-церковная жизнь не угасает.

За границей старообрядчество не проявило себя, не создав центра, не устроило нигде приходов, вина тому – раскиданность наших одноверцев, живущих без церковной службы, исповеди и причастия.

Прошу Вас, св[ятый] владыко, возможна ли заочная исповедь и как ее совершить, если возможна. Приходов старообрядческих ближе Румынии нет, в Браиле имеется две церкви наши, куда бы мог писать, избрав священника, или укажите на родине священника, чем премного обяжете. Вся моя жизнь была посвящена старообрядчеству и судоходству, хотя они общего ничего не имеют, на р[еке] Волге много было судопромышленников, суда которых отличались своей постройкой и превосходили заграничные речные суда.

Лично в 1907 году построил в Горьком необыкновенную в то время баржу-танк, наливное судно грузоподъемностью более полмиллиона пудов, давшей экономии в эксплуатации от 50 % до 100%, если пожелаете познакомиться, то постройка моей баржи под названием «Марфа Посадница» описана в книге «Волга», издание: Москва, 1927 года, на странице 665, и на странице 613 описание моей жизни². Такая книга имеется в библиотеках Минис[терства] путей сообщения. А так же будто бы мое имя как строителя судов помещено в энциклопедическом словаре.

Пишу Вам не для похвальбы, но не хочу молчать, как многие сородичи делают, уступая свои достижения иностранцам.

Моим успехам в судостроении я обязан старообрядчеству, которое вдохнула в меня моя матушка Вера Михайловна – ревностная старообрядка. Я удержался от вина, пристрастился к общественной жизни старообрядчества и судопромышленности, был полезен своей родине, но из сего у меня ничего не осталось для жизни, мои суда строятся, давая пользу всем, патента я не взял.

Как произошла реформа, т. е. увеличение судов, описано мной в моих записках, почти готовых к изданию, на родном языке – не имея никого в Москве, я не знаю, к кому обратиться об издании. Как Вам известно, я политикой никогда не занимался, уехал по недоразумению, полюбил славянскую реку Дунай, но мои работы здесь не ценятся, потому что судоходство не пользуется тем обаянием, как на Родине.

Если бы книга моя страниц 150 убористого шрифта могла быть напечатана, то половину дохода моего я бы уступил на церковно-общественные нужды. Если бы можно было получить патент на мой тип судов, то также при жизни половину уступил ц[ерковно]-об[щественной] жизни. А [после] моей смерти все доходы, ибо у меня детей не было, оставлять некому, оставить, что могу иметь, на церковные нужды считаю за христианскую обязанность.

Моя родная сестра Анна Васильевна Белокрынкина³ живет в Москве: 57, Всесвятское, Малый Коптевский переулок, №2а, кажется, в

своем домике, прошу, примите ее, если посетит Вас. Прошу прощения, благословения и Ваших с[вятых] м[олив]. Преданный Д. Сироткин.

Там же. Л. 3 – 6 об.

Примечания

1. Неустановленное лицо.
2. См.: [7]. Д.В. Сироткин не точно называет страницы: его биография помещена на с. 610–611, сведения о баржах – с. 662, фотоснимок баржи – с. 665, илл. 194.
3. А.Б. Арсеньев и В.В. Нехотин делают следующий комментарий к этому упоминанию о сестре: «С учетом этого нам кажется недоуверенным утверждение И. Макарова о том, будто А.В. Белокрынкина (жена кассира и казначея общества “По Волге”) И.А. Белокрынкина выехала к своему брату за границу “в середине 1920-х”, доставив ему хранившийся у нее бриллиант [8]. А.В. Белокрынкина упоминается также в ответном, не публиковавшемся ранее, письме (№ 4) архиепископа Иринарха (Парфенова), подтверждающем, что она проживала в Москве.

Документ № 4 **Архиепископ Иринарх (Парфенов) – Д.В. Сироткину**

Публикуется по машинописной копии (второй оттиск на стандартной машинописной бумаге; имеется также третий, более блеклый машинописный текст того же письма). В левом верхнем углу на месте делопроизводственного штампа синими чернилами пометка: «№ 114. 6 февраля 1947 года». Одна строка, обозначенная в тексте знаком «<...>», не отпечаталась через копировальную бумагу и не может быть восстановлена.

Г.И.Х.С.Б.п.н.

Димитрию Васильевичу Сироткину
23, ул. Маршала Пилсудского,
Белград, Югославия.

Глубокочтимый Димитрий Васильевич!

Мир ти и спасение и о Господе радоваться всегда!

Письмо Ваше от 30/IX-46 получено. Сердечно благодарю за память к нам и за Ваше доброе отношение к нашей дорогой стране и старообрядчеству.

Мы вполне уверены, что, несмотря на понесенные разрухи от бывшей войны от наших злостных врагов – Гитлера и его приспешников, всякого рода фашистов, – мы, наш русский народ, как в войне оказались полными победителями, так и надеемся скоро-скоро улаго-

устроить дорогую нашу Родину до высшего благоустройства, славы и несокрушимого могущества во всех отношениях.

Весь русский народ, в том числе и старообрядцы, единодушно стремятся единственно только на благо страны и на процветание ее. На будущий 1947 год старообрядческий церковный календарь будет, но с некоторым запозданием. Цена его намечена 30 руб.

Полагаем выпустить издание ежемесячного журнала старообрядческого и др. книг. Ходатайствуем об открытии пастырских курсов и курсов церковного чтения и пения. Последние уже начаты. Нам предстоит широкое поле свободной церковной работы. Жатвы много, а делателей мало. Нужны делатели. Я и вл. Геронтий трудимся в Москве. Вл. Иосиф – в Кишиневе, вл. Вениамин – в Виннице¹. Нужны нам и еще епископы. Требуется много священнослужителей.

Относительно заочной исповеди могу сказать, что подобные случаи бы[ли]. Но ради нужды можно исправить себя и по скитскому покаянию. Там все указано. Но лучше всего благоволите себе подыскать подходящего нашего старообрядческого священника, судя по обстоятельствам, дабы все было во славу Божию и Вам во спасение.

Приветствую и благодарю Вас за особую Вашу талантливость и труды по судостроению. Что возможно, пока не затворилась дверь Вашей жизни, как говорит апостол, делайте благое ко всем, паче же присным в вере, а особенно к нашей дорогой стране. Не охлаждайте любовь к ней. Окажите искренний патриотизм.

Сестра Ваша св. храм посещает. Здоровье ее слабовато. Но милостию Божией <...>. Бог Вам в помощь, мир и Божие благословение.

Смиренный Иринарх, старообрядческий архиепископ Московский и всея Руси.

Там же. Л. 7 – 7 об.

Примечание

1. Епископ Вениамин (Василий Агольцов; 1882–1962) с 1929 по 1937 г. служил священником в деревне Рябики (Калужская область). Хиротонисан в сан епископа на Киевскую и Винницкую кафедру 11 августа 1946 г. Проживал в Виннице до 1950 г. Со второй половины 1950-х гг. и до конца жизни управлял Клинцовой и Новозыбковской епархией.

Документ № 5

Д.В. Сироткин архиепископу – Иринарху (Парфенову) и епископу Геронтию (Лакомкину)

Автограф, письмо написано на широком листе в линейку (210 x 300 мм). В левом верхнем углу красным карандашом сделана пометка о получении: «1-6-47». По правому полю – два следа от дырокола. Ответ на данное письмо неизвестен.

Белград, 15 мая 1947 г.

Старообрядческой архиепископии в Москве.

Глубоко тронут Вашим высоким вниманием, получив старообрядческий календарь за 1947 год, приношу мою благодарность. Остаюсь Вашим должником за стар[ообрядческий] календарь за два года, с надеждой оказать архиепископии материальную помощь на нужды старообрядчества, которое составляет для меня непоколебимую святыню.

Все беженство остается многие годы духовно неокормленным. Находящийся в Париже талантливый священник отец Кирилл¹, где сейчас находится, неизвестно, будто бы есть священники на побережье Мраморного моря и в Канаде. Если бы можно было организовать поездку священника в значительные пункты живущего за границей старообрядчества, предварительно предложить обсудить вопрос о сборе средств на расходы по поездке.

Прошу прощения, благословения и Ваших святых молитв.

Преданный раб Божий Д. Сироткин.

Там же. Л. 8 – 8 об.

Примечания

1. Старообрядческий священник Кирилл Яковлевич Иванов (1892–?) родился в Херсоне, рукоположен в 1925 г. в Кишиневе епископом Иннокентием (Усовым), «потом был послан для удовлетворения духовных нужд старообрядцев, проживающих в других странах Европы». Обосновавшись близ Парижа, устроил домовую церковь, принял французское гражданство. В 1933 г. основал две временные домовые церкви в Литве. Во время одной пастырской поездки был обворован и, оставшись без документов, арестован литовской криминальной полицией, с которой сотрудничал советский НКВД. После освобождения по доносу литовских беспоповцев был арестован вновь и заподозрен в шпионаже против СССР. Несколько лет провел в советских тюрьмах и лагерях. Из СССР выехал в 1950-х гг.

Документ № 6
Д.В. Сироткин – епископу Геронтию (Лакомкину)

Автограф, цвет чернил черный, письмо написано на тетрадном листе в клетку (205 x 290 мм), текст местами размыт от воздействия влаги. Следов дырокола и пометок о получении нет. Сохранены некоторые особенности авторской орфографии и синтаксиса. Ответ на письмо неизвестен, не исключено, что его не было вовсе.

Г.И.Х.С.Б.п.н.
Х[ристос] В[оскресе]!
2. V.1949.

Святыи владыко Геронтий!

Поздравляю Вас с великим праздником Воскресения Христова, сердечно желаю здоровья и благополучия. Нахожусь в удовлетворительном здоровье, переживая 85-й год своей жизни, не знаю, долго ли продлится моя жизнь, часто приходит мысль, что живу без пользы, не у дел, вдали от родины, от оставшихся еще живыми своих друзей. Как Вы живете, святыи владыко? Вы были молебником моей дорогой матушки Веры Михайловны, которая Вас высоко ценила ¹. Вот уже идет седьмой месяц, не получаю весточки от моей бесценной, любимой сестры Анны Васильевны Белокрынкиной, адрес ее: Москва 57, Все-святское, Малый Коптевский переулок, №2а, она живет вместе со своими дочерьми Марией и Ольгой Белокрынкиными. Не найдете ли возможным узнать о ее здоровье, если, чего Господи сохрани, она ушла в вечную жизнь, то прошу Вас отслужить погребение и помянуть ее как добрую христианку и ревнивую мать своей семьи, с которой переписки не имею. Всю жизнь свою скрашивал заботами о моем родном старо-обрядчестве и судоходстве – на всех реках Родины. Первое поддержи-вало мне душевное настроение, второе давало средства для жизни и помощи приходским попечительствам неимущим, без чего жизнь была не полна, несмотря на непрерывную работу по судостроению и судо-ходству, за что меня Родина чтит. Если пожелаете, можете почитать в газете «Речной транспорт» от 16 ноября 1948 г., адрес: Петровка, 3/6, где описаны мои достижения, в статье «Первые в мире нефтяные суда», без моей фамилии, видимо, пока изобретатель жив, писать о нем не принято ².

Причастные к судоходству знают, что в 1907 г. построил первую в мире баржу-танк под названием «Марфа-посадница», необычных размеров, давшая экономию в эксплуатации 50 %, и постройка ее опи-сана в советском издании в книге «Волга» на [...] странице³, где имеет-ся в библиотеках по судоходству.

Пользу от своих достижений всю оставил в Руси, патента не взял и свои интересы не оградил, будучи со средствами. Здесь, живя почти тридцать годов, не мог применить свои типы судов не по моей причине, но работаю все время по усовершенствованию судов и могу за это получить вознаграждение. Хотелось мне заработанные здесь средства передать в архиепископию Рогожского кладбища на упоминание моих близких и себя. Если по существующим законам можно осуществить, прошу, сообщите.

Политикой никогда не занимался, что девиз старообрядцев: «Нет власти, аще от Бога». Прощу передать привет моим знакомым.

Прощу прощения, благословения и Ваших св. молитв.

Д. Сироткин.

Там же. Л. 12 – 13 об.

Примечания

1. В.М. Сироткина умерла в 1902 г. и не могла знать епископа Геронтия (но ее мог знать и помнить архиепископ Иринарх).

2. Имеется в виду небольшая статья слушателя Академии речного транспорта Л. Рыжова «Первые в мире нефтеналивные суда» (Речной транспорт. 1948. № 92 (2537), 16 ноября. С. 4.) Не упоминая имени Д.В. Сироткина, автор подчеркивает, что постройка баржи «Марфа-посадница» открыла новую страницу в развитии русского и мирового нефтеналивного флота. Газета была органом Министерства речного флота СССР и ЦК профсоюза рабочих речного транспорта. Петровка, 3/6 – адрес редакции в Москве.

3. Вместо номера страницы в письме оставлен пробел. См. письмо № 3 и примечания к нему.

Документ № 7

Д.В. Сироткин – епископу Геронтию (Лакомкину)

Публикуется по машинописной копии, автограф неизвестен. Цвет ленты черный. По левому полю два отверстия от скоросшивателя. Опубликовано А.Б. Арсеньевым и В.В. Нехотиным в указанном выше сборнике «Духовные ответы» [1]. Ответа на письмо не последовало. Сохранены некоторые особенности авторской орфографии (Рожество) и синтаксиса.

Белград, 12 января 1950 г.

Преосвященнейший владыко Геронтий!

Позвольте поздравить Вас с великим праздником Рождества Христова и пожелать здравия и благополучия.

Находясь не окормленным Святыми Дарами и исповедию грехов, писал Вам мою и жены моей Марии просьбу – научить нас, как поступить в случае смерти.

Некоторые старообрядцы приглашают великороссийского духовного лица, чего мне не хотелось. И можно ли избрать духовное лицо и ему письменно исповедаться и просить прощения? Мне идет 86 год, приходится думать о смерти. От сестры Аннушки писем давно не получал.

Прошу прощения и благословения и Ваших святых молитв.

Грешные рабы Дмитрий и Мария Сироткины.

До сего времени не имею возможности оплатить 100 рублей за высланные мне старообрядческие календари и почтовые расходы Ваши на ответенные письма. Прошу Вас, святые владыко, в какой валюте таковые расходы и как оплатить? Если укажете, то прибавьте еще стоимость нового календаря, который приносит нам утешение.

Здесь, в Белграде, старообрядцев мало, наших всего несколько человек, а во всем мире (тысячи) миллионы – хорошо бы объехать нашему священнику все земли, средства на поездку можно было бы собрать до поездки, и для таковой поездки позвольте указать отца Кирилла – бывшего священника в Париже ¹.

Служа всю свою жизнь старообрядчеству, я не могу молчать о страждущем разброшенном старообрядчестве во всем мире.

Д.С.

Адрес наш: Белград, улица Тадеуша Костушко, №23.

Там же. Л. 17.

Примечание

1. См. прим. 1 к письму № 5.

Документ № 8 **Епископ Геронтий (Лакомкин) – К.А. Абрикосову**

Автограф на стандартном листе машинописной бумаги, цвет чернил синий. Опубликовано А.Б. Арсеньевым и В.В. Нехотиным в указанном выше сборнике «Духовные ответы». К.А. Абрикосов (1894–1972) – ответственный секретарь и управляющий делами Московской архиепископии. Отказ от переписки обусловлен перлюстрацией писем, входящих из-за границы в архиепископию (иначе бы они не оказались в Совете по делам религиозных культов). Понятно, что при таких условиях письменная исповедь была невозможна.

Г[осподи], б[лагослови].

Многоуважаемый Кирилл Александрович!

На мое имя и мне прислано и получено письмо от Дмитрия Васильевича Сироткина из заграницы, из Белграда.

Я никогда не имел и не имею переписки с лицами, находящимися за границей. На означенное письмо отвечать не желаю и не буду. Если угодно обсудить его как нужно, и по обсуждении в Совете архиепископии что нужно ответить – предлагаю на Ваше благоусмотрение.

Прилагаю Вам письмо и ответный конверт.

Молю Бога о Вашем здравии и спасении.

Ваш богомолец, болящ[ий] епископ Геронтий.

2 апреля 1950 г.

Там же. Л. 16.

Последними письмами (№ 7 и 8) заканчивается переписка Д.В. Сироткина с Московской архиепископией. Память известного деятеля и благотворителя не была забыта старообрядцами и нижегородцами. 25 мая 2011 г. в столице Сербии Белграде на могиле Д.В. Сироткина и его супруги при участии главы администрации Нижнего Новгорода Олега Кондрашова был установлен памятник. Автором эскиза выступила нижегородский архитектор Зоя Рюрикова. Работы финансировались судостроительным предприятием ОАО «Завод “Нижегородский теплоход”», которое было основано Д.В. Сироткиным. От лица Русской Православной старообрядческой Церкви в мероприятиях приняли участие благочинный приходов Московской области протоиерей Леонтий Пименов, иерей Константин Лукичев, протоиерей Андрей Моржаков (см.: [9, с. 22–23]).

Источники и литература

1. *Арсеньев А., Нехотин В.* Новое о Д.В. Сироткине // Духовные ответы. Изд. Тверской Никольской старообрядческой общины храма во имя святителя Николы Чудотворца. – М., 1999. Вып. 11.

2. Памяти Веры Михайловны Сироткиной // *Арсений (Швецов), еп.* Сочинения. – М.–Ржев, 2010. Т. 2.

3. *Зонтиков Н.А.* Геронтий (Лакомкин) // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11.

4. *Боченков В.В.* Епископы Русской Православной Старообрядческой Церкви в 1930 гг.: Биобиблиографический словарь // Во время оно: История старообрядчества в свидетельствах и документах. – М., 2009. Вып. 5.

5. *Боченков В.В.* Иринарх (Парфенов) // Православная энциклопедия. – М., 2010. Т. XXVI.

6. *Боченков В.В.* Иосиф (Моржаков) // Православная энциклопедия. – М., 2010. Т. XXV.

7. *Шубин И.А.* Волга и волжское судоходство: История, развитие и современное состояние судоходства и судостроения. – М., 1927.

8. *Арсеньев А., Нехотин В.* Дмитрий Сироткин. Письма в Россию // Нижний Новгород. 1998. № 10.

9. Памятник старообрядцу в столице Сербии // Вестник Митрополии. Изд. Информационно-издательского отдела Московской Митрополии РПСЦ. 2011. № 2.

НИЖНИЙ НОВГОРОД 1920-х гг. (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ В.Ф. БАЛАНДИНА)

С.В. Петряев

Каждый пишет, как он слышит,
каждый слышит, как он дышит,
как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить...

Б. Окуджава

Слова поэта, вынесенные в эпиграф, в полной мере относятся и к автору публикуемых ниже страниц. Виктор Федорович Баландин (1921–1996), юрист, ветеран Великой Отечественной войны вел свой дневник с 40-х по 70-е годы XX века. В дневник вошли и мемуарные записи, предлагаемые Вашему вниманию.

Человек с чутким сердцем и внимательным взглядом, он своим «легким пером», как бы на одном дыхании, восстанавливает картины городской жизни, относящейся к эпохе, которая уже почти скрылась за очередным временным изгибом. Эти записки, по сути, являются теми самыми нитями индивидуальной человеческой судьбы, которые прочно связывают ее с судьбами окружения – родных, соседей, просто знакомых и практически незнакомых людей, живущих в одну историческую эпоху и, в конечном итоге, составляющих целый народ, ярко показывая внутренние взаимоотношения и актуальные общественные процессы. Неразрывная связь личного и общественного, восприятие глобальных исторических перемен и событий человеком того времени придает особый колорит подобным произведениям. Особая ценность предлагаемых Вашему вниманию страниц заключена в том, что они

проливают свет на одни из самых малоизученных и спорных в оценках историков периодов в нашем краеведении.

Воспоминания этого талантливого человека смогли увидеть свет благодаря дочери и внучки автора – Светлане Викторовне Прокофьевой и Екатерине Юрьевне Климовой, чьи заботливые руки сохранили для нас это бесценное свидетельство тех лет.

В заключении, хотел бы выразить лишь пожелание к читателям – загляните в семейный архив – быть может там и отыщется «живой голос», рассказывающий о делах «давно минувших дней», сберегите его для потомков, они наверняка Вам скажут спасибо.

Воспоминания В.Ф. Баландина

В 1921 г. наша семья переехала из голодающего Донбасса в Нижний Новгород. Поселились в комнате вместе с дядей в деревянном доме в конце Малой Ямской вблизи Крестовоздвиженского монастыря и кладбища. Году в 22–23-ем нам дали комнату в полуподвале дома № 46⁷ по ул. Гоголя рядом с домом Бургомистра Пушкинова⁸. Себя я начал помнить с 5–6 лет.

Я помню годы НЭП(а), когда маленький частник был повсюду: в торговле, в быту, в транспорте, сельском хозяйстве и промышленности. Частные лавочки были на каждом углу. Лавочка у фонтана (водоразборная колонка), наискосок школы им. Ломоносова; пивная на углу улицы Гоголя и Урицкого (бывшая Сергиевская); наискосок от пивной – пельменная, а на другом углу (против Сергиевской церкви) – продмаг артели инвалидов (после гражданской войны осталось много инвалидов); метров в 200-ах вверх по улице Гоголя мясная лавка Птичникова, а по углам две продовольственных лавки и хлебный ларек. Летом на каждом углу стояла тележка частника-мороженщика. За 3–5 копеек продавали круглое мороженное, прихваченное 2-мя вафлями, на коих выжаты имена «Валя», «Катя» и т.д. Если попадет твое имя, значит, ты съел счастливое мороженное.

На улицах Маяковского⁹ (бывшая Рождественская) и Свердло-

⁷ В настоящее время не существует (утрачен).

⁸ Палаты постройки конца XVII – начала XVIII веков (в настоящее время ул. Гоголя, д. 52). В XIX веке и до революции был домом причта находящейся рядом Сергиевской церкви.

⁹ В описываемые времена НЭПа называлась улицей Кооперативной с 1923 по 1940 г., до этого в 1919 г. ей присваивалось название Октябрьская, с 1940 г. – Маяковская, как и упоминает ее автор. В наши дни улице возвращено историческое название Рождественская.

ва ¹⁰ (бывшая Большая Покровская) почти в каждом доме были магазины, лавки, «ларьки», столовые, пивные, рестораны – либо государственные, либо кооперативные, либо частные. А на Сафроновской набережной (где теперь Речной вокзал) с июля строились лабазы, и начиналась большая торговля рыбой свежей и соленой, воблой, икрой, овощами, фруктами – всем, что привозили на деревянных баржах и барках с низовья Волги. Зимой у Блиновского сада (теперь площадь Маркина) была «козья ярмарка», где (кроме продуктов), в основном, продавались изделия из дерева, из шерсти и овчины (романовские полушубки – был у меня такой, с красным кушаком), кружева и разное платье. Торговля шла бойко по всему бывшему купеческому городу Нижнему Новгороду.

Ну, и венцом торговли была, конечно, Нижегородская (бывшая Макарьевская) ярмарка, на которой в конце лета торговля шла более месяца ¹¹, последний раз ярмарка была в 1928 году ¹². Старожилы говорили, что было далеко не то, что до революции. Однако и эта (28 года ярмарка) с ее обилием и разнообразием товаров, с большим количеством торговцев из разных мест страны, с ее каруселями, балаганами, театрами была большим торжищем и ярким зрелищем, и запомнилась мне на всю жизнь. Я помню, как мы всей семьей шли по плашкоутному мосту, поскрипывающему на баржах. Помню обилие и разнообразие товаров в Главном доме (Теперь Дом торговли) ¹³, помню массу покупающих, гуляющих и веселящихся людей.

По улицам крестьяне возили и продавали дрова, уголь древесный (для самоваров и утюгов), картофель (мерами), огурцы (сотнями) и другие овощи. Вразнос продавали молоко, сметану, ягоды, рыбу, раков вареных и живых, спирт муравьиный, деготь и т.д. Чумазый угольщик под тарактенье телеги по булыжной мостовой смешно кричал: «Углей, углей, у-го-льев».

Хорошо помню базары: Средной – по средам (пл. М. Горького ¹⁴), пятницкий – по пятница (площадь Свободы), конный (где теперь Сред-

¹⁰ В октябре 1918 г. ей присваивалось имя Ленина, в феврале 1919 г. – Карла Либкнехта, в начале 1920-х гг. она стала ул. Свердлова. Историческое имя Большая Покровская улице было возвращено 24 декабря 1991 г.

⁵ В советское время ярмарка открывалась 1 августа, а закрывалась 15 сентября.

¹² Автор ошибается. Последняя Нижегородская ярмарка была в 1929 году.

¹³ В настоящее время снова Главный ярмарочный дом.

¹⁴ До революции носила имя Ново-Базарной, во времена НЭПа площадь имени Первого мая.

ной), Мытный рынок, ну, и ежедневный ближайший базарик – это Решетка (угол улицы Гоголя и Воробьева ¹⁵), где теперь скверик-сад. Основным поставщиком продуктов сельского хозяйства был кулак и середняк. Коммун и колхозов было мало ¹⁶. Продуктов сельского хозяйства на базарах было обильно: мука, зерно – пудами, мясо, масло, мед – фунтами; молоко, сметана – кринками; лук репчатый – «косами», зелень – пучками; яблоки, груши – ведрами и все довольно дешево.

Хуже было с промтоварами: не хватало мануфактуры, обуви (особенно галош), бумаги, металлоизделий и т.д.

Бывший владелец дома № 46 по ул. Гоголя, где мы жили, Николай Михайлович Богатов, после конфискации этого дома получил от ЖАКТ(а) две комнатки в полуподвале «своего» дома и сапожничал. Рядом с нашим домом (в доме Мерихановых) жил владелец нескольких лошадей, который занимался извозом. В Сергиевском (Урожайном) переулке жил еврей Дейчман, тоже держал лошадь и зарабатывал перевозкой грузов. В городе было очень много лошадей частных и артельных. В доме №52 ¹⁷ (дом бывшего генерала Чижга) около школы им. Ломоносова, куда мы переехали в 1932 году, жил хороший портной частник Егоров Григорий Иванович (он из старых пальто моего отца перешивал мне пальто, позже шил мне костюмы). А ниже по Суетинскому переулку жил мастер головных уборов Бурденев, а в подвале его дома жили портные частники Мейер и Орехов, а позднее – Шишкин. На углу обычно была частная парикмахерская.

По дворам ходили бондари («чинить бочки, обручи набивать»), жестянщики («чинить тары, ведра»), точильщики («точить ножи, ножицы, бритвы править»), стекольщики («вставлять стекла, стекла вставлять»). Ходили шарманщики (на шарманке ящик с пакетиками «счастья» и попугай или морская свинка за несколько копеек вытаскивали желающим пакетик). Ходили цыгане с медведем на цепи («А ну, Миша, покажи, как мальчишки горох воруют»), ходили баянисты, гармонисты – слепые и зрячие, обычно с бледной девчонкой, которая тоненьким голоском жалобно пела «Кирпичики», «Маруся отравилась» и т.п. Ходили слепые с поводырем и хором пели религиозно-нравоучительные песни, ходили цыганки-гадалки, часто ходили (обычно летом) погорельцы и много нищих.

¹⁵ До революции и в настоящее время ул. Малая Покровская.

¹⁶ Напомним – описываются времена НЭПа.

¹⁷ Выше приведенная нумерация дома относится к первой половине XX века. В настоящее время данный дом утрачен.

Трамвайный парк был в Кремле ¹⁸ (около теперешнего концертного зала). Путь проходил так:

Кремль – Большая Покровская (ул. Свердлова) – Малая Покровская – ул. Гоголя – влево по теперешней улице Карла Маркса (ул. Нижегородская) до фуникулера (где теперь гостиница Нижегородская). Фуникулер работал на воде. Бак верхнего вагона наполняли водой, а из бака нижнего – выливали. Верхний (тяжелая) тянул нижний. В каждый вагончик садилось по 10–12 человек. Затем от нижней станции элеватора по плашкоутному мосту до Казанского (Московского) вокзала ходили маленькие трамвайчики (когда шел по мосту один, то второй ожидал на берегу, т.к. мост двух не выдерживал)... Трамвай и фуникулер до революции построили бельгийцы ¹⁹. По реке быстро бегали местные маленькие пароходики – «финляндчики» (Закуплены были в Финляндии) ²⁰.

Я помню допотопные пароходы с громадными колесами на корме («Бирюза», «Алмаз», «Изумруд» и т.п.). Вода каскадом сливалась с плиц колеса и блестела на солнце (как в кинофильме «Волга-Волга»). Машин в городе было очень мало: легковые – иностранных марок, скорая помощь – черная (!) машина – карета с приступками с обеих сторон и грузовики АМО ²¹. Даже пожарники ездили на санях-тройках с колокольным звоном. Лошадей было множество: ломовики (грузовые), легковые извозчики с удобными пролетками, на резиновых шинах колеса (иногда надувные).

Было много тележечников (двухколесные тележки, зимой – большие сани), которые перевозили различные грузы от вокзалов, пристаней, магазинов и базаров. Много было грузчиков (на спине ядро с ремнями через плечи). На пристанях их называли еще и крючниками, т.к. цепи при нагрузке и выгрузки они волокли крючьями, нередко с «Дубинушкой» – песней-помощницей. При выгрузке яблок из барж на ядро грузчика ставилась стопа из нескольких ящиках и, когда грузчик

¹⁸ В здании Манежа.

¹⁹ Трудно сказать, что имел в виду автор. Трамвайные линии и фуникулеры были построены российским отделением немецкой фирмы «Сименс и Гальске».

²⁰ Финляндчики до революции принадлежали акционерному обществу Финляндского легкого пароходства. Эта компания, зарегистрированная в Финляндии, работала также в Санкт-Петербурге и Москве. Финляндчики (это особый тип судов) строились на судостроительных заводах компании в Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде (завод располагался в районе Слуды).

²¹ Первый советский грузовой автомобиль, выпускавшийся серийно московским заводом АМО (завод имени И.А. Лихачева).

пружинисто сходил по шатающимся сходням, нередко верхний ящик летел в воду. Это была наша добыча. А иногда мы и сами просили: «Дядя, шевельни плечом». Добрый грузчик шевельнет, и ящик летит в реку, где мы его и вылавливаем.

В городе было много скота (коровы, козы, свиньи) и птицы (куры, гуси, утки, индюшки). Скот выгоняли за город на выгон (пастбище), где пастух пас его в районе теперешнего госуниверситета ²² (где было озеро) и далее к Мызе и Слуде. От монастыря ²³ и Вдовьего дома до Мызы домов было очень мало: казарма (за теперешним госуниверситетом), водонапорная башня (около теперешней поликлиники 34) (позднее – Бюро по трудоустройству), тюрьма, Тобольские казармы, нефтяные баки на берегу Оки, мызинские дачи и телефонный завод (теперь НИТЕЛ). А еще далее, левее завода, Аэрофлот, где теперь микрорайон Щербинки.

В начале 1-ой пятилетки ²⁴ были открыты магазины «Торгсин» (торговля с иностранцами). Такой магазин был на ул. Свердлова в доме № 1. Здесь за серебро, золото и платину продавали любые продукты и промтовары. Стране нужны были станки, машины, прокат и т.д. Капиталисты все это нам продавали за драгоценные металлы. В подвале дома Пушкинова (бургомистра при Петре I) я нашел золотое кольцо. Когда открыли «Торгсин», решили кольцо обменять на пшено, но кольцо из сундука таинственно исчезло.

НЭП кончался, страна была на пороге нового, а международный капитал готовился нас задушить.

Большие пароходы (двух-трехпалубные) через мост проходили ночью, когда звено моста из двух плашкоутов отводили в сторону, а утром ставили на место, скрепляя деревянными клиньями, а стыки рельс свинчивали болтами. Зимой мост был открыт для движения круглосуточно. На правом берегу виден вокзал и дорога действующего фуникулера, элеватор, затем башкировская мельница ²⁵ и Рамодановский (Казанский) вокзал. Чуть поодаль от него – паровозное депо, около которого на поворотном круге два человека довольно легко поворачивают паровоз на 180 градусов. Дальше почти до Мызы тянется слудинская роща. По левому берегу от Стрелки (с ярмарочным Александра-Невским собором, 1864–1881 гг. ²⁶) до Главного дома ²⁷ (1890 г.) распо-

²² Имеется ввиду ННГУ имени Н.И. Лобачевского.

²³ Крестовоздвиженского монастыря.

²⁴ Годы первой пятилетки: 1928–1932 гг.

²⁵ Мельница, построенная купцом 1-й гильдии М.Е. Башкировым.

²⁶ На самом деле годы строительства собора: 1868–1881 гг.

ложены ярмарочные склады, гостиницы, магазины. Вдали, левее Главного дома, виднеется старинный Ярмарочный собор (Спасский). Далее по берегу домишки, домишки, затем Карповская церковь и снова домишки.

К ИСТОРИИ КАТАКОМБНОЙ ЦЕРКВИ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ: ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ И ДОКУМЕНТАМ

Л.Е. Кудрина

25 апреля 1931 года в Воскресенском районе во время пасхального богослужения погибли две женщины. В окна храма стреляли – вслепую, не целясь. Тем, кто стрелял, наверняка пришлось нагнуться: храм представлял собой дом с низко лежащими окнами, практически землянку. О том, что в ходе операции были убиты люди, в следственных бумагах не будет сказано ни слова. Пасхальную службу вел священник Николай Порфирьевич Федоровский, мой прадед. Все присутствовавшие на службе были арестованы.

В каждой семье есть предания – истории, многократно пересказываемые, зачастую – с вариантами. Рассказ о Пасхе 1931 года я слышала от бабушки всего один раз. Он радикально отличался от прочих бабушкиных историй, в которых также фигурировал Николай Порфирьевич. То были идиллические рассказы о бабушкином детстве, где много братьев и сестер, деревенское приволье, уютный гостеприимный дом. Жизнь наполнена трудами и событиями, широко открыта в мир других людей. К отцу, сельскому священнику, постоянно кто-нибудь приходит, он всем готов помочь, бодр и радушен, может ответить на любой вопрос: и почему не нужно долго сердиться на того, кто тебя обидел, и почему в пасхальную ночь не бывает на небе Луны. В моем сознании этот идиллический персонаж никак не сливался в один образ с человеком, которому долгие годы приходилось скрываться, сидеть в тюрьме, быть выпущенным из нее за несколько дней до смерти и все эти дни молиться за погибших в церкви и за тех, кому предстояли лагерь и ссылка. По чьему-то меткому выражению, в сравнении с 1937 годом начало тридцатых – «вегетарианские» времена: совершенно слепого, умирающего от воспаления легких человека сочли возможным

²⁷ Имеется в виду Главный ярмарочный дом.

отпустить умирать домой. В 1937 году всех священнослужителей Воскресенского района поместят в открытый грузовик, и больше о них ничего не будет известно. Очевидцы долго не могли забыть, как на головы стоящих в грузовике стариков падала «крупа» – замерзающий на лету ноябрьский дождь. Большею частью это были знакомые Николая Порфирьевича.

В конце восьмидесятых, когда мне захотелось больше узнать и о прадеде, и о вышеизложенных событиях, расспрашивать было некого. Бабушка умерла, прочие родственники знали обо всем едва ли не меньше моего. Некоторых из них в свое время вообще убедили, что прадед был лесничим: иметь в роду священнослужителя было и неприлично, и попросту опасно. Ни бабушке, ни мне не приходило в голову, что когда-то будет возможность узнать обо всем подробнее. Дело № 819 находилось совсем неподалеку от наших бесед, на улице Воробьева, но было так же недоступно, как если б оно хранилось на Луне.

Сделанный в зрелом возрасте, выбор священнического поприща идеально соответствовал личности прадеда, где сочетались подлинная вера в Бога и склонность к просветительству. Этот выбор не был обусловлен семейной традицией: все мужчины в его семье служили на флоте. Молодость он провел в Кронштадте, слышал проповеди Иоанна Кронштадтского. Бывал в разных краях России и за границей. В течение ряда лет служил в учебных заведениях для сирот. Всегда был чем-то увлечен: сельским хозяйством, астрономией, медициной. Постоянно учился чему-то. Бегло говорил на нескольких языках. В двадцатые годы, оказавшись в опустевшем семейном гнезде, Николай Порфирьевич отказался переехать на жительство к кому-либо из детей. Он оказался востребован на поприще, официально прервавшемся в 1914 году, когда он совершенно ослеп и был выведен за штат. Отца Николая знала вся округа. Он никогда не бывал один. К нему в дом шли и как к священнику, и как к человеку, который может дать практический совет и даже оказать медицинскую помощь. В краю было мало специалистов. В досвященнический период жизни прадеду доводилось изучать азы медицины. У него был натренирован слух, он очень точно определял «грудные» болезни, знал, как восстановить поврежденный крестьянскими трудами позвоночник, объяснял, как собирать и использовать лечебные растения. И спустя десятилетия после его смерти бабушка встречала людей, которым он оказывал такого рода помощь.

В конце 1927 года была опубликована Декларация митрополита Сергия. Прадед оказался в числе тех, кто категорически не принял этот документ. Горек и оскорбителен был компромисс с властью, все предыдущие годы последовательно расправлявшейся с церковью и

верующими. По благословению епископа Нектария, также не принявшего Декларацию, отец Николай обустроил в своем доме в деревне Копанки нелегальную церковь. И над этой церковью, и над ее прихожанами неотвратимо нависала угроза со стороны властей. Многим из них грозила высылка из родных мест. Тогда и было принято решение искать спасения в глухих, необитаемых ветлужских лесах.

В 2004 году вышел шестой том «Книги Памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области». Там я нашла короткую справку: «Федоровский Николай Порфирьевич, 1866 г. р., уроженец г. Ревеля, Эстония, житель д. Копанки Воскресенского р-на, священник нелегальной церкви в лесу. Арестован 26. 04.1931 г. Приговорен Особым совещанием 02.10.31 к 3 г. ссылки в Северный край. Освобожден досрочно по постановлению Особого совещания 03.11.31 г».

А через несколько лет на сайте общества «Мемориал» обнаружилась большая фрагмент следственного дела № 819. Лично для меня самым важным были представленные среди прочих материалов надиктованные прадедом письма. И в них, и даже в протокольном изложении допросов мне удалось уловить стиль речи, сходный с бабушкиным. Я сначала многократно перечитала эти фрагменты, а затем — целиком весь текст. Я все больше и больше проникалась им. Сквозь сумятицу полуграмотного, казенного изложения мне все более отчетливо виделись, каждый по отдельности, фигуранты этого дела. У всех у них, как и у прадеда, наверняка живы потомки. Знают ли они о том, что довелось им пережить в 1931 году? Скорее всего, не знают ничего. Мне показалось правильно, если этот материал будет более широко известен.

В конце 1980-х годов мне довелось слышать высказывания человека, впоследствии игравшего неоправданно большую роль в жизни нашего края. Он говорил о том, что вот польские католики во главе со своими пастырями всегда защищают свои религиозные убеждения, а вот православные верующие — совсем другое дело. Рабы и есть рабы. Куда их власть нагибает, туда и гнуться. Возражали ему горячо, но неубедительно. К сожалению, не только этот сноб, но и большинство из нас мало что знали о трагических страницах истории Русской Православной Церкви в 1920–1930-е годы, плохо представляли, что, помимо жертвенности, там было и стоическое сопротивление произволу, и огромная, напряженная работа ума и сердца верующих, независимо от того, какой выбор они делали в той или иной ситуации. Подтверждение этому — яркие образцы нелегальной православной публицистики 1920 — начала 1930-х годов, содержащиеся в материалах следственного дела № 819. Их переписывание от руки и распространение было одним

из главных преступлений, которые вменялись фигурантам. В те годы катакомбная церковь никоим образом не подходила под определение секты. Она насчитывала десятки, если не сотни тысяч людей. Мне кажется, наличие такой оппозиции гораздо сильнее дает почувствовать, насколько трудным было принятое митрополитом Сергием решение, в итоге спасшее Церковь от полного физического уничтожения.

Надо сказать, что со временем меня сильно стали интересовать люди, находившиеся рядом с прадедом в последние годы его жизни, разделившие его участь. В моем окружении не было никого, кто был бы похож Николая Порфирьевича. Но я очень хорошо, в совокупности множества подробностей, могу представить тех, кто был рядом с ним. Ни рабами, ни жертвами они не были. В 1918 году рядом с Воскресенским районом полыхал грозный уренский мятеж, жестокий в своих проявлениях, но свидетельствующий, прежде всего, о том, что в первой четверти двадцатого века жители этих мест не являлись рабами. Они хотели жить у себя и по-своему, и ради этого шли на все. Люди, весной 1931 года собравшиеся в лесном храме на пасхальной службе, не были ни мятежны, ни воинственны. Но они также отстаивали право жить у себя и по-своему. И также знали, что заплатят за это самой высокой ценой. Они достойны того, чтобы о них помнили. Окончательным стимулом к публикации этого материала для меня явилась «Книга памяти жертв политических репрессий в Воскресенском районе», изданная в 2008 году в р.п. Воскресенское. Из всех фигурантов Дела № 819 в нее включен только Иван Михайлович Ручин. К сожалению, в многотомной «Книге Памяти жертв политических репрессий в Нижегородской области» нет географического указателя. Для того чтобы собрать информацию по каждому району, потребуется колоссальная работа: фронтальный просмотр всех томов. Я надеюсь, что данная публикация поможет воскресенским краоведам дополнить свой труд новой информацией.

1931 г. – Обвинительное заключение по следственному делу № 819 контрреволюционной группы церковников «истинно-православной церкви»

В первых числах апреля месяца сего года СПО ПП ОГПУ были получены данные о том, что в лесу Воскресенского района существует нелегальный монастырь «Викторовской ориентации», именующийся «Истинно-православной церковью».

Предварительной проверкой место монастыря вскоре выяснилось, причем оказалось, что он в чаще глухого леса, в 20 км от бли-

жайшего населенного пункта и помещается в 5 замаскированных землянках, в одной из них оборудована церковь, а в остальных четырех проживают члены к.-р. группы «Истинно-православных христиан».

13 апреля группа была оперативно ликвидирована. В момент ликвидации стоявший на карауле по охране землянок член к.-р. группы по оперировавшим произвел выстрел (не причинивши вреда) и скрылся.

(сл. д., л. 1, 20 об., 22 об., 31)

Ф о р м у л а о б в и н е н и я

Расследованием по делу было установлено, что фанатично-реакционная часть церковников «Викторовцев» в своей к.-р. деятельности на территории Нижегородского края применяет новые формы борьбы, выражающиеся в уходе в глубокое подполье, (леса, пещеры) и объединяет вокруг себя недовольных Советской властью лиц не только из церковников, кулаков и бывших людей, но также и из среды середняков и бедняков; помимо того установлено, что члены к.-р. группы, перейдя на нелегальное положение, систематически устраивали свои собрания и совещания, вели агитацию против мероприятий правительства и партии в деревне, прорабатывали и распространяли в массовом количестве различные воззвания, обращения и листовки епископов: Виктора, Нектария и др., — ярко антисоветского содержания, оказывали помощь еп. Виктору, находящемуся в ссылке в Соловках. Хранили у себя огнестрельное оружие и огнеприпасы. Имели своих специальных связистов, через которых поддерживалась связь с указанными епископами крайне реакционного течения и антисоветским элементом.

Замаскированные землянки к.-р. группы служили местом для убежища скрывающихся от выселения и высылки кулаков и различного рода странников и проходимцев. Кроме того, кулаки там же скрывали свое имущество в складах, принадлежащих группе.

Руководящий состав группы поддерживал связь с одним из активных организаторов ликвидированной "Церковно-монархической организации" на территории Арзамасского, Муромского и др. районов БАШМАКОВЫМ Георгием Александровичем (бывш. офицером, разыскивается).

(сл. д., л. 87, 126 и 19)

И с т о р и я в о з н и к н о в е н и я к.-р. г р у п п ы

Возникновение к.-р. группы относится к 1927 году. Ее фактическому оформлению предшествовала декларация митрополита Нижегородского

родского СЕРГИЯ, опубликованная в печати в конце означенного года, вызвавшая сильное возмущение у будущих руководителей группы – священника ФЕДОРОВСКОГО Н.П. и религиозного фанатика РУЧИНА И.М., которые вскоре порвали с ним общение и устроили при доме священника ФЕДОРОВСКОГО в деревне Копанках нелегальную церковь, создав свою религиозную общину. Затем они установили связь с еп. Виктором, а после его ареста с еп. Нектарием и под флагом борьбы за “истинное православие” повели активную антисоветскую деятельность главным образом путем выпуска и распространения к.-р. воззваний, обращений и листовок среди верующих, а также вели активную антисоветскую пропаганду.

По истории возникновения группы при обыске в нелегальном монастыре были изъяты документы, содержание которых приведено ниже:

«Преосвященному Нектарию епископу Яранскому. Выпущенное в 1927 году послание Нижегородского митрополита Сергия произвело смуту в нашей церкви, и я тотчас же порвал церковное общение с митр. Сергием и его приверженцами, вследствие этого я решился попробовать собрать их около себя и выстроил при моем доме крохотный храм, стал совершать богослужение и исполнять христианские требы, таким образом образовалась маленькая община из 43-х семейств. За неимением Яранского православного епископа я обратился за благословением на открытие нового прихода к ближайшему православному епископу Григорию Ветлужскому.

По моей просьбе епископ Григорий благословил меня в случае нужды на устройство храма в другом месте, поэтому, когда явилась нужда в храме, я устроил его при своем доме близ дер. Копанков.

Письмо это передаст Вам член нашего церковного совета Иван Михайлович РУЧИН, человек, пользующийся моим полным доверием, большой ревнитель православия»;

«Епископу Нектарию Яранскому. Просуществовав 3½ года вполне благополучно и не испытав никаких бед или иных гонений от безбожников, ни от еретиков, наша Благовещенская церковь, что близ деревни Копанков, теперь подверглась беде, а именно: в конце февраля с. г. я был обложен непосильным для меня налогом, и мне грозила опись имущества, так что находившийся при моем доме храм, как незарегистрированный, был бы неминуемо уничтожен, и все церковное имущество отобрано. Однако, благодаря тому, что я был предупрежден вовремя о грозившей беде, мне удалось убрать церковь в более надежное место, но т. к. о существовании нашего храма было известно всей

окрестности, я, конечно, не избежал бы допроса о том, куда он делся, а потому решился скрыться. Одновременно с этим разошелся слух, что я агитирую против колхозов, что, конечно, заставило обратить на меня внимание местных властей и совершенно лишило меня возможности вернуться домой. Я не оставил все-таки маленькую общину без пастыря и успел вовремя соединиться с Воздвиженским приходом, на что я получил Ваше благословение еще в прошлом году. Впрочем некоторые из моих духовных детей не пожелали войти в число прихожан села Воздвиженского, т. к. для этого надо было регистрироваться, против чего восставала их совесть, а потому мы решили устроить маленькую тайную общину и поставить для нее нашу Благовещенскую церковь в тайном почти недоступном месте. На что покорнейше просим Вашего благословения. Податель сего письма известный Вам И.М. Ручин может дать об этом более подробные и точные сведения. Св. ФЕДОРОВСКИЙ».

Ответ епископа Нектария св. ФЕДОРОВСКОМУ:

«С любовью во Христе принимаю в церковно-каноническое и молитвенное общение православную общину (св. Благовещенского храма, дер. Копанков). Призываю на настоятеля и прихожан Божие благословение с пожеланием пребывать и впредь в твердом православии».

(с. д., л. 23, 26, 38, 84 и 93-об.)

С о с т а в к.-р. г р у п п ы

Из показаний всех сознавшихся обвиняемых видно, что организаторами и руководителями к.-р. группы были:

1. Священник ФЕДОРОВСКИЙ Николай Порфирьевич.
2. Его заместителем – крестьянин-середняк РУЧИН Иван Михайлович, религиозный фанатик, рукоположенный в священники епископом Нектарием 7 июля 1930 года.

АКТИВНЫМИ ЧЛЕНАМИ:

3. СЕРЖЕВА-НОВОСЕЛОВА Анна Александровна, бывшая монашка и псаломщик нелегальной церкви.
4. ПРИЛИПИН Андрей Ефимович, кулак-лишенец, бывший церковный староста, приговоренный Нарсудом к высылке из пределов Нижегород. края на 3 года, как злостный неплательщик налоговых обложений.
5. КОРОЛЕВ Иван Осипович, крестьянин-середняк, религиозный фанатик.

6. АЛЕБАШИН Василий Григорьевич, крестьянин-середняк, религиозный фанатик.

7. СЕРЖЕВ Федор Иванович, крестьянин-бедняк, религиозный фанатик (муж обвиняемой НОВОСЕЛОВОЙ А.А.).

И РЯДОВЫМИ ЧЛЕНАМИ, СКРЫВАВШИМИСЯ
ВМЕСТЕ С ПЕРЕЧИСЛЕННЫМИ ЛИЦАМИ В ЛЕСНЫХ
ЗЕМЛЯНКАХ:

8. КОРОЛЕВ Осип Васильевич, крестьянин-середняк, религиозный фанатик.

9. РЕДЬКИН Федор Иванович, крестьянин-бедняк, религиозный фанатик.

10. СЕКИН Иван Ксенофонтович, крестьянин-середняк, религиозный фанатик.

11. МОЛОТОВ Иван Сергеевич, крестьянин-середняк, религиозный фанатик.

12. РЕТИН Егор Васильевич, крестьянин-бедняк, религиозный фанатик.

Кроме того, поддерживали связь с членами К-Р группы, знали об их деятельности и передавали им разные воззвания и обращения епископов контр-революционного содержания. Хранили их у себя в большом количестве и распространяли среди верующих своих приходов.

13. Священник ЕМЕЛЬЯНОВ Александр Николаевич и

14. КУЗНЕЦОВ Василий Тимофеевич, член церковного совета, религиозный фанатик.

О составе К-Р группы, ее руководителях и активных членах приводим показания сознавшихся самих обвиняемых:

Организатор и руководитель группы П.П. ФЕДОРОВСКИЙ показал:

«В нашей организации были руководителями я и моим заместителем РУЧИН Иван Михайлович, как второй священник. Наиболее активные члены: КОРОЛЕВ Иван Осипович, СЕРЖЕВ Федор Иванович, СЕРЖЕВА-НОВОСЕЛОВА Анна Александровна, ПРИЛИПИН Андрей Ефимович, АЛЕБАШИН Василий Григорьевич. Рядовые члены группы: КОРОЛЕВ Осип Васильевич, РЕДЬКИН Федор Иванович, СЕКИН Иван Ксенофонтович, МОЛОТОВ Иван Сергеевич и РЕТИН Егор Васильевич».

(сл. д., л. 87).

Аналогичные показания о составе группы дали обвиняемые: РУЧИН И.М., СЕРЖЕВА А.А., СЕРЖЕВ Ф.И. и АЛЕБАШИН В.Г. (сл.

д. л. 96, 102, 119 и 131). По тому же вопросу обвиняемый св. ЕМЕЛЬЯНОВ А.Н. показал:

«Со священником ФЕДОРОВСКИМ и знаком с 1924 года, он бывал у меня в церкви несколько раз, я знал, что у него в дер. Копанках существует нелегальная церковь, знал и о том, что они скрылись в лес.

В 1928 или 1929 году я дал монашке НОВОСЕЛОВОЙ 5 или 6 экземпляров разных обращений и воззваний епископов Виктора, Нектария и др. К-Р содержания для передачи св. ФЕДОРОВСКОМУ».

Обвиняемый член церковного совета КУЗНЕЦОВ В.Т. показал:

«Летом 1928 или 1929 года я беседовал со св. ФЕДОРОВСКИМ в доме монашки НОВОСЕЛОВОЙ А.А. и был у него еще в конце 1927 года, в то время у него была уже оборудована нелегальная церковь. Я послал ему одно или два воззвания епископов с попутчиком».

(сл. д., л. 87, 156 и 165).

Распространение к.-р. воззваний, обращений и других документов

При ликвидации к.-р. группы обысками изъято большое количество разных воззваний, обращений епископов и др. документов к.-р. содержания, полученных ими через своих связистов – СЕРЖЕВОЙ А.А. и РУЧИНА И.М. и др. (см. том 2-й дела – веществен. доказательств).

Эти воззвания прорабатывались членами К-Р группы на своих собраниях и совещаниях, переписывались от руки и распространялись среди верующих в целях возбуждения среди них ненависти к существующему Советскому строю. По этому вопросу обвиняемые показали:

Обвиняемый КУЗНЕЦОВ В.Т.

«Признаю себя виновным в том, что я размножал разные контрреволюционные воззвания, обращения и переписку епископов, давал их читать верующим и прорабатывали их на своих совещаниях с теми же верующими» (сл. д., л. 156-об.).

Обвиняемый ФЕДОРОВСКИЙ Н.П.

«Установив связь через РУЧИНА и КОРОЛЕВА И.О. с еп. Нектарием в Казани, только что прибывшим тогда из ссылки, от него начали получать руководство и обращения различного рода антисоветского характера, да и сами мы писали разные к.-р. листовки и некоторые из них переписывали от руки и давали читать тем верующим, на которых надеялись, что они не подведут» (сл. д. 85).

Обвиняемый КОРОЛЕВ И.О.:

«Об обнаруженных у нас разных к.-р. воззваниях и др. документах могу сказать, что все они у нас в группе читались вслух. Переписыванием этих антисоветских документов занимались РУЧИН И.М., СЕРЖЕВА А.А., помню одно из обращений переписывал и я» (сл. д., л. 115 об.).

Обвиняемый РУЧИН И.М.:

«Воззвания, обращения и др. документы епископов Нектария, Виктора и пр., обнаруженные у нас при обыске, принесены частично СЕРЖЕВОЙ А.А. от священника ЕМЕЛЬЯНОВА А.Н. Все воззвания и др. документы к.-р. содержания мы размножали от руки, часть через копировальную бумагу и давали их читать тем верующим, которые относились к нам сочувственно. Переписыванием больше занимался я и СЕРЖЕВА А.»

(сл. д., л. № 96-об.).

Для характеристики изъятых обысками документов-воззваний приводим некоторые выдержки из них:

«Ныне Церковь Христова у нас на Руси переживает такую эпоху, когда как епископат, так и весь клир церковный испивают чашу гнева Божия за грехи прежних лет. Все те материальные земные преимущества, коими раньше пользовалась Церковь, отняты. Большинство епископов совершают ныне свое архиерейское служение в сидении по домам заключения, лагерям, на принуд. работах, что на берегах Белого моря, или по далеким селениям Зырянского края, среди сибирских дебрей, в Нарыме и Турухане, а то в Среднеазиатских песках. Ту же участь разделяют и многие пастыри и церковники-миряне»;

«Церковное общение с митр. Сергием (замещающим собою патриаршего местоблюстителя), как вошедшим в блок с антихристом, зазорно и для вечного спасения... Синод им созван из так называемых подмоченных или ссученных епископов. Назначение епископов происходит с ведома и одобрения начальника Московского отдела № 6».

«Может ли православный христианин исполнять все без исключения законы и постановления нынешнего безбожного правительства, когда большая половина их направлена к подрыву святой веры и ущербу церкви, а Христос зовет на подвиг, борьбу, страда-

ния, крест и небо... Нельзя, оставаясь православным христианином, по приглашению Сергея в то же время радоваться безбожным радостям Советской власти и печалиться вместе с ними о неудачах по искоренению православной веры и церкви... Истинно православный христианин никогда не согласится быть членом лживой Советской церкви»;

«Церковь признает бытие духовного начала, коммунизм его отрицает. Церковь верит в живого Бога, творца мира, руководителя его жизни и судьбы – коммунизм не допускает его существования... Церковь проповедует любовь и милосердие, а коммунизм – товарищество и беспощадность борьбы. Церковь внушает верующим возвышающие человека смирение, а коммунизм – уничтожает его гордостью. Церковь охраняет плотскую чистоту и святость плодonoшения, а коммунизм – не видит в брачных отношениях ничего, кроме удовлетворения инстинктов... Коммунизм смотрит на религию как на опиум, опьяняющий народы и расслабляющий их энергию, как на источник их бедствия и нищеты. Церковь хочет процветания религии, коммунизм – ее уничтожения.

Из всех религий, испытывающих на себе всю тяжесть испытаний и стеснений, в наиболее стесненном положении находится Православная Церковь, к которой принадлежит огромное большинство русского населения, составляющее подавляющее большинство в государстве.

Православная Церковь не может по примеру обновленцев засвидетельствовать, что религия в пределах СССР не подвергается никаким стеснениям, и что нет другой страны, в которой она пользовалась бы столь большой свободой. Она <не> скажет вслух миру этой позорной лжи, которая может быть внушена только или лицемерием, или цинизмом, или полным равнодушием к судьбам религии, заслуживающим безграничного осуждения в ее служителях.

Когда революция проявила себя исключительно со стороны разрушительной, когда все общественные силы находились в состоянии борьбы, всюду действовали группы подозрительных лиц, выдававших себя за агентов правительства, а в действительности оказавшихся самозванцами с преступным прошлым и еще более преступным настоящим. Они убивали епископов и священнослужителей, ни в чем неповинных, врывались в дома и больницы, убивали там людей, расхищали имущество, ограбляли храмы и затем бесследно скрывались.

Епископы и священнослужители, в таком большом количестве страждущие в ссылке, тюрьмах или на принудительных работах, под-

вергались этим репрессиям не по судебным приговорам, а в административном порядке, без точно сформулированного обвинения, без правильного расследования дела, без гласного судебного процесса, без предоставления им возможности защиты, часто даже без объяснения причины, что является бесспорным доказательством отсутствия серьезного обвинительного материала против них.

Православная Церковь считает сыск и политический донос совершенно недопустимым с достоинством пастыря. Государство располагает специальными органами наблюдения, а члены Церкви, ее клир и миряне ничем не отличаются в глазах современного правительства от прочих граждан и потому подлежат политическому надзору в общем порядке. Из этих принципов вытекает недопустимость суда по обвинению в политических преступлениях».

Антисоветская агитация, устройство собраний и совещаний

Однако члены группы, не ограничиваясь распространением к.-р. документов, т. к. систематически проводили свои собрания; обсуждали политические вопросы; активно вели среди крестьян антисоветскую агитацию – против кооперации, колхозного строительства и хлебозаготовок. Распространяли провокационные слухи о появлении на земле антихриста, кончине мира, войне, свержении Советской власти и расправе над колхозниками.

(сл. д., л. 37, 38, 40 об., 30, 20, 21, 23, 25, 26).

Группа оказывала большое влияние на отсталую часть бедняков и середняков, которые заявляли: «Лучше умрем, а в колхоз не пойдем». Часть колхозников, поддавшись их влиянию, вышла из колхоза.

(сл. д., л. 23, 26, 38, 40 и 21).

Обвиняемый ФЕДОРОВСКИЙ Н.П. показал:

«Изредка в землянках были свои совещания, где обсуждали вопросы, касающиеся нашей организации и другие. Среди членов организации были такие суждения: "Не надо выбирать патенты для продажи свечей в церкви. В теперешних школах детей не обучают, а только развращают. Колхозы строятся без бога, а потому для верующих неприемлемы. Налоговые обложения и хлебные задания для крестьян тяжелы и непосильны. Раскулачиванию люди подвергаются несправедливо". Это относится ко всем членам нашей организации, т. к. это говорили все» (сл. д., л. 86 об.).

Обвиняемый РУЧИН И.М. показал:

«У нас в организации, как в лесу, так и в дер. Копанках, в доме священника ФЕДОРОВСКОГО были свои совещания в виде бесед, на которых председатели не выбирались, протоколов не писали, а этими совещаниями больше руководил ФЕДОРОВСКИЙ и частично я. Обсуждали больше вопросы религиозного характера. Но, кроме того, говорили о колхозах. Я говорил, что в колхоз идти не могу, как священник. Плохо то, что в школах не преподают закон Божий, говорили и о других политических вопросах. В этих совещаниях принимали участие все члены нашей организации».

(сл. д., л. 94).

Обвиняемый КОРОЛЕВ И.О. показал:

«Изредка у нас были свои беседы, где обсуждали вопросы: из географии, по сельскому хозяйству и религиозные, говорили о том, что теперь крестьянам живется тяжело, велики налоги; плохо то, что в школах не преподают закон Божий; колхозы строятся без Божьего благословения, а поэтому это дело для христиан не приемлемо. Касались целого ряда других вопросов, относящихся к тяжелой жизни крестьян» (сл. д., л. 115).

Обвиняемый СЕРЖЕВ Ф.И.:

«Во время наших бесед обсуждали больше вопросы, как раньше – в старину скрывались христиане от преследований власти. Как мучили людей язычники за "истинное православие" и т. д.» (сл. д., л. 119).

Обвиняемый ПРИЛИПИН А.Е.:

«Среди членов нелегального монастыря были такие суждения: что в теперешнее время христианам надо удаляться в леса, как раньше в старину удалялись от преследований христиане. Колхозы строятся без божьего благословения, а поэтому идти туда грешно. Читали жития "святых"»

(сл. д., л. 126 об.).

При обыске в землянках изъят разбор декларации митр. Сергия, зафиксированный в виде протокола. Приводятся тоже выдержки из него:

Разбор посланий митр. Сергия Нижегородского

- Послание митр. Сергия № 1 (текст) «Патриарх Тихон во все время своей жизни никогда и нигде не выражал подобного желания, напротив, он изрек осуждение и анафемствование на учение социалистов и на всех, кто его держится.
- пункт 2 (текст) Правда перед своей кончиной "святейший" Тихон будто бы написал завещание, в котором выражал такое мнение и желание, но всему завещанию отнюдь нельзя доверять, т. к. в нем нет ни единого слова о снятии наложенной на социалистов анафемы... В газетах после кончины патриарха это завещание было напечатано с факсимиле подписи патриарха, из которой видно, что подпись была сделана с напряжением последних сил, и даже последние буквы не выписаны, а вместо них кривая черта. Легко можно предположить, что умирающему патриарху была подана не та бумага, которую он желал... Тихон сам всегда был противником безбожно-кошунственной власти, да и мог ли он относиться к ней иначе – первосвяtitель Православной Русской Церкви».
- пункт 3 (текст) «Митр. Сергий, указывая на убийства, взрывы и т.д. и называя их подпольной борьбой зарубежных врагов, приписывает их представителям нашей Церкви, находящимся в настоящее время за границей, но он это делает голословно, не приводя к тому никаких доказательств. А почему же все это должно исходить от наших заграничных иерархов, ведь Советская власть имеет повсюду врагов. Власть Советская пользуется конечно каждым подобным случаем как оружием против своего непобедимого врага – Церкви Христовой».
- пункт 4 (текст) «"Святые" апостолы, отправляясь на проповедь Евангелия, не спрашивали на то распоряжения у языческой Римской власти, считавшей эту проповедь противогосударственной, но смело шли делать свое дело, не боясь никаких преследований,

мучений и смерти, так же поступали и их преемники "святые отцы"».

пункт 5
(текст)

«Нельзя по слову Спасителя одновременно работать двум господам и угодить обоим. Если наше отечество есть царство Христово, то мы ни в каком случае не можем быть гражданами Советской России, издевающейся над нашими верованиями, отнимающей у нас наши "святыни", развращающей наших детей. Мы не можем по приглашению Сергия радоваться ее радостям, т. е. тому, когда она отнимает у нас наши храмы, "чудотворные" иконы, "святые мощи", подвергает заключению в тюрьмы и ссылкам борцов за православие, мы также не можем печалиться вместе с ними, видя их десятилетнюю малоуспешную пропаганду и другие их неудачи».

пункт 6
(текст)

«Мы готовы платить налоги и исполнять требования властей, не противоречащие нашей вере, но ни в коем случае не уступим ни черты, ни ноты из Христова учения».

пункт 7
(текст)

«Советская власть с первых же дней своего правления заявила себя врагом Христовой Церкви, отнимая у нее права, "святыни", имущество и всячески притесняя. При таких обстоятельствах, если бы Церковь того и хотела, не могло быть и речи о лояльных отношениях. "Святейший" патриарх Тихон никогда сего не искал, а напротив, выступил с обличением и анафемствованием, как уже было говорено, и приглашал верующих сплотиться против нового врага»

(д. в. д. 74 по 79).

Убежище для кулаков и укрытие их имущества

Церковное подполье (лесной монастырь) служило хорошим местом для убежища осужденных и подлежащих высылке по суду кулаков, странников и всякого рода а/с элемента. Там же укрывалось и ку-

лацкое имущество в большом количестве: до 4500 кг зерна и разных продуктов, 15 бутылок вина, 1 ящик восковых свечей и разной одежды и белья на сумму 3802 рубля.

(сл. д., 19, 29, 25 и 26).

Обвиняемый ПРИЛИПИН А.Е., кулак-лишенец, осужденный Нарсудом к высылке из пределов Нижкрая на 3 года, показал:

«В 1930 году на меня наложили твердые задания по хлебозаготовкам, льносемени, мясу и картофелю, всех этих заданий выполнить я был не в состоянии, а поэтому решил скрыться в лес, в нелегальный монастырь и жил там, пока меня не задержали с другими вместе» (сл. д., л. 126).

Обвиняемый АЛЕБАШИН В.Г. показал:

«Мне жена сказала, что нас сегодня хотят отправить в ссылку. После этих слов я стал собираться и уехал в лес, а своей сестре сказал, чтобы она узнала поподробнее о нашей высылке, если это наврали, то чтобы она передала мне и я вернусь обратно» (сл. д., л. 130 об.).

Обвиняемый ФЕДОРОВСКИЙ Н.П.:

«В наших землянках с конца марта 1931 г. скрывалось кулацкое имущество – Смирнова П. А. и др.» (сл. д., л. 87).

По тому же вопросу приводим содержание характерного рекомендательного письма, изъятого при обыске в нелегальном монастыре:

«Посылаю к Вам того раба божия Федора, о котором я говорил Вам.

Прошу приютить слепца, иначе можете потерять его. "Антихрист" грядет быстрыми шагами и вот-вот достигнет нас спящими. Бодрствуйте, молитесь и трудитесь, чтобы избежать его козней.

Сей раб божий Федор разделит с Вами весь труд, который необходим для "святого" дела. Что предпринято Вами? Примите его и доверьтесь ему. Известный Вам Алексей ИВАНОВ» (сл. д., л. 286).

О к а з а н и е п о м о щ и в ы с л а н н ы м ц е р к о в н и к а м

Руководители к.-р. группы поддерживали связь с Соловками и оказывали ссыльному духовенству помощь, о чем свидетельствует изъятый при обыске подписной лист по сбору денег для еп. Виктора.

ПОДПИСНОЙ ЛИСТ

в пользу Преосвященного Владыки Виктора еп. Ижевского,
находящегося в Соловках

№№ пп.	И м я и ф а м и л и я	Руб.	коп.	Отметка
1	Анисия Андреевна	–	50	
2	ЖЕЛУДИНА Анастасия Ивановна	1	–	
3	СУРОВИКОВА Иван Михайлович РУЧИН и т. д. ВСЕГО в списке значится 18 чел. (сл. д., л. 247)	2	–	

Кроме того, обвиняемый ФЕДОРОВСКИЙ показал:

«Из духовенства, находящегося в Соловках, оказывали материальную помощь еп. Виктору, первый раз послали ему 12 рублей, а второй раз 18 рублей. Получили от него за это благодарность. Сбор производили в добровольном порядке по подписному листу» (сл. д., л. 87 об.).

Х р а н е н и е о р у ж и я

При обыске в лесных землянках обнаружено: одна винтовка системы "ГРА", два охотничьих ружья, пороху около 11 кг и капсюлей 1½ коробки (сл. д., л. 11, 3 об.).

Обвиняемый МОЛОТОВ И.С., бывший владелец винтовки, дал следующее неясное показание:

«Обнаруженная винтовка системы "ГРА" осталась у меня после смерти отца. Откуда он ее взял, не знаю. Охотничьи ружья – одно принадлежит мне, а другое – КОСТРОВУ Михаилу, 16 лет. Я принес туда оружие в целях охоты. Винтовку же боялся оставить дома, могли ее обнаружить и привлечь меня к ответственности, а в лесу ее хотел спрятать в землю, но не успел» (сл. д., л. 143).

Конспирация и связисты группы

К.-р. группа, переходя в подполье, всячески стремилась себя конспирировать, укрывшись в чаще глухого леса, в трудно доступном месте, в 20 км от ближайшего населенного пункта в пяти замаскированных землянках. Церковное и другое имущество перевозилось туда по ночам, причем, были приняты все меры предосторожности.

Для связи с епископом Нектарием и др. антисоветским элементом группа имела своих специальных связистов в лице монашки СЕРЖЕВОЙ-НОВОСЕЛОВОЙ А.А., РУЧИНА И.М. и КОРОЛЕВА И.О.

Переписка членов группы носила условный характер и не имела подписей. К.-р. листовки и воззвания хранились в особых потайных местах (на чердаке и в сундуках), как это видно из протоколов обысков у обвиняемых.

(сл. д., л. 147, 148).

По этому поводу приводим показания обвиняемых. Обвиняемый ФЕДОРОВСКИЙ Н. П. показал:

«В июне месяце 1930 г. на одном из своих совещаний, где присутствовали РУЧИН И.М., РЕДЬКИН Ф.И., КОРОЛЕВ И.О. решили тайно перевести нашу церковь в лес, в малодоступное место; устроить там землянки, оборудовать небольшую церковь и жилые помещения, куда должны скрыться и члены нашей организации. Поручили найти это место РУЧКИНУ, КОРОЛЕВУ, с ними ходил и СЕРЖЕВ Ф.И. Они нашли подходящее место в глухом лесу, далеко от всяких жилых построек. Они же устроили там 5 землянок, выкопали их совершенно на новом месте, где никто никогда не жил. В августе месяце 1930 г. в эти землянки тайно ночью перевезли все церковное имущество, возил его на своей лошади КОРОЛЕВ И.О. В одной из землянок оборудовали церковь.

Роль связистов нашей организации выполняли: РУЧИН И.М., КОРОЛЕВ И.О. и СЕРЖЕВА А.А., через которых поддерживались связи с епископом, пересылалась переписка и прочее, они же занимались переписыванием контрреволюционных воззваний, обращений и листовок».

(сл. д., л. 85, 87 об. и 4).

Обвиняемый КОРОЛЕВ И.О. показал:

«На одном из совещаний мы решили нашу религию сохранить в "истинно-православном виде", с одной стороны, и, с другой, скрыться от переживаемого в данное время смутного состояния, скрыться в такие места, чтобы нас никто не обнаружил, с этой целью и переехали тайно в лес.

В 1928 г. нашей общиной вначале руководил еп. Виктор, а затем еп. Нектарий, к которому летом 1930 года я лично ездил с целью перенести церковь из дер. Копанки в лес, на что он дал нам свое согласие и одобрил наши действия. После этого я, СЕРЖЕВ, РУЧИН и др. выкопали в лесу далеко от жилых построек 5-6 землянок, куда ночью в июле месяце перевезли церковное имущество, в одной из землянок оборудовали церковь. Перевез и я туда свое имущество, и в разное время сюда же скрылись и члены нашей организации».

(сл. д., л. 14 об., 15).

С в я з ь с р у к о в о д и т е л е м
л и к в и д и р о в а н н о й ц е р к о в н о - м о н а р х и ч е с к о й
о р г а н и з а ц и и Б А Ш М А К О В Ы М Г. А.

В процессе расследования так же выяснилось, что разыскивается в данное время один из руководителей "церковно-монархической организации", ликвидированной в Арзамасском и др. районах Нижняя БАШМАКОВ Георгий Александрович (бывший офицер), лично посещал активных членов группы и поддерживал с ними переписку. В своих письмах БАШМАКОВ пишет:

«Я имею возможность еще раз обойти "святыни" – места, где столько русских "святых" молилось, плакало, сокрушалось не только о себе, но и о России, о русском народе и его судьбах. Тяжела сейчас жизнь в Москве. Более чем тяжела, скорбна она, даже страшна.

Как страшно слышать от Вас, что у Вас, в Ваших краях так интересуются и так горячо принимают к сердцу дела церковные. Обо всем этом пишите мне. Жду с нетерпением письма. Пишите по адресу: Владимирская губ., ул. Ленина, д. № 31, Павлу Михайловичу для Георгия... Разрушение великое, но водичка идет себе, да идет... Ничто ее не оставит, и все также чудотворна, если не более».

(сл. д., л. 282–285).

П р и в л е ч е н н ы е к о т в е т с т в е н н о с т и в к а ч е с т в е
о б в и н я е м ы х:

1. ФЕЛОРОВСКИЙ Н.П., 2. РУЧИН И.М., 3. СЕРЖЕВАНОВОСЕЛОВА А.А., 4. ПРИЛИПИН А.Е., 5. КОРОЛЕВ И.О., 6. АЛЕБАШИН В.Г., 7. СЕРЖЕВ Ф.И., 8. КОРОЛЕВ И.О., 9. РЕДЬКИН Ф.И., 10. СЕКИН И.К., 11. МОЛОТОВ И.С., 12. РЕТИН Е.В., 13. ЕМЕЛЬЯНОВ А.П. и 14. КУЗНЕЦОВ В.Т. в предъявленном им обвинении по ст. ст. 58-10 и 58-11 виновными себя признали полностью и дали соответ-

ствующие показания.

(сл. д., л. 79, 91, 99, 114, 118, 121, 125, 129, 133, 136, 139, 142, 152, 164).

На основании вышеизложенного:

1. ФЕДОРОВСКИЙ Николай Порфирьевич,
2. РУЧИН Иван Михайлович,
3. СЕРЖЕВА-НОВОСЕЛОВА Анна Александровна,
4. КОРОЛЕВ Иван Осипович,
5. РЕДЬКИН Федор Иванович,
6. СЕРЖЕВ Федор Иванович,
7. ПРИЛИПИН Андрей Ефимович,
8. АЛЕБАШИН Василий Григорьевич,
9. КОРОЛЕВ Осип Васильевич,
10. СЕКИН Иван Ксенофонович,
11. РЕТИН Егор Васильевич,
12. МОЛОТОВ Иван Сергеевич,

обвиняются в том, что состояли членами к.-р. группы церковников из "истинно-православных христиан", оборудовали нелегальную церковь-монастырь в дер. Копанках, а летом 1930 года перенесли ее в глухое место леса и сами скрылись туда на постоянное жительство.

На протяжении последних лет систематически проводили свои нелегальные собрания и совещания, обсуждали политические вопросы, прорабатывали разные воззвания, обращения и листовки. Размножали их в массовом количестве и распространяли среди верующих. Вели активную а/с пропаганду, используя религиозные предрассудки. Укрывали срывающихся от преследования власти кулаков и их имущество, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 УК.

13. БАЛЫБЕРДИН Андрей Макарович,

обвиняется в том, что, проживая в дер. Малое Зверево, будучи Председателем церковного совета в селе Роженцове, поддерживал связь с членами контрреволюционной группы "истинно-православных христиан", группировал вокруг себя фанатично настроенных верующих, проводил с ними беседы, обсуждал разные воззвания и обращения епископов контрреволюционного содержания. Размножал их, хранил у себя в большом количестве и распространял среди верующих, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-10, ч. 2 и 58-11 УК.

14. КУЗЬМИЧЕВ Василий Тимофеевич,

обвиняется в том, что, проживая в своей деревне, поддерживал

связь с членами к.-р. группы "истинно-православных христиан", группировал вокруг себя фанатично настроенных верующих, проводил с ними беседы, обсуждал воззвания и обращения епископов контрреволюционного содержания. Размножал их, хранил у себя в большом количестве и распространял их среди верующих, т.е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-10 и 58-11 УК.

15. ЕМЕЛЬЯНОВ Александр Николаевич,
обвиняется в том, что хранил у себя в большом количестве разные воззвания, обращения и послания епископов контрреволюционного содержания и распространял их среди верующих, поддерживал связь с членами к.-р. группы церковников "истинно-православных христиан", знал об их нелегальной церкви и уходе в подполье (в лес) <...>

Уполномоченный 3 Отд. СПО (КОНОНОВ)

Зам. Начальника 3 Отд. СПО ПП ОГПУ
по Нижкраю (КУРАКИН)

Из истории гонений Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви Конец 1920-х – начало 1970-х годов: [Электронный ресурс] // Мемориал: международное историко-просветительское правозащитное и благотворительное общество [сайт]. 1993. URL: http://www.histor-ipt-kt.org/index_1.html (21.01.2015)

**Работы победителей I конкурса
молодых историков-краеведов памяти Ю.Г. Галая**

**ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ
НА ТЕРРИТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

М.С. Сычева

Первые группы пленных вражеских солдат начали прибывать в Нижегородскую губернию с самого начала войны. Уже 18 августа 1914 года «Нижегородский листок» описывал партию военнопленных, которая состояла «из 99 человек, в числе которых один австрийский офицер, 25 австрийский и остальные – германские солдаты». Их появление вызвало огромный интерес нижегородцев. Посмотреть на пленных собрались многочисленные посетители Нижегородской ярмарки и жители Канавино [3, с. 2]. В конце августа 1914 года в губернию были доставлены взятые в плен в сражении под Львовом австриец Франц Адалиц и чех Игнац Воточек.

Так как Нижний Новгород был пунктом временного размещения, то чаще всего военнопленных либо отправляли в близко расположенные уезды, либо отправляли дальше на восток. В 1914 году большинство иностранных военнопленных отправляли за Урал, в Сибирь. Транзитные военнопленные в Нижнем Новгороде могли находиться от 2 до 5 дней. Заболевшие в пути, раненые отправлялись в госпитали. Кроме Нижнего Новгорода партия военнопленных в 1914 году оказалась и в других городах губернии: в Балахне, Лукоянове, Починках и др. Самым близко расположенным к Нижнему Новгороду был город Балахна, именно туда отправляли на временное расположение вновь прибывавших пленных. В августе 1914 года в города Лукоянов и Починки поступило 660 пленных. В распоряжении органов Сергачской земской уездной управы с середины весны до осени 1916 года находилось 766 человек [5, л. 5–6], а к началу 1917 года – 598 пленных [5, л. 3 об]. Всего в Нижегородской губернии на 14 апреля 1918 года было 14 441 иностранных военнопленных.

Еще одним пунктом для размещения военнопленных было село Богородское. Здесь разместили пленных, взятых преимущественно в Галиции. Среди прибывших сюда в 1915 году чехи Карл Черногубий и Йозеф Коваржик, румыны Ян Сохаг и Василий Иваницкий, серб Милевой Маринков, поляк Лоренц Бонг.

На каждого военнопленного по прибытии оформлялась карта военнопленного, где указывались основные сведения о военнопленном: возраст, национальная принадлежность, вероисповедание, место жительства. Обычно указывалось и место пленения. Так в карте военнопленного № 328952 младшего унтер-офицера 52 полка австрийской армии Карла Клицтера были указаны и возраст (37 лет), и год рождения – 1881 год. До мобилизации этот австрийский подданный, чех по национальности, жил в Праге, а в плен попал в 1916 году под Бугачем [6, л. 1 об].

Информация о национальном составе хоть и была основной, но фиксировалась не всегда. При анализе сохранившихся списков военнопленных удалось выяснить, что основную массу составляли подданные Австро-Венгрии, составлявшие 96% от общего числа взятых в плен. Кроме упомянутых выше австрийцев, чехов, поляков, румын, сербов в списках военнопленных упоминаются итальянцы – Антон Феррари и Джузепе Зангели.

В пределах Нижегородской губернии военнопленные находились в ведении уездных воинских начальников. Эти должностные лица заведовали призывом офицеров и низших чинов на действительную службу, распределением запасных низших чинов по частям войск, наблюдали за эвакуированными больными и ранеными, а так же за содержанием военнопленных. Именно они должны были отслеживать движение военнопленных, которые согласно указу Николая II при перемещении по стране объединялись в группы по 20–30 человек во главе со старшим группы из офицерского состава, имевшем при себе именной список «сотоварищей». До места будущего проживания «вражеские» военнопленные сопровождалась конвоем, который по прибытии местные власти заменяли сторожами или чинами полиции. В Нижнем Новгороде все падало на плечи нижегородского уездного воинского начальника, должность которого в 1913–1917 годах занимал генерал-майор Сергей Павлович Асеев.

7 (20) октября 1914 года Николаем II было утверждено положение «О военнопленных», которое устанавливало, что с иностранными военнопленными «как законными защитниками своего отечества, подлежит обращаться человеколюбиво» [4].

Пленные размещались в частных имениях, где часто сами строили себе жилье, в казармах, в Нижегородском патронате № 3 или в одном из двух крупных лагерей: «Старый замок» и лагерь военнопленных на ярмарке. В лагерных помещениях было достаточно тепло, были вода и освещение, но такие условия были не везде. Иногда военнопленные находились в грязных, холодных бараках, где требовался ре-

монт помещений. Бывало, что одежда не соответствовала времени года, была рваной и поношенной. Вещи и обмундирование пленным полагалось менять ежемесячно, но порой выяснялось, что одежды не хватало. Самыми востребованными из вещей были рубахи, подштанники, рейтузы, портянки, лапти, полотенца и постельное белье. Из-за наступления холодов необходимость теплых вещей увеличивалась.

Интересы Германии в России в 1914–1916 гг. представляли США. С 1915 года на территории Нижегородской губернии действовал Американский благотворительный комитет, председателем которого был А.П. Мельников. Среди делегатов американского консульства был Артур Рудд [10, л. 7]. Контролем за содержанием военнопленных австро-венгров в Нижнем Новгороде с 1915 года занимался Владислав Мартан – специальный делегат австро-венгерской армии [8, л. 16].

В соответствии с официальным распоряжением русских властей «способ довольствия» военнопленных был единым по всей стране – наравне с нижними чинами русской армии. Пленные солдаты питались из общего котла. В 1917 году, когда обострились продовольственные проблемы, нижегородские власти не все время могли обеспечивать такое питание военнопленным. Сохранилось меню на неделю для военнопленных. Оно включает в себя суп на обед, макароны или кашу на ужин. Ежедневно рацион должен состоять из мяса, овощей, молока, яиц, но основным продуктом оставались картофель и макароны [7, л. 206 – 206 об.]

Условия содержания военнопленных не были едиными и однообразными для всех пленных. Эти условия различались для офицеров и солдат, по национальному признаку, а также зависели от местных особенностей той территории, где военнопленные содержались или работали.

Офицеры на территории Нижнего Новгорода были размещены в лагере военнопленных «Старый замок» и в здании суворовского училища. Им разрешались прогулки по городу, ведение переписки с родными. Но, тем не менее, существовали определенные ограничения. Так, заведующему военнопленными, прапорщику Кузнецову, было предписано, чтобы впредь на прогулку по городу офицеров выводили по очереди, каждый раз не более двух человек в сопровождении унтер-офицера и только на один час. Район для прогулок был строго ограничен, а посещение территории ярмарки строго воспрещено.

Офицерам, находившимся в особой ситуации, просто платили жалование в сумме 50 рублей. Самое большое жалование получал генерал Кусманек, оно составляло 202 рубля 50 копеек. Наряду с этим десятки тысяч рядовых были вынуждены зарабатывать эти деньги са-

мостоятельно. С 1915 года пленных в европейской части страны начинают использовать для выполнения различных тыловых и сельскохозяйственных работ. А в 1916 году потребность в труде военнопленных настолько возросла, что их поток за Урал сократился и стали осуществляться переводы пленных в европейскую часть страны, в том числе и в Нижегородскую губернию.

В марте 1915 года Совет министров утвердил правила «Об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», а в мае 1915 года был опубликован высочайший указ «О порядке предоставления военнопленных для использования их на казенных и общественных работах» [2]. Промышленные предприятия, земские и губернские органы самоуправления теперь могли «заказывать» для выполнения работ военнопленных, находившихся в ведении воинских начальников. Например, 24 октября 1915 года в распоряжение Нижегородской городской управы было передано 30 человек, часть которых была направлена на работу в пекарню при Народном доме в Нижнем Новгороде [9, л. 1 – 2 об.].

Что касается возрастного состава военнопленных, то основную массу составляли лица мужского пола в возрасте от 20 до 35 лет. В некоторых случаях могли приходиться запросы о возможном размещении в частном имении на работах военнопленного и его семьи, при условии, что все они будут выполнять определенные задачи [1, с. 259].

Команды военнопленных в годы первой мировой войны работали на Сормовском заводе, на территории Нижегородского завода взрывчатых веществ. Использовался труд военнопленных в Воздвиженском, Юркинском, Кузьминском, Красноярском, Ивановском, Михайловском лесничестве, при постройке детской колонии, на лесопильном заводе Сперанского. В Ардатовском уезде труд военнопленных использовался на Ташинском чугунно-плавильном заводе и на Князь-Ивановском железодельном заводе. Здесь пленные работали не только на производстве, а еще занимались уборкой территории около завода и дорог от снега и грязи. В Васильсурском уезде 30 военнопленных работали на фабрике Сорокина в деревне Турбанка. Кроме того, иностранные пленные работали на складах, лесных дачах и железных дорогах, в том числе при станции Растьяпино.

Трудились они и в поместьях. Особый недостаток в рабочих руках испытывали помещики Васильского уезда. Уезд прилегал к реке. Расценка работ на волжских пристанях в связи с мобилизацией мужского населения была повышена настолько, что конкурировать с нею частному землевладельцу было непосильно. Кризис в нехватке рабочих рук стал заметен уже весной 1915 года и на очередь был поставлен во-

прос о применении труда военнопленных на сельскохозяйственных и полевых работах. При приеме на работу преимущество отдавалось лицам славянского происхождения [11, л. 31].

В соответствии с правилами, предприятия могли из средств заработанных военнопленными покрывать расходы на их содержание и платить им премиальные, а остальные деньги пленным выдавались на руки. За невыполнение работ военнопленных подвергали денежным штрафам, вплоть до лишения заработной платы и пребывания под стражей у местных полицейских властей. Продолжительность рабочего дня военнопленных была такой же, как и для русских рабочих на этом предприятии.

Предоставление военнопленных для казенных и общественных работ, работы на железной дороге осуществлялось на основании правил, утвержденных Советом Министров 16 сентября 1914 года и 10 октября 1914 года. Допускался отпуск вне района театра войны: на работы в частные предприятия горной, горнозаводской и фабрично-заводской промышленности. На эти работы военнопленные отпускались партиями не менее 25 человек для каждого предприятия. Это было сделано для того, чтобы число военнопленных не превышало 15 % общего числа рабочих на данном предприятии. Желающие получить для работ военнопленных подавали заявление фабричным инспекторам, окружным инженерам или соответствующим должностным лицам [12, л. 4].

Военнопленные работали в самых различных отраслях. 27 января 1917 года на химическом заводе Нижегородского губернского земства находились на работах 138 военнопленных. Около 10 человек было на Перекопском заводе, фабрике Сорокина и Рыжанской пустоши [13, л. 291].

Условия предоставления военнопленных были обусловлены правилами, опубликованными в Сборнике узаконений о привлечении находящихся в России военнопленных на работы. Военнопленные могли быть привлечены к разным казенным и общественным работам сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Эти работы не должны быть изнурительными [13, л. 261].

Запросившее военнопленных на работы предприятие обязано было предоставить иностранным военнопленным помещение, обеспечить их продовольствием, снабдить одеждой, обувью, постельным бельем и необходимыми инструментами для работы.

Работавших на предприятиях военнопленных, должны были охранять местная полиция и специальные сторожа, которые нанимались владельцами предприятий, но это требование часто нарушалось.

На Ташинском заводе в феврале 1915 года был снят караул с помещений, в которых жили расквартированные пленные. Ранее в обязанности караула входило ежедневное посещение комнаты военнопленных [14, л. 19]. Оставшись без контроля, военнопленные стали ходить в гости к заведующему рудником Ташину и к местному крестьянину А.М. Соловьеву [14, л. 15]. Часто компанию военнопленных видели на квартире у приказчика заводской лавки Ивана Федорова [14, л. 15]. В донесении подполковника Неклюдова сообщалось, что «перед праздником Светлой Пасхи пленные Чуть, Чейк и прапорщик Бэнэш ходили в деревню Голодаевку Краснослободского уезда за яйцами без разрешения офицерского состава» [14, л. 15].

В том же Ардатовском уезде военнопленный Дельфин Тенок стал встречаться с дочерью бывшего рабочего Ташинского завода Сендюкова – Фаиной, в данном случае наказанию была подвергнута семья Сендюкова, которой запретили проживать в пределах Балахнинского, Горбатовского, Ардатовского и Нижегородского уездов [15, л. 1 – 1 об.].

На апрель 1918 года на фабриках и заводах губернии трудились 989 военнопленных, из них 556 на предприятиях Ардатовского уезда, 174 – Нижнего Новгорода и Нижегородского уезда, 96 – Балахнинского и 89 – Семеновского уездов [16, л. 1 – 1 об.].

Основная часть иностранных военнопленных в Нижегородской губернии (примерно 69 % от общей численности) была занята на сельскохозяйственных работах. После массовой мобилизации тысяч трудоспособных крестьян в крайне тяжелом положении оказались многие имения губернии. Именно они стали основными «заказчиками» военнопленных в 1915 году. В экономиях Васильского уезда уже в апреле этого года были размещены десятки пленных: 20 человек в имении Ф.М. Ушакова (сельцо Тришкино), 15 пленных в имении баронессы Стюарт в с. Чугуны, 16 – в имении Н.С. Толмачева, по десять военнопленных в экономиях князей Мустафина и Оболенского, землевладельцев А.А. Демидова, Жадовских. В рапорте Васильского уездного исправника упоминались селения, Ключищи, Качалово, Федоровка и другие, где работали по 2–5 человек. [17, л. 65]

Самое активное время для работ и найма военнопленных для полевых работ был период с апреля по ноябрь. Из главной конторы князей Оболенских 28 января 1915 года было принято прошение о том, «что желательно было иметь в имении князей Оболенских вышеуказанных рабочих на лето 1915 года, если они не слишком дороги, т.е. не дороже 12 рублей в месяц, на экономических харчах и не моложе 20 лет и не старше 40 лет, физически здоровые и работоспособные и если

могут приступить к работе с 1 апреля по 1 ноября 1916 года». Имение было готово принять около 50 человек, но так как таких прошений было огромное количество, заявка была удовлетворена только частично [11, л. 27]. В основном, пленные были заняты на полевых работах в сельскохозяйственный сезон, но часть пленных работала в экономиях и зимой. Кроме работы на полях военнопленные ухаживали за скотом, занималась огородничеством и садоводством. Помещик Васильского уезда В.А. Инсарский в 1915 году просил направить ему двух пленных садоводов для работы в его питомнике [17, л. 72].

Распределением военнопленных между хозяйствами в уездах в 1915–1916 годах занимались уездные земские управы, именно они устанавливали размер заработной платы пленным. В Сергачском уезде, в котором в 1916 году находилось около 770 пленных, размер месячной платы зависел от того, кто обеспечивал содержание пленного: если пленные были «на земском обмундировании», то плата должна была составлять до апреля 1916 года – 9 рублей, с осени 1916 года – 10–50, находящимся «на хозяйском обмундировании» в 1916 году полагалось платить в зависимости от сезона от 3,5 до пяти рублей, в 1917 году – 3,5–4-х рублей. Самому военнопленному в 1916 – 1917 годах выдавалось только 3 рубля, остальные средства шли в земскую управу, чтобы компенсировать земские расходы на питание, одежду, содержание казарм и охрану пленных [5, л. 3–10].

В 1917 году количество рабочих рук в нижегородской деревне значительно уменьшилось. Землевладелица Княгининского уезда М.А. Башкирова писала, что «работников здесь почти нет. Есть мальчики, которые просят от 300 до 500 рублей за лето. Прибавив к оной плате за прокорм и содержание лошадей, конечно, мы не выдержим» [18, л. 24]. В подобной ситуации спрос на труд военнопленных в сельском хозяйстве еще более возрос, и земские управы стали ограничивать численность пленных, направляемых в частные хозяйства. Княгининская уездная управа постановила оставить только по одному пленному на 100 десятин в хозяйствах землевладельцев [18, л. 26].

Весной 1918 года больше всего военнопленных, занятых сельскохозяйственными работами, трудилось в хозяйствах Нижегородского уезда – 655, Лукояновского – 509, Сергачского – 323 и Арзамасского – 274 [16, л. 5].

В годы войны в губернии были востребованы пленно-специалисты различных профессий. Огромен спрос был на специалистов-сапожников. Сапожники-кустари губернии производили около 30 000 пар обуви в месяц для нужд армии и нуждались в дополнительных рабочих руках. 22 апреля 1915 года в Балахнинскую уездную зем-

скую управу было подано прошение балахнинского мещанина П.Я. Дворникова о разрешении военнопленным производить в мастерской кожаную обувь. За работу эту он обещал хорошее вознаграждение. В Нижегородском уезде в апреле 1915 года сапожным ремеслом занимались 23 военнопленных, а в Лукояновском уезде – 12 [19, л. 16].

Весной 1918 года, уже после заключения мирного договора с Германией и ее союзниками, 8 034 иностранных военнопленных продолжали работать на территории Нижегородской губернии. Кроме промышленных предприятий и сельскохозяйственных работ, они были заняты на земельных работах, служили матросами, мельниками, пекарями, кузнецами.

Далеко не все военнопленные хотели работать, в 1916 году военнопленные на Обуховском хуторе, управляющим которого был К.И. Маслов, отказались работать, требуя улучшения качества питания и содержания [20, л. 4]. За агитацию к прекращению работ был арестован австрийский подданный Франциск Халупка.

Одной из форм протеста против тяжелых условий содержания и работы, недостаточного питания были побегі военнопленных. 30 января 1916 года заведующий хлебопекарней Тряпкин заявил приставу Рождественской части о побеге пленного австрийца Леопольда Геллера. Позднее беглый военнопленный был задержан крестьянами в деревне Береговые Новинки [9, л. 1 – 2 об.] Из казармы акционерного общества «Нижегородский теплоход» (близ села Бор) бежал чех Методей Крауп, который был найден спустя несколько дней в пьяном виде [9, л. 11].

В августе 1916 года при отправке в Нижнем Новгороде партии военнопленных в количестве 37 человек, двое из них Губерт Франц и Мейер Янош в селе Воскресенском незадолго до прибытия парохода ушли за провизией и не успели сесть на пароход. Оба военнопленных считались беглецами. Один из военнопленных Янош нашелся 1 сентября 1916 года в урочище Перекоп в пределах Васильского уезда Нижегородской губернии, второго бежавшего найти не удалось [21, л. 33, 38].

После подписания 3 марта 1918 года Брест-Литовского мирного договора советским правительством была сформирована Центральная коллегия о пленных и беженцах [19, л. 47–50], которая должна была заниматься организацией отправки военнопленных на родину. В Нижнем Новгороде в соответствии с декретом СНК РСФСР от 23 апреля 1918 года была создана Нижегородская губернская коллегия по делам пленных и беженцев (Губпленбеж). В ее состав были включены Петр Михайлович Лайпнек, в начале июля

ставший председателем коллегии, а также Кросовский и Каганович. В июле – августе 1918 года были созданы коллегии по делам пленных во всех 12 уездах губернии [19, л. 47–50].

Коллегия занималась большим кругом вопросов, касающихся учета военнопленных и их перемещения по территории всей губернии, вещевым снабжением и выплатами денежных довольствий, назначение на работы и наблюдением за правильной оплатой труда, а так же коллегией велось наблюдение за приемом и отправкой военнопленных, за деятельностью местных эвакуационных и распределительных пунктов. Конкретно военнопленными занимался отдел по работе с пленными и регистрационно-статистический отдел. Губпленбеж до 1922 года занимался отправкой иностранных военнопленных на родину.

После принятия мира, все военнопленные в короткие сроки должны были быть сняты с работ и направлены в ближайшие места распределения для возвращения на родину. С 1918 года отправление пленных на родину шло через переправочный пункт Орша. На полпути между Нижним Новгородом и Казанью (г. Васильсурск) находился обсервационный пункт, где совершались пересадки пленных и беженцев в различных направлениях и там же эшелоны проходили осмотр [22, л. 17 – 17 об.]. В пределах Нижегородской губернии для транзитных эшелонов крупным переправочным пунктом была станция Арзамас [22, л. 17 – 17 об.], а с 15 января 1919 года открыты пункты для возвращения на родину в с. Кстово и с. Безводном [23, л. 8].

Основная эвакуация военнопленных шла железнодорожным транспортом. Для отправки больных заказывали специальные санитарные поезда. Всем выдавались пайки. Вместе с иностранными военнопленными на родину возвращались и гражданские пленные. К числу таких пленных относился немец Иоганич Оттонович Кронвальд, проживавший в городе Васильсурске и занимавшийся фармацевтикой. Вместе с ним на родину отправились и члены его семьи жена Августа и три дочери: Эльза, Ярда и Отта [8, л. 64].

Первые поезда с военнопленными начали отправляться на родину через несколько месяцев после образования Коллегии. Для организации отправки пленных в первую очередь необходимы было составить точные списки всех пленных. В 1918–1920 годах коллегия собирала сведения о пленных погибших в плену, заболевших, устанавливала места их захоронения [8, л. 64].

Были зафиксированы случаи нежелания уезжать на родину. В Нижегородской губернии было несколько таких случаев. В 1920 году было принято заявление от военнопленного германской армии Андрея Тимофеевича Космея, который в Нижний Новгород прибыл из Минска

в июле 1918 года и содержался в лагере «Старый замок». Он писал, что «на родину ехать не желает и остается в России» [24, л. 14]. Такое же заявление о переходе в русское подданство поступило от Роберта Францовича Цагашека [24, л. 16].

В 1918–1920 годы на родину была отправлена основная масса военнопленных. Однако еще весной 1921 года на территории Нижегородской губернии оставалось 152 военнопленных.

Источники и литература

1. *Еремин Е.А.* Военнопленные первой мировой в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2007. № 1.
2. *Муртузалиева Л.Ф.* Положение военнопленных на Урале в годы Первой мировой войны // [Электронный ресурс] // Путь в Сибирь: [сайт]. – [М], 2005. Режим доступа: www.ikz.ru/siberianway.
3. Нижегородский листок. 1914. 18 августа.
4. Собрание узаконений и распоряжений правительства. 16 октября 1914 г. № 281. Ст. 2568.
5. Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 1882. Оп. 2. Д. 10.
6. ЦАНО. Ф. 43. Оп. 250 а. Д. 558.
7. ЦАНО. Ф. 1968. Оп. 1. Д. 20.
8. ЦАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 8.
9. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2637.
10. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1897.
11. ЦАНО. Ф. 46. Оп. 243. Д. 209.
12. ЦАНО. Ф. 432. Оп. 297. Д. 250.
13. ЦАНО. Ф. 46. Оп. 243. Д. 280.
14. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2094.
15. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2761.
16. ЦАНО. Ф. 35. Оп. 1. Д. 27.
17. ЦАНО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 270.
18. ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1. Д. 42.
19. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2248.
20. ЦАНО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3126.
21. ЦАНО. Ф. 338. Оп. 1. Д. 472.
22. ЦАНО. Ф. 35. Оп. 2. Д. 32.
23. ЦАНО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 75.
24. ЦАНО. Ф. 35. Оп. 3. Д. 12.

Наши юбиляры

АЛЬБЕРТИНА ВАСИЛЬЕВНА КЕССЕЛЬ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Л.И. Шиян

Мы проходим по улицам Нижнего Новгорода и невольно обращаем внимание на дома с мемориальными досками. Мемориальные доски напоминают, что здесь когда-то жили, работали, ходили по улицам удивительные люди, щедро наделенные талантами, оставившие нам книги, картины, изобретения, или совершившие беспримерный подвиг.

Вряд ли нижегородец или гость города при встрече с памятником или мемориальной доской задумывается над тем, чьими усилиями создаются эти уникальные знаки памяти. А ведь это большая поисковая, исследовательская работа, сбор различных документов, включая грамотно составленные письма от общественных организаций и учреждений, обсуждение проекта в разных чиновных инстанциях. Далее согласование с архитекторами и скульпторами, составление текстов.

Альбертина Васильевна Кессель посвятила жизнь, без малого полвека, этому многотрудному и благородному делу – осуществлению в нашем городе памятных проектов. А в краеведение она пришла случайно. Но об этом по порядку. Следует отметить, что для уточнения некоторых деталей ее биографии я воспользовалась статьей Романа Костина «На страже исторической памяти», опубликованной в сборнике «Очерки истории нижегородской науки и техники» (Нижний Новгород, 2012, с. 113–117).

Родилась Альбертина Васильевна 6 марта 1925 года в городке Тейково Ивановской области в семье инженера-строителя Василия Данилова. С 1928 года семья жила в Растяпино – ныне Дзержинске, с 1933-го – в г. Горьком, где отец участвовал в строительстве заметных в городе зданий, таких как кинотеатр «Рекорд», тренировочный комплекс стадиона «Динамо». Мама ее, Мария Васильевна Рябикова работала в библиотеке, носившей имя Рочдельских пионеров, что немало способствовало формированию в Але Даниловой хорошего литературного вкуса и большой эрудированности.

Училась она в разных школах города, но одну я хочу назвать – начальная школа им. Ушинского, которая в 30-е годы прошлого столетия существовала на ул. Ильинской, 68 б. Кстати, дом находится на муниципальной охране – здесь в разное время жили механик-

конструктор В.И. Калашников, писатель А.М. Горький, революционеры М.П. Сажин, В.Н. Фигнер. Позднее тут располагались Дом пионеров Куйбышевского района и детская библиотека им. М. Горького. Сейчас здесь Дом детского творчества Нижегородского района.

В 1945 году Аля окончила учительские курсы при Горьковском педагогическом институте, несколько месяцев проработала в службе военной цензуры. После выхода замуж за офицера Аркадия Зиновьевича Кесселя ездила с ним по гарнизонам Восточной Германии и Украины. Родились дети: Сергей, ставший почетным полярником, участником и руководителем многих морских, дрейфующих и высокоширотных экспедиций, и Ксения, к сожалению скончавшаяся в начале 2015 года, которая внесла большой вклад в развитие нашего города. С 1993 года занимала пост главного специалиста мастерской генеральных планов по экономике градостроительства «Нижегородгражданнипроект», стала лауреатом премии Нижнего Новгорода в области градостроительства (1999).

В 1955 году семья Кессель переехала в Горький. Занимаясь воспитанием детей, Альбертина Васильевна только в 1965 году поступила на работу в НИИ радиосвязи, но ненадолго. Дружеские отношения с соседом по коммунальной квартире, которым оказался известный краевед, литературовед, профессор педагогического института Серафим Андреевич Орлов, помогли ей найти наиболее достойное для появления ее творческих сил место – ответственного секретаря Горьковского отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. Здесь она проработала с 1967 по 1974 год. Председателем общества в то время являлся известный историк профессор В.П. Фадеев. Это был период активной работы всех его подразделений. Ключевые секции возглавляли профессионалы-краеведы: архитектурную С.Л. Агафонов, историческую И.А. Кирьянов. Масштабы работы впечатляют: смотры памятников, конференции, помощь музеям, мемориализация имен выдающихся деятелей и т. д., и это наряду с действиями по выявлению, учету, ремонту памятников.

Углубляясь в поисково-исследовательскую работу, Альбертина Васильевна росла как личность и как специалист. На ней лежала основная нагрузка в организации деятельности общества. Заседания проходили в Домике Петра I на Почаинской улице, который был восстановлен по проекту выдающегося нижегородского архитектора Святослава Леонидовича Агафонова. Усилиями Альбертины Васильевны общество, широкий круг краеведов, вовлеченных в орбиту его деятельности, многое делали для выявления памятников, их реставрации и пропаганды знаний о них.

Был совершенно естественен переход Альбертины Васильевны в управление культуры администрации г. Горького на должность главного специалиста по охране памятников истории и культуры, где она прослужила с 1974 по 1999 год. Но нельзя назвать службой по-настоящему подвижнический труд во имя спасения существующих и создания новых памятных знаков.

Из нижегородского энциклопедического справочника «Кто есть кто в Нижегородской области» (Вып. 2, 2002 г.) мы узнаем, что она является инициатором установки и автором текстов к более четырех десятков мемориальных досок в нашем городе. Вспоминая о своих первых памятных проектах, она называет горельефную композицию В.И. Ленину и нижегородским марксистам (на углу Большой и Малой Покровской), где ей пришлось самой позировать для создания образа одной из сестер Невзоровых. Вместе со скульптором Л.Ф. Кулаковой Альбертине Васильевне пришлось ездить в Ленинград для заключения договора об изготовлении с заводом «Монументскульптура». На одно она сетует – горельеф забыт и далеко не в самом лучшем состоянии.

Памятна ей и работа над увековечением памяти четы Анненковых в Нижнем Новгороде, чему предшествовала большая поисковая деятельность – определялся дом, где жила эта семья. бронзовая мемориальная доска на нем была открыта 3 июня 1994 года.

А.В. Кессель вспоминает, что с трудом нашла скульптора для мемориальной доски на здание на пересечении улиц Большой Печерской и Семашко, где с 1840 по 1859 год жил известный писатель В.И. Даль. Им стал потомок клана известных нижегородских предпринимателей Александр Рукавишников.

Много сил она потратила на подготовительную работу к открытию мемориальной доски А.С. Пушкину. Не только как чиновник городского управления культуры, но и как член Нижегородского отделения Всероссийского пушкинского общества она долго собирала материал о пребывании поэта в нашем городе, участвовала в создании Пушкинского музея, в котором отметила свое 80-летие.

Поставив целью восстанавливать у нижегородцев историческую память о знаменательных местах города, А.В. Кессель использует любые трибуны, чтобы высказаться о насущных проблемах охраны его исторической среды.

Недавно ей было присвоено звание почетного члена общества «Нижегородский краевед», с которым она связана с самого начала его действия. Базой общения энтузиастов-исследователей края являются краеведческие чтения, начало которым положено 7 октября 1960 года.

Первое выступление Альбертины Васильевны на чтениях, посвященное М.А. Балакиреву, состоялось в 1971 году. И вот уже более 40 лет она использует кафедру чтений для того, чтобы привлечь внимание к наиболее острым проблемам охраны памятников. Обаятельная внешность, эмоциональная речь всегда заинтересовывают участников заседаний.

Начиная с 1969 года в средства массовой информации А.В. Кессель опубликовала более 300 статей, а одна из ее первых публикаций «У Коромысловой башни памятный знак» появилась в «Горьковском рабочем» 21 сентября 1971 года под псевдонимом А. Васильева.

Особого внимания заслуживают две книги, которые являются результатом очень большого творческого труда и стали заметными в истории краеведения. Это справочник «Памятники истории и культуры Горьковской области» (Горький, 1987), где воссоздана широкая и многообразная (в рамках времени издания) картина памятников культуры края. А.В. Кессель была его составителем и автором предисловия – большой обзорной статьи, вызвавшей много положительных отзывов.

Настоящим событием в краеведческой среде был выход в свет и книги «Нижний Новгород: историческое и культурное наследие» (Нижний Новгород, 2013), заслужившей читательское признание и Премию Нижнего Новгорода за 2013 год. Создавалась она Альбертиной Васильевной много лет, помог ей в работе известный краевед Б.С. Извеков. Это превосходное справочное издание о наиболее ценных недвижимых памятниках нашего города, которые должны охраняться государством. В их составе нашло отражение историко-культурное своеобразие Нижнего Новгорода. Это самый полный на сегодняшний день свод недвижимых объектов культурного наследия на территории Нижнего Новгорода.

Но названная книга не итог деятельности неутомной Альбертины Васильевны. К своему юбилею она подходит с неослабевающим интересом к жизни и желанием сделать еще многое, «наследить» в истории побольше.

Заклчить свой дифирамб юбиляру я хочу практически ее словами. Воспоминания о своем друге – талантливом нижегородском поэте Ю.А. Адрианове она начинает высказыванием В.И. Даля: «Нужно иметь право сказать: Я люблю отчизну свою и принес ей должную мной крупицу по силам».

Кессель сочла эти слова жизненным принципом ее любимого поэта. Я же не ошибусь, если скажу, что это и жизненное кредо самой Альбертины Васильевны. Она считает, что и сейчас еще может принести «должную ей крупицу по силам».

Здоровья ей и удачи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агарин Ефим Владимирович, аспирант Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Альбов Владимир Юрьевич, к.и.н., краевед

Балькина Мария Игоревна, аспирантка Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Боченков Виктор Вячеславович, к.ф.н., заведующий архивом Митрополии Московской Русской Православной Старообрядческой Церкви

Варенцова Лариса Юрьевна, к.и.н., доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД

Горностаева Ирина Геннадьевна, зав. отделом краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки, действительный член общества «Нижегородский краевед»

Иванова Татьяна Юрьевна, студентка Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Казарина Нина Игоревна, старший научный сотрудник отдела фондов Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника

Кудрина Людмила Евгеньевна, главный библиограф информационно-библиографического отдела Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки, действительный член общества «Нижегородский краевед», секретарь краеведческих чтений

Ледров Сергей Михайлович, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Филиала Московского университета им. С.Ю. Витте в г. Нижнем Новгороде

Петряев Сергей Владимирович, зам. директора по научной работе НИП «Этнос»

Селезнев Федор Александрович, д.и.н., профессор, зав. Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Смирнов Станислав Александрович, действительный член Историко-родословного общества в Москве

Сочнев Юрий Вячеславович, к.и.н., доцент кафедры теории и истории права и государства Нижегородского филиала Национального исследовательского университета Высшая школа экономики

Сычева Мария Сергеевна, студентка Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Шиян Людмила Ивановна, ведущий библиограф отдела краеведческой литературы Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки, действительный член общества «Нижегородский краевед»

Приложения

НОВЫЕ КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ 2012–2015 гг.

Акварель времени Николая Величко : [к 80-летию со дня рождения Н. П. Величко: альбом] / авт. вступ. ст. Л. И. Помыткина ; сост. В. Н. Величко. – Нижний Новгород: [Бегемот], 2012. – 71 с.

Акимова, Т.И. Густав Васильевич Тринклер. Изобретатель и его эпоха: монография / Т.И. Акимова. – Нижний Новгород: НГТУ, 2013. – 171 с.

Альбов, В.Ю. Мобилизация автотранспорта в Нижегородской губернии, в начале Первой Мировой войны / В. Ю. Альбов. – Нижний Новгород: [Принт-Центр], 2014. – 25 с.

Андрюшин, И.А. «Слойка» Сахарова. Путь гения / И. А. Андрюшин. – 2-е изд., испр. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2013. – 203 с.

Андрюшин, И.А. Юлий Борисович Харитон: страницы творческой биографии / И.А. Андрюшин, Р.И. Илькаев, А.К. Чернышев. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2014. – 283 с.

Андрюшин, И.А. Яков Борисович Зельдович в атомном проекте: к 100-летию со дня рождения / И.А. Андрюшин, Р.И. Илькаев, А.К. Чернышев. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2014. – 150 с.

Арзамас: иллюстрированный каталог памятников истории и культуры – Нижний Новгород: Кварц, 2013. – 528 с.

Арзамасская сторона : альманах / гл. ред. Е.П. Титков. – Арзамас: АГПИ, 2013. – Вып. 7: [События, связанные с походом Ивана Грозного на Казань в 1552 году и основанием Арзамаса]. – 596 с. : ил.

Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения: материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. – Арзамас: АГПИ, 2012. – 394 с.

ARS: исследования нижегор. искусствоведов / отв. ред. А. Н. Донин. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. – Вып. 1. – 109 с.

ARS: исследования нижегор. искусствоведов / отв. ред. А. Н. Донин. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. – Вып. 2. – 183 с.

Балахнинской десятины жилые данные церкви и пустовые церковные земли 1716 (1628) – 1746 гг.. – Репр. изд. 1903 г. – Нижний Новгород: НИЭЛ, 2012. – [2], 92, IV с.

Баукин, А.А. Новинская деревянная игрушка / Александр Баукин. – Нижний Новгород: Кварц, 2014. – 71 с.

Бежин, Л.Е. Дивеево. Русская земля обетованная / Леонид Бежин. – Москва: Алгоритм, 2014. – 335 с.

Белов, С.Б. Патриотизм 1916 года. «Внешний» анализ. «Мининские дни» в Нижнем Новгороде на фоне кризиса и военного развития / С.Б. Белов. – Нижний Новгород: ВГАВТ, 2014. – 143 с.

Белоусов, А.В. По реке Ветлуге / авт. А. В. Белоусов, Н. В. Морохин. – Нижний Новгород: Литера, 2012. – 279 с.: фот.

Богуненко, Н.Н. Возвращение имени : [об ученом-физике К. И. Щелкине] / Н.Н. Богуненко. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2014. – 137 с.

Божие селение Богоявление. XVII–XXI столетия / В.А. Шекуров, Р.Х. Таболкина. – Арзамас: [Арзамас. тип.], 2014. – 316 с.

Болдинские чтения – 2013 / отв. ред. Н.М. Фортунатов. – Большое Болдино; Нижний Новгород: Бегемот, 2013. – 303 с.

Болдинские чтения – 2014 / отв. ред. Н.М. Фортунатов. – Большое Болдино: Бегемот, 2014. – 313 с.

Были и байки: народная поэзия Арзамасского края / сост.: Ю.А. Курдин, А.В. Пряников; науч. ред. С.Н. Пяткин. – Арзамас: Арзамасский фил. ННГУ, 2014. – 461 с.

«В единстве наша сила»: роль библиотек в воспитании гражданственности и патриотизма (400-летие Нижегородского ополчения, 200-летие победы в Отечественной войне 1812 г.): материалы науч.-практ. конф. работников общедоступных библиотек Нижегород. обл. – Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2013. – 95 с.

Виноградова, Т.П. Код Шухова : книга-альбом / Т.П. Виноградова, С.Н. Авдеев. – Нижний Новгород: Покровка, 7, 2013. – 143 с.

Волшебный замок Российской империи: [экскурсия по комплексу зданий Государственного банка в Нижнем Новгороде] / авт. текста Дина Коротаева. – Нижний Новгород: Литера, 2013. – 255 с.

Воспоминания о Юрии Адрианове / сост. Н.А. Адрианова. – Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, 2012. – 307 с.

Врач, ученый и человек: памяти академика РАН и РАМН Н.Н. Блохина / под ред. Б.Е. Шахова, В.В. Шкарина. – 2-е изд., доп. – Нижний Новгород: Изд-во НижГМА, 2013. – 227 с.

Галай, Ю.Г. Минин в памяти нижегородцев / Ю.Г. Галай. – Нижний Новгород: Книги, 2012. – 286 с. : ил.

Галай, Ю.Г. Нижегородская полиция в XVIII – начале XX века / Ю.Г. Галай, А.В. Беляков. – Нижний Новгород: НПА, 2012. – 247 с.

Галай, Ю.Г. Храня истории следы: сб. ст. / Ю.Г. Галай. – Нижний Новгород: Вознесенский Печерский мужской монастырь, 2014. – Т. 1. – 510 с.

Гладышев, А.Н. Товарищи, помните жизнь отстоявших!: страницы истории Волжской гос. академии водного транспорта / А.Н. Гла-

дышев, В.И. Любимов, М.И. Новоселов. – Нижний Новгород: ВГАВТ, 2012. – 303 с.

Голиков, В.С. Путешествие в детство: [воспоминания блокадника] / В.С. Голиков. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2013. – 235 с.

Голубин, Р.В. Нижний Новгород и Нижегородская губерния в годы Первой мировой войны, [1914-1918] / Р.В. Голубин, А.В. Морохин, Д.А. Николаев. – Нижний Новгород: [ЗУМ], 2014. – 183 с.

Голубчик, Г.Н. Нижегородское землячество: словарь / Г.Н. Голубчик. – Нижний Новгород: Книги, 2012. – 623 с.

Горбачев, В.Ю. Святыни Выксы: история и современность / В.Ю. Горбачев. – Выкса: Print House, 2013. – 94 с.

Гордеевцев, И.А. Золотой фонд Арзамасского района / И.А. Гордеевцев. – Изд. 2-е, доп. и уточн. – Нижний Новгород: Штрих-Н, 2014. – 499 с.

Городецкая роспись / авт.-сост.: Д.В. Сватковский, В.В. Казаков, В.В. Селезнев. – Городец: [б. и.], 2013. – 112 с.

Городецкий край в записках краеведов: вып. 1–2. – Городец: Растр-НН, 2014.

Городу Городцу в честь его 860-летия, 1152–2012. – Нижний Новгород: Центр оперативной печати, 2012. – 96 с.

Горьковская железная дорога: 150 лет движения вперед / Н.В. Морохин; фотограф А.В. Белоусов. – Нижний Новгород: Кузнецов Н.В., 2012. – 287 с.

Грамоты коллегии экономии по Арзамасскому, Балахнинскому и Нижегородскому уездам 1498-1613 гг. – Репр. воспр. изд. 1913 г. – Нижний Новгород: Мининское братство, 2012. – 124, IV с.

Грани раскола: старообрядчество: тайны и явь / В.А. Азарова и др. ; гл. ред. и сост. Я.И. Гройсман. – Нижний Новгород: Деком, 2014. – 215 с.

Грачев, М.А. «Несносно честный Даль» / М.А. Грачев. – Нижний Новгород: Книги, 2013. – 227 с.

Гребнев, Е.И. Святыня на площади великого воззвания (храм проповедника покаяния): посвящается 400-летию победы Нижегородского ополчения под предводительством Минина и Пожарского / Е.И. Гребнев. – Нижний Новгород: Кириллица, 2013. – 256 с.

Давыдов, А.И. Нижегородские дома-памятники = Nizhny Novgorod houses-landmarks / А.И. Давыдов, О.И. Наумова. – Нижний Новгород: Кварц, 2012. – 33 с.

Давыдов, А.И. Нижегородские храмы = Temples of Nizhny Novgorod / А.И. Давыдов. – Изд. 2-е, испр. – Нижний Новгород: Кварц, 2014. – 33 с.

Двенадцать сюжетов о нижегородской науке / авт.-сост. Б.В. Булюбаш. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. – 127 с.

Дворец детства: к 75-летию Дворца детского творчества имени В.П. Чкалова / авт.-сост. А.Е. Кострина. – Нижний Новгород: Кварц, 2012. – 176 с.

Дед Сказкин: сборник / сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. – Нижний Новгород: Книги, 2013. – 543 с.

Диалектный словарь Нижегородской области. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. – Вып. 1: А ба - Брячить. – 199 с.

Дмитриев, М.П. По Волге-реке. Волжская коллекция (1894-1903) / М.П. Дмитриев. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2013. – 199 с.

Добролюбова, Л.М. Церковная летопись Знаменской церкви села Бор Семеновского уезда Нижегородской губернии. Возвращение истории / Л.М. Добролюбова. – Бор: [б. и.], 2012. – 255 с.

Документы и переписка современников Отечественной войны 1812 года: дневники, письма, воспоминания. – Нижний Новгород: НО ИРИ, 2012. – 246 с.

Дудин Амвросиев во имя святителя Николая Чудотворца мужской монастырь / А.Н. Рябов. – Нижний Новгород: Нижегородская летопись, 2014. – 72 с.

Евреи в общественно-политической жизни Нижегородской губернии (1914–1920 гг.): документы и материалы / авт. В.П. Сапон. – Нижний Новгород: НГПУ, 2012. – 186 с.

Единение. Всероссийская художественная выставка 2012 г.: альбом-каталог / рук. проекта В.Н. Величко. – Нижний Новгород: [Бегемот], 2012. – 159 с.

Едранов, Е.А. На священной речке: [история села Чугуны Воротынского района] / Е.А. Едранов. – Нижний Новгород: БИКАР, 2013. – 251 с.

Емельянова, Т.И. Декоративная роспись по дереву. Золотая Хохлома / Т.И. Емельянова. – 2-е изд., перераб. – Москва: Интербук-бизнес, 2014. – 126 с.

Ефимов-Урак, А.П. Козьма Минин и князь Буртас: ист. очерки / А.П. Ефимов-Урак. – Чебоксары: Новое время, 2012. – 95 с.

Жарков. Легендарный директор легендарного завода: [к 75-летию генерального директора ОАО «Красное Сормово»] / ред. Г.А. Илескин; сост. Е.В. Николаичик. – Нижний Новгород: НП-Принт, 2012. – 147 с.

Жидов, И.Г. Очерки истории города Сарова. Последнее десятилетие XX века. История закона «О ЗАТО» / И.Г. Жидов. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2012. – 394 с.

Жизнеописания нижегородских подвижников благочестия. – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2015. – 335 с.

Жизнь провинции: материалы и исследования. – Нижний Новгород: Книги, 2012. – 295 с.

Жизнь провинции: материалы и исследования. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2013. – 319 с.

Жития святых, новомучеников и исповедников Земли Нижегородской. – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2015. – 638 с.

Завьялова, С.В. Крестьянское восстание в Поветлужье 1918 г. / С.В. Завьялова. – Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2014. – 217 с.

Зайкин, М.И. Путь в науку / М.И. Зайкин. – Арзамас: АГПИ, 2012. – 146 с.

Записки краеведов: очерки, воспоминания, статьи, хроника: [альманах, вып. 14] / сост. О.А. Рябов. – Нижний Новгород: Книги, 2013. – 359 с.

Зачатская башня Нижегородского кремля: история, археология, реставрация / И.О. Еремин; ред. И.С. Агафонова. – Нижний Новгород: Ультима, 2012. – 65 с.

Зоопарк без секретов: нижегородскому «Лимпопо» 10 лет / М. Лакомкина. – Нижний Новгород: Кварц, 2013. – 135 с.

Иван Рогов. Возвращение: стихотворения, письма; статьи, стихи, посвящ. И. Рогову / сост. В.И. Перевезенцев. – Нижний Новгород, Тольятти: [б. и.], 2013. – 196 с.

Илескин, Г.А. Земляки. Сестры Сусловы: к 170-летию со дня рождения Надежды Сусловой / Г.А. Илескин, Г.В. Осипов. – Нижний Новгород, Сосновское: [б. и.], 2013. – 74 с.

Имена нижегородской музыкальной истории : сб. статей. – Нижний Новгород: ННГК им. М.И. Глинки, 2014. – 199 с.

Инженерные шедевры России. – Нижний Новгород: Кварц, 2013. – 224 с.

Институт прикладной физики Российской академии наук: [к 35-летию образования]. – Нижний Новгород: ИПФ РАН, 2012. – 172 с.

История в лицах радиофизического факультета Нижегородского (Горьковского) государственного университета им. Н.И. Лобачевского: к 65-летию. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. – 386 с.

К 400-летию формирования нижегородского ополчения: материалы межрегион. науч.-практ. конф: в 2 ч.. – Нижний Новгород : НИРО, 2012.

Карпенко, В.Ф. Варнава Ветлужский / В.Ф. Карпенко. – Нижний Новгород: БИКАР, 2014. – 63 с.

Карпов, А.В. Кустарные промыслы Нижегородской губернии / А.В. Карпов. – Арзамас: АГПИ, 2012. – 379 с.

Карташова, М.В. Известные балахнинцы: биограф. справочник / М.В. Карташова. – Балахна: Вехи, 2012. – 62 с.

Квач, Н.В. Вернисажи / Н.В. Квач. – Нижний Новгород: Литера, 2012. – 295 с.

Китежский летописец / сост. Н.В. Морохин. – Нижний Новгород: Растр-НН, 2015. – 318 с.

Климова, Л.А. Что за прелесть эти улочки / Л.А. Климова. – Городец: [б. и.], 2012. – 88 с.

Книга деньгам оброчным Нижегородского уезда 1666 года. – Репр. изд. – Нижний Новгород: Мининское братство: Стимул-СТ, 2012. – 138 с.

Книга памяти нижегородцев – нижних чинов российской армии и флота, убитых, умерших, пропавших без вести в годы Первой мировой войны. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. – 375 с.

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин. Памяти русского историка: сб. ст. – Богородск: Вариант, 2014. – 271 с.

Корабли и люди: ОАО ЦКБ «Лазурит», 1953-2013: справочник / сост.: А.А. Постнов. – Нижний Новгород: ЦКБ «Лазурит», 2013. – 364 с.

Корина, И.С. Баковская основа: [фотоальбом] / И.С. Корина. – Нижний Новгород: Литера, 2013. – 119 с.

Коробейников, А.В. Волжская флотилия против Народной армии: [осень 1918 г.] / А.В. Коробейников. – Ижевск: Иднакар, 2012. – 97 с.

Косарев, В.А. Нижегородские этюды / В.А. Косарев. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2015. – 195 с.

Косарев, В.А. Остановившиеся мгновения истории / В.А. Косарев. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2013. – 223 с.

Косарев, В.А. Течет Ока мимо Дудина монастыря / В.А. Косарев. – Изд. 2-е, доп. – Нижний Новгород: Вариант, 2012. – 143 с.

Косарев, В.А. У пояса Богородицы / В.А. Косарев. – Нижний Новгород: Книги, 2013. – 462 с.

Краевед Березополя: историко-краевед. альманах. – Богородск: Вариант, 2013. – 139 с.

Крестьянская Голгофа: книга памяти жертв политических репрессий 1930–1950-х годов в Дивеевском районе Нижегородской области. – Дивеево: Арзамас. тип., 2013. – 287 с.

Кручинина, М.Ю. Православные храмы Нижегородского Заречья. История застройки и заселения Ленинского района / М.Ю. Кручинина, Е.Е. Кручинин. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2012. – 99 с.

Кстовский район = Kstovo district: фотоальбом. – Кстово: Тип. «НРЛ», 2012. – 25 с.

Кузнецов, Д.И. Бетанкур / Д.И. Кузнецов. – Москва: ВЕЧЕ, 2013. – 479 с.

Кулебаки. В краю родном. – Арзамас: Арзамас. тип., 2012. – 271 с.

Культурный слой: сборник науч. статей. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. – Вып. 2. – 218 с.

Курбакова, З.М. Саров – город Героев / З.М. Курбакова. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2013. – 95 с.

Лебедев, П.А. Крепостники и крепостные (по материалам Городецкого имения Орловых и Паниных конца XVIII – первой половины XIX в.) / П. А. Лебедев. – Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегород. обл., 2013. – 71 с.

Легенды и предания Волги-реки / сост. В.Н. Морохин. – 3-е изд. – Нижний Новгород: Книги, 2014. – 542 с.

Леднев, В.П. История России и Поветлужье / В.П. Леднев, Н.С. Ежов. – Екатеринбург: РГППУ, 2014. – 233 с.

Ледров, С.М. Родной земли седая старина. Территория Спаского района Нижегородской области в XVII веке: документы и исторический очерк / С.М. Ледров – Нижний Новгород: НФ ИБП, 2013. – 229 с.

Личность в науке. Н.В. Карякин (1940–2004) / авт.-сост. Н.А. Уткина. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. – 215 с.

Лозинский, С.Е. Конспект моего времени / С.Е. Лозинский. – Нижний Новгород: Кварц, 2013. – 303 с.

Лушин, А.Н. Нижегородское народное ополчение в Отечественной войне 1812 года и заграничном походе 1813–1814 годов / А.Н. Лушин. – Нижний Новгород: НА МВД России, 2014. – 83 с.

М. Горький и культура: Горьковские чтения – 2010. – Нижний Новгород: Бегемот, 2012. – 399 с.

Максим Дмитриев. 1858-1948: начало репортажной фотографии / сост. Т.Г. Сабурова. – Москва: Арт-Родник, 2012. – 95 с.

Мартьянов, В.Н. Волго-Камье в эпоху раннего железа / В.Н. Мартьянов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Арзамас: АГПИ, 2012. – 86 с.

Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича / подгот. Д.Н. Шилов. – СПб.: Дмит-

рий Буланин, 2012. – Т. 1: Губернии Астраханская, Вятская, Нижегородская, Самарская, Саратовская и Симбирская. – 1032 с.

Медведев, А.В. Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае (1895–1923) / А.В. Медведев, А.А. Слепченкова. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. – 255 с.

Мининские чтения: сб. науч. тр. по истории Смутного времени в России начала XVII в.: в память 400-летия Нижегород. подвига. – Нижний Новгород: Кварц, 2012. – 478 с.

Миронова, И.В. Вячеслав Жемерикин. 1942-2005: альбом-каталог / И.В. Миронова. – Нижний Новгород: Деком, 2012. – 99 с.

Морохин, Н.В. Наши реки, города и села / Николай Морохин, Алексей Арзамазов. – 2-е изд., испр. и доп. – Нижний Новгород: Книги, 2014. – 479 с.

Мотова, М.И. А.А. Андронов и зарождение кибернетики в Нижегородском университете / М.И. Мотова. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. – 79 с.

Мошков, Н.В. Нижегородская домовая резьба = Nizhny Novgorod house carving: загадки, поиски, находки / Н. Мошков, В. Федоров. – Нижний Новгород: Литера, 2014. – 295 с.

Мясникова, А. Н. Князь Г.А. Грузинский и его столица село Лысково / А.Н. Мясникова. – Нижний Новгород: Книги, 2013. – 191 с.

На пороге столетия: Нижегородскому государственному техническому университету им. Р.Е. Алексеева – 95 лет / под ред. С.М. Дмитриева. – Нижний Новгород: НГТУ, 2012. – 191 с.

Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века: материалы Всерос. науч. конф. – Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. – 233 с.

Народные русские песни Нижегородской губернии, собранные П. И. Пискаревым / подгот. К.Е. Корепова, В.Ф. Шевченко. – Москва: Звезда и Крест, 2014. – 150 с.

Наследие Рождественской стороны: сб. художеств. и публицист. произведений, науч. ст. и мемуаров, посвящ. уникальной территории Нижнего Новгорода / сост. А.А. Сериков. Вып. 1. – Нижний Новгород: Технопринт, 2012. – 343 с.

Наследие Рождественской стороны: сб. художеств. и публицист. произведений, науч. ст. и мемуаров, посвящ. уникальной территории Нижнего Новгорода / сост. А.А. Сериков. Вып. 2. – Нижний Новгород: Кириллица, 2013. – 400 с.

Наумова, О.И. 100 биографий домов Нижнего: каждый дом – своя судьба / О.Наумова. – 3-е изд., испр. и доп. – Нижний Новгород: Кварц, 2013. – 255 с.

Негин, А.Е. Шлем из Городца / А.Е. Негин. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. – 95 с.

Нежный Нижний = Gentle Nizhny Novgorod: десять прогулок по русскому городу: альбом / подгот. текста Л. Букарина, Е. Константинова; авт. А. Константинова. – Нижний Новгород: Литера, 2012. – 311 с.

Неизведанное Поволжье: уникальные памятники истории и культуры, неизведанные природные уголки, новые туристические маршруты ПФО. – Нижний Новгород: Pro Svet, 2013. – 95 с.

Неповторимый город мой...: старый Нижний в открытках Василия Бреева / сост. В.А. Косарев. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2013. – 143 с.

Нижегородская академия МВД России: годы, события, люди / гл. ред. А.Н. Конев. – Нижний Новгород: НА МВД России, 2012. – 495 с.

Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки, 1946-2011 / И.М. Храмова и др. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2013. – 208 с.

Нижегородская губерния в почтовых открытках / сост. В.А. Косарев. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2014. – 263 с.

Нижегородская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: сб. док. / сост. Е.Э. Лебедева, Д.С. Мочалов, Я.М. Хорошкин. – Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегород. обл., 2012. – 359 с.

Нижегородская фотография, 1843–1917 = Nizhny Novgorod Photography : город, люди, события / сост. Я. И. Гройсман. – Нижний Новгород: Деком, 2012. – 295 с.

Нижегородская сокровищница: к 100-летию комплекса зданий Государственного банка / авт. текста: А.П. Ефимкин и др. – Нижний Новгород: Кварц, 2013. – 158 с.

Нижегородские евреи в русской театральной культуре. – Нижний Новгород: Тип. «Оливер», 2012. – 204 с.

Нижегородские исследования по краеведению и археологии: сб. науч. и метод статей. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. – Вып. 13. – 281 с.

Нижегородские научные медицинские школы: история и современность. 90 лет НижГМА. – Нижний Новгород: Изд-во НижГМА, 2012. – 326 с.

Нижегородские паруса: 80-летию Нижегородской федерации парусного спорта посвящается. – Нижний Новгород: Кварц, 2014. – 335 с.

Нижегородский государственный художественный музей = Nizhny Novgorod state art museum: альбом / сост. Я.И. Гройсман, И.В. Миронова. – Нижний Новгород: Деком, 2013.

Т. 1: Русская и западноевропейская классика = Russian and West European Classics. – 143 с.

Т. 2: Серебряный век и авангард = Silver age and Avant-Garde. – 143 с.

Нижегородский край: вопросы истории промышленности и предпринимательства: материалы I науч. чтений кафедры истории России и краеведения. – Нижний Новгород: [б. и.], 2012. – 183 с.

Нижегородский край – наш общий дом: этнический состав Нижегородской области: материалы к библиографии / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина; сост.: И.Г. Горностаева и др. – Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2013. – 103 с.

Нижегородцы-горьковчане в годы Великой Отечественной войны: указ. лит. Вып. 3 / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина; сост. И.Г. Горностаева и др. – Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2015. – 148 с.

Нижегородцы и Великая война. 1914–1918: в горниле побед и поражений / сост. и ред. С.А. Смирнов. – Нижний Новгород: Тип. «Полвольжье», 2014. – 542 с.

Нижний Новгород = Nizhny Novgorod: альбом / авт. С.А. Горин, А.М. Гор, Е.С. Журавлева. – Нижний Новгород: Деком, 2012. – 115 с.

Нижний Новгород: путеводитель / сост. Я.И. Гройсман. – Изд. 5-е, доп. и испр. – Нижний Новгород: Деком, 2012. – 152 с.

Нижний Новгород и нижегородцы в старинных фотографиях = Nizhny Novgorod and the nizhegorodians in old photographs: фотоальбом / авт. О. Наумова, С. Пожарская. – Нижний Новгород: Кварц, 2012. – 215 с.

Нижний Новгород. Историко-культурный портрет / сост.: О.И. Наумова. – Нижний Новгород: Кварц, 2013. – 223 с.

Нижний Новгород. Историческое и культурное наследие / авт.-сост.: Б.С. Извеков, А.В. Кессель. – Нижний Новгород: Бегемот, 2013. – 382 с.

Опыт социального развития Нижегородской области в 40–80-е годы XX века / Г.Ш. Сагателян и др. – Нижний Новгород: НГТУ, 2013. – 386 с.

Орельская, О.В. Летопись истории Нижегородского отделения Союза архитекторов России (1933–2013): хроника событий / О.В. Орельская. – Нижний Новгород: Кварц, 2013. – 152 с.

«От Петра губернии берем начало...»: (становление Нижегородской губернии в документах первой четверти XVIII века). – Нижний Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2014. – 295 с.

Отечественная война 1812 года. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. / авт.-сост. Ф.Б. Дроздов, О.И. Казаринов, Р.В. Кауркин. – Нижний Новгород: НО ИРИ, 2012. – 137 с.

П.И. Мельников-Печерский. Жизнь и творчество: библиогр. указ. / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина; сост. Л.Е. Кудрина, Л.П. Селезнева. – Нижний Новгород: РИО НГОУНБ, 2013. – 224 с.

Панкратов, В.М. Во славу Отечества: исторические очерки / В.М. Панкратов. – Арзамас: Арзамас. тип., 2012. – 111 с.

Панкратов, В.М. Забытая война / В.М. Панкратов. – Арзамас: Арзамас. тип., 2014. – 119 с.

Панкратов, В.М. Из среды народников / В.М. Панкратов. – Арзамас: Арзамас. тип., 2013. – 72 с.

Первая мировая война. Взгляд из XXI века: Россия и Нижегородская губерния в 1914–1918 гг. / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2014. – 366 с.

Пешеланский гипсовый – завод будущего / Е.А. Комиссарова и др. – Нижний Новгород: Декор, 2013. – 207 с.

Писатель Кочин: воспоминания / сост. В.Е. Агапова. – Нижний Новгород: БИКАР, 2012. – 149 с.

Писцовая книга Арзамасского уезда 1621–1623 гг.: станы: Тешский, Ичалковский, Иржимский и Подлесный. – Репр. воспр. изд. 1915 г. – Нижний Новгород: Мининское братство, 2012. – 324 с.

Писцовая книга города Балахны, 1674–1676. – Репр. изд. – Нижний Новгород: Мининское братство, 2012. – 170 с.

По улицам родного города: альбом-справочник. – Нижний Новгород: Кварц, 2014. – 199 с.

Подрепный, Е.И. Нижегородский арсенал Великой Победы / Е.И. Подрепный. – Нижний Новгород, Арзамас: АГПИ, 2013. – 587 с.

Помыткина, Л.И. К. Маковский «Воззвание Минина» / Л.И. Помыткина. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. – 53 с.

Прогулки по Сарову: новейшая история, 2012–2013. – Изд. 3-е. – Саров: Тип. «Хром», 2013. – 186 с.

Проезжая через Нижний / сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. – Нижний Новгород: Книги, 2012. – 655 с.

«Роль и место библиотеки в духовном преобразовании общества»: из опыта работы духовно-просветительских центров муниципаль-

ных библиотек Нижегородской области / Нижегород. гос. обл. универс. науч. б-ка им. В.И. Ленина. – Нижний Новгород: [б. и.], 2013. – 67 с.

Романовы в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии: письма, дневники, воспоминания / авт.-сост. А.В. Морохин, Р.В. Голубин. – Нижний Новгород: ЗУМ, 2013. – 145 с.

Рыньков, В.В. Люди трудовой доблести: (о лучших людях Перевозского района Нижегородской области) / В.В. Рыньков, В.В. Рыньков. – Арзамас: Арзамас. тип., 2012. – 374 с.

Рябов, О.А. Четыре с лишним года: военный дневник / О.А. Рябов. – Москва: Астрель, 2012. – 319 с.

Рязанов, Л.А. Самородок с берегов Волги: докум. повесть о В.П. Чкалове / Л.А. Рязанов. – Нижний Новгород: Нижегород. правовая акад., 2014. – 139 с.

Савинов, А.С. Горбатов: к 235-летию города / А.С. Савинов. – Нижний Новгород: Дятловы горы, 2014. – 31 с.

Сапон, В.П. Опыт развития многопартийности в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны (дофевральский период): монография / В.П. Сапон. – Нижний Новгород: УРАО, 2014. – 135 с.

Святыни земли Нижегородской. Монастыри: материалы II регион. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. – 287 с.

Святыни земли Нижегородской. Памятники архитектуры на рубеже XIX–XX вв.: материалы III регион. науч.-практ. конф. – Нижний Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2014. – 175 с.

Сдобняков, В.В. В предчувствии Апокалипсиса: актуальные беседы на постсоветском пространстве / В.В. Сдобняков. – Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век: Родное пепелище, 2013. – 433 с.

Сдобняков, В.В. Душа живая: очерки обретений и расставаний / В.В. Сдобняков. – Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век: Родное пепелище, 2012. – 476 с.

Селезнев, Ф.А. История выборов в России с древнейших времен до конца XX в. (на примере Нижегородского края) / Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2012. – 104 с.

Селезнев, Ф.А. История Нижегородского края с древнейших времен до конца XVI в.: учеб. пособие / Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. – 198 с.

Селезнев, Ф.А. Нижегородцы и преодоление Смуты. 1606–1618 / Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. – 141 с.

Село Богородское в XVII веке: документы и исторический очерк / сост.: С.М. Ледров, В.Н. Беляева. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2014. – 90 с.

Село Работки. История села в очерках краеведов / сост. Ю. Кудрицкий. – Работки: [б. и.], 2012. – 102 с.

Сенюткина, О.Н. Мусульмане Среднего Поволжья в тисках репрессивной политики советской власти (на материалах Нижегородской и Самарской областей) / О.Н. Сенюткина, Ю.Н. Гусева. – Нижний Новгород; Москва: Медина, 2013. – 231 с.

Сергач: литературно-краеведческий альманах. – Нижний Новгород : Растр-НН, [2014]. – Вып. 2. — 540 с.

Славное прошлое нижегородской земли: книга для внеклассного чтения по истории Нижегородского края / сост. и науч. ред. Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2013. – 415 с.

Советский атомный проект: конец атомной монополии. Как это было... / Е.А. Негин, Л.П. Голеусова, Г.Д. Куличков. – 2-е изд., испр. и доп. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2012. – 214 с.

Соколов, А.Н. Великий князь Георгий Всеволодович Владимирский и Нижний Новгород: история города в свете его духовной связи с основателем / А.Н. Соколов. – Нижний Новгород: Кварц, 2013. – 799 с.

Сочнев, Ю.В. Очерки по истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края средневекового периода / Ю.В. Сочнев. – Нижний Новгород: НГПУ, 2012. – 108 с.

Старый Нижний в деталях = Old Nizhny in details: Нижний Новгород и нижегородцы в старинных фотографиях: фотоальбом / сост. И. Кузнецов, О. Наумова, С. Пожарская. – Нижний Новгород: Кварц, 2013. – 159 с.

Стоюхина, Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918-1921 гг.) / Н.Ю. Стоюхина. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. – 307 с.

Стрелков, Е.М. По Оке от Нижнего до Рязани: иллюстрированный путеводитель / Е.М. Стрелков. – Нижний Новгород: Дирижабль, 2013. – 63 с.

Судьба конструктора. Геннадий Александрович Соснин: к 90-летию / авт-сост.: Г.Г. Соснин, Н.Н. Богуненко. – Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2014. – 397 с.

Творцы и герои: источники и исследования по нижегородской истории / сост. О.С. Аржанова, А.А. Кузнецов, А.В. Морохин. – Нижний Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. – 255 с.

Творчество нижегородских художников во времени и пространстве: к 80-летию Нижегородского областного отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России». – Нижний Новгород: Литера, 2013. – 243 с.

Теплоходцы о времени и о себе: к 100-летию завода «Нижегородский Теплоход» / авт.-сост. Н.П. Польшин. – Бор: [б. и.], 2012. – 446 с.

Типология культуры (актуализация историко-культурного наследия в современной теории и практике): материалы международной научно-практической конференции: сб. – Нижний Новгород: НГИАМЗ, 2013. – 240 с.

Титков, Е.П. Первосвятытель Церкви мучеников. Жизнь, труды и подвиги Патриарха Московского и всея Руси Сергия (Страгородского) / Е.П. Титков. – Арзамас: АГПИ, 2012. – 722 с.

Тихон (Затекин, Н.И.). Древняя обитель: история Вознесен. Печерского муж. монастыря в жизнеописаниях его настоятелей: в 3 т. / Тихон (Затекин, Николай Иванович). – Нижний Новгород: Издательский отдел Нижегородской епархии, 2012-2015.

Толстой, Н.С. Заволжские очерки / Н. С. Толстой; сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. – Нижний Новгород: Книги, 2013. – 279 с.

Традиции образования и духовное становление личности: идеи Н.А. Добролюбова и выдающихся мыслителей XIX–XXI вв. и современность: сб. докл. XXXVII Междунар. науч. конф. «Добролюбовские чтения» и Всерос. науч.-практ. конф. «Семья как носитель и хранитель памяти, истории, традиций и культуры народа»; «Феномен городской усадьбы: история, традиции, современность». – Нижний Новгород: Гладкова О.В., 2013. – 448 с.

Угрюмов, В.А. Из истории Балахны / В.А. Угрюмов. – Нижний Новгород: БИКАР, 2012. – 155 с.

Фельдштейн, И.Б. По реке Оке: виртуальное путешествие / И.Б. Фельдштейн. – Нижний Новгород: Ареал, 2012. – 245 с.

Федоров, В.В. Бессменный флагман: докум. очерки (по архивным документам и редким фотографиям) / В.В. Федоров. – Нижний Новгород: Бегемот, 2013. – 143 с.

Федоров, В.В. Испытано Чкаловым: докум. очерки (по архивным документам и редким фотографиям) / В. Федоров, Л. Рязанов. – Нижний Новгород: Бегемот, 2013. – 143 с.

Федоров, В.В. Сказ о ложке и ложкарях / В. Федоров, Н. Мошков. – Нижний Новгород: Литера, 2014. – 106 с.

Филарета (Гажу, Т.М.). История Нижегородского Крестовоздвиженского женского монастыря / Игуменья Филарета (Гажу), Л. Ма-

цина. – Нижний Новгород: Крестовоздвиженский женский монастырь, 2014. – 536 с.

Фокин, Д.Н. Приволжье: большая книга по краеведению / Д.Н. Фокин. – Москва: ЭКСМО, 2012. – 239 с.

Фольклор Сосновского района Нижегородской области / сост. А.Н. Каракулов и др. – Нижний Новгород: Растр-НН, 2013. – 504 с.

Храмцовский, Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода / Н.И. Храмцовский. – 4-е изд. – Нижний Новгород: Книги, 2014. – 606 с.

Храповицкий, М.И. В стороне от суеты: нижегородские сельские храмы: фотоальбом / М.И. Храповицкий, Л.Я. Гройсман. – Нижний Новгород: Деком, 2012. – 407 с.

Цветков, В.Г. Родина Старцев: село Наруксово и три его православных подвижника / В.Г. Цветков. – Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, 2012. – 261 с.

Цветков, В.Г. Старая Мыза / В.Г. Цветков. – Нижний Новгород: Вертикаль. XXI век, 2013. – 303 с.

Цирульников, А.М. Время Чкалова / А.М. Цирульников, Л.Н. Капелюш. – Нижний Новгород: Кириллица, 2012. – 195 с.

Цирульников, А.М. На расстоянии рукопожатия: словесные портреты / А.М. Цирульников. – Нижний Новгород: Кириллица, 2013. – 298 с.

Чуянов, С.П. А Россия не простила / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: Музей ННГУ, 2012. – 99 с.

Чуянов, С.П. Ангел над Городцом: кн. о творчестве замечательного рус. художника Евгения Анатольевича Расторгуева / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: Родное пепелище, 2012. – 359 с.

Чуянов, С.П. Парад премьер: Нижегородский академический театр оперы и балета имени А.С. Пушкина / С.П. Чуянов. – Нижний Новгород: Кириллица, 2012. – 315 с.

Шамшурин, В.А. Начистоту о времени своем: публицистика, очерки, этюды / В.А. Шамшурин. – Нижний Новгород: Литера, 2012. – 287 с.

Шамшурин, В.А. Нижегородский почерк: литературные страницы / Валерий Шамшурин. – Нижний Новгород: Литера, 2013. – 350 с.

Шараев, В.Н. Волга. Путешествие от Москвы до Астрахани: путеводитель / В.Н. Шараев. – Саратов: Волга, 2014. – 274 с.

Шейкин, А.В. Очерки по истории Выксунского края / А.В. Шейкин. – Арзамас: Арзамас. тип., 2013. – 87 с.

Шемяков, Н.А. Местное время: [история Вознесенского района] / Николай Шемяков. – Арзамас: Арзамас. тип., 2014. – 380 с.

Шумилкин, С.М. Нижегородская ярмарка = The Nizhny Novgorod fair / С.М. Шумилкин. – Нижний Новгород: Кварц, 2014. – 199 с.

Энциклопедия Воскресенского района. – Нижний Новгород: Книги, 2014. – 335 с.

Эрстрем, Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород: воспоминания / Э.Г. Эрстрем. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2013. – 294 с.

Составила И.Г. Горностаева

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ 2012–2014 ГОДОВ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Л.Е. Кудрина

Период был насыщен знаменательными датами, связанными как с историей страны в целом, так и с историей Нижегородского края. Самые крупные даты – 400-летие народного ополчения и подвига Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, 300-летие со дня образования Нижегородской губернии, 200-летие Отечественной войны 1812 года, 100-летие со дня начала Первой мировой войны. Значительная часть докладов так или иначе была связана с этими юбилеями.

2 ноября 2012 года скончался председатель общества «Нижегородский краевед», доктор юридических наук, историк, публицист Ю.Г. Галай. День его кончины совпал со временем мининских торжеств. Огромен вклад Ю.Г. Галая и в подготовку этих торжеств, и в исследование темы мининского ополчения, лишь на поверхностный взгляд хорошо изученной и не содержащей «белых пятен». 31 октября 2012 года состоялось последнее выступление Ю.Г. Галая на краеведческих чтениях. Доклад назывался «Юбилейные поминки Кузьмы Минина в 1916 году – к 300-летию со дня кончины». Как всегда, выступление Юрия Григорьевича было блистательно, основное содержание дополнялось вводной информацией, позволяющей увидеть излагаемые факты и события в совокупности их связей с прочими реалиями эпохи.

Темой ополчения Минина и Пожарского были объединены все выступления, прозвучавшие на октябрьских чтениях 2012 года «Памяти великих патриотов Отечества К. Минина и Д. Пожарского (памятные знаки на Нижегородской земле)» – так назывался доклад замеча-

тельного краеведа А.В. Кессель. Она рассказала о предпринятой в XIX веке попытке установить в Нижнем Новгороде памятник Минину и Пожарскому. Как известно, знаменитое творение Мартоса осталось в Москве. В 2005 году уменьшенная копия этого памятника была установлена в Нижнем Новгороде перед храмом Иоанна Предтечи. О деятельности культурно-просветительской некоммерческой организации «Фонд Минина и Пожарского» рассказал руководитель фонда Г.В. Кузнецов.

Следующие, ноябрьские чтения были целиком посвящены памяти Ю.Г. Галая. Белый зал НГОУНБ не мог вместить всех, кто пришел почтить память Юрия Григорьевича. Значение и масштаб всего, что он сделал для нижегородского краеведения, по-настоящему еще только предстоит оценить. На заседании было принято решение провести осенью 2013 года краеведческую конференцию памяти Ю.Г. Галая, а также организовать посвященный ему конкурс краеведческих работ. (Все запланированные мероприятия в дальнейшем с успехом состоялись). Вечер памяти Ю.Г. Галая проходил под председательством доктора исторических наук, профессора ННГУ им. Н.И. Лобачевского Ф.А. Селезнева. Среди множества выступавших была и директор НГОУНБ Н.А. Кузнецова. Никто не предполагал, что совсем скоро, на мартовских чтениях 2013 года, собравшиеся будут вот также вспоминать Наталью Анатольевну. Многие годы она возглавляла Фонд культуры Нижегородской области. Краеведы вспоминали, сколь заинтересованным и продуктивным было ее участие в культурных проектах, в том числе – в деле сохранения архитектурного наследия и увековечении памяти А.С. Пушкина на Нижегородской земле.

В 2014 году исполнилось 300 лет со дня образования Нижегородской губернии. Эта тема освещалась и в плане характеристики исторических реалий, и при анализе конкретных проблем, связанных с администрированием. Наиболее цельно она представлена в докладе заведующей отделом публикации документов ЦАНО Е.Э. Ешан «Нижегородской губернии быть особо...» (архивные документы первой четверти XVIII в. о создании Нижегородской губернии)» (КЧ 26.02.2014).

С темой администрирования отчасти соприкасался и доклад аспиранта ННГУ им. Н.И. Лобачевского Л.В. Бариновой «Организация и проведение специального межевания в Нижегородской губернии» (КЧ 21.05.2014).

Не столь удаленной юбилейной дате – 100-летию начала Первой мировой войны было посвящено выступление студентки кафедры методологии и исторической информатики Института международных

отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского М.С. Сычевой «Иностранцы военнопленные в Нижнем Новгороде в годы Первой мировой войны» (КЧ 21.05. 2014). В ее докладе содержалось много детальных сведений, погружающих в фактуру той эпохи.

Предстоящему 70-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне была посвящена презентация книги «Детство, опаленное войной», которую представила заместитель директора ГОПАНО М.А. Марченко (КЧ 28.01.2014). Темы Великой Отечественной войны касаются и доклад аспиранта исторического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского П.Е. Огурцова «Судостроительная промышленность Горьковской области: испытание войной (1941–1945 гг.)» (КЧ 24.04.2014) и доклад эколога Д.Н. Левашова «Из истории производства химического оружия на территории Горьковской области (1936–1950-е гг.)» (КЧ 29.10. 2014). В докладе Д.Н. Левашова представлено много фактов, ранее относящихся к секретной информации. Засекреченными были не только сведения о назначении продукции, но и о профессиональных заболеваниях, которые влекла за собой работа на химических производствах.

Важное место в программе краеведческих чтений занимают сообщения, относящиеся к средневековому периоду истории нашего края. Сообщение Т.В. Гусевой «Загадка новой археологической находки в Нижнем Новгороде» (КЧ 20.12.2012) касалось археологических разысканий проходивших в самом центре города – на месте бывшей гостиницы «Москва». Известно, что гостиница была построена на территории городского кладбища, существовавшего вплоть до второй половины XVIII века. Находка, упоминающаяся в названии доклада Т.В. Гусевой – женский головной убор времен Ивана Грозного, который мог принадлежать лишь высокопоставленной особе. Как получилось, что она похоронена на кладбище для простолюдинов? Т.В. Гусева предложила участникам чтений выдвинуть свои версии.

С эпохой Нижегородского княжества связана тема доклада кандидата исторических наук, доцента кафедры конституционного и административного права НИУ Высшая школа экономики Ю.В. Сочнева «Архимандрития в общественно-политической жизни Нижнего Новгорода XIV века» (КЧ 18.12.2013). Формирование и развитие архимандритии в Нижнем Новгороде в первой половине XIV века связано с Печерским Вознесенским монастырем. Первым нижегородским архимандритом был выдающийся церковный и религиозный деятель, основатель монастыря Дионисий. Автор доклада обратил внимание на многочисленные источники, отражающие возникновение и развитие этого монастыря. Особенно заинтересованно был встречен аудиторией

дискуссионный по своей концепции доклад Ю.В. Сочнева «К изучению археологического объекта Городок и выяснение его исторической судьбы» (КЧ 24.12.2014).

Сообщения краеведа А.Н. Лушина также были посвящены малоисследованным, изобилующим мифами и неточностями темам – нижегородским народным ополчениям 1812 (КЧ 30.05.2012) и 1856 (КЧ от 24 09 2014) годов.

Участники чтений не обошли вниманием и новейший период нашей истории. Так, С.А. Смирнова в своем докладе рассмотрела численность, размещение, возрастно-половую структуру и национальный состав населения Нижегородской области (КЧ 28.11.2013), а доклад магистранта ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского И.А. Калмыкова назывался «Иван Силаев – последний премьер Советской России. Происхождение, юность, становление» (КЧ 24.01.2014). Молодой исследователь представил И.С. Силаева (уроженца Вознесенского района) как типичного представителя лучшей части руководящих кадров советской эпохи: раннее взросление, связанное с ответственностью за других членов семьи, способность ярко проявить себя с первых шагов трудовой деятельности, стремительный карьерный взлет. Пребывая на самых высоких постах, эти люди не утрачивали связи с реальностью. Напомним, что И.С. Силаев долгие годы занимал руководящие посты на авиационном заводе им. С. Орджоникидзе.

Истории архитектурных сооружений были посвящены доклады начальника отдела историко-культурных исследований НИП «Этнос», государственного эксперта МК РФ А.И. Давыдова «Судьба ансамбля деревянных церквей XVIII века в селе Шокино Воротынского района», научного сотрудника НИП «Этнос» В.В. Краснова «О датировке объекта культурного наследия регионального значения — учебного корпуса с актовым залом Нижегородской губернской гимназии (КЧ 20. 12. 2012). О творениях В.Г. Шухова на нижегородской земле рассказала выдающийся нижегородский краевед Т.П. Виноградова (КЧ 30.10.2013).

Больше всего выступлений было связано с нижегородской персоналией. Это доклады театрального деятеля, вдовы В.Я. Дворжецкого Р.Я. Левите «Семья Дворжецких: нижегородские страницы» (КЧ 29.02.2012), студента кафедры истории России и краеведения ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.А. Плохих «Основатель хохломской росписи в ее современном виде Георгий Петрович Матвеев» (КЧ 29.01.2014), О.В. Буковой «Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) как церковный и общественный деятель. Опыт общения с владыкой в 1990-е годы» (КЧ 30.10 2013). А.В. Дьяконов, директор

библиотеки Нижегородской духовной семинарии, сделал презентацию электронного издания «Митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов) и его эпоха». Выдающему религиозному деятелю П.И. Каменскому был посвящен доклад краеведа А.А. Маслова (КЧ 29.05.2013). С пушкинской темой связан доклад А.В. Кессель «Нижегородские родословные связи А.С. Пушкина (КЧ 29.05.2013). 170-летию со дня рождения Н.П. Суловой был посвящен доклад краеведа Г.В. Осипова (КЧ 25.09.2013). К персональной тематике относится и доклад Ф.А. Селезнева «Г.Е. Распутин и нижегородский губернатор А.Н. Хвостов» (КЧ 26 11.2014). Имя Григория Распутина неизменно ассоциируется с легендами, интригами и домыслами. Не стал исключением и нижегородский эпизод, о котором поведал Ф.А. Селезнев. «Образ нижегородского губернатора Н.М. Баранова: мифы и реальность» – этот доклад доцента кафедры истории зарубежных стран ННГУ им. Н.И. Лобачевского С.В. Григорьевой и студентки ННГУ Э.З. Фатеховой, прозвучавший 26 марта 2014, сопровождался оригинальной презентацией и вызвал долгие обсуждения в аудитории.

Активное обсуждение вызвал доклад Ф.А. Селезнева «Памяти Н.Ф. Филатова» (КЧ 21.V.2014). Федор Александрович рассказал об основных направлениях краеведческих исследований и значении научного наследия Н.Ф. Филатова: «Даже ошибочные выводы Н.Ф. Филатова давали мощный импульс краеведческим исследованиям». После Ф.А. Селезнева с личными воспоминаниями о Н.Ф. Филатове, эмоциональными, пристрастными и очень искренними, выступил архивист В.А. Харламов. («Выдающаяся личность. Труженик!» – таким было резюме).

Неизменная составляющая программы чтений – презентация новых краеведческих изданий. Нижегородскую энциклопедию промышленности и предпринимательства (Нижний Новгород: Книги, 2011) представил Ф.А. Селезнев (КЧ 29.02.2012). Данное издание очень востребовано в отделе краеведческой литературы НГОУНБ, отмечено премией Нижнего Новгорода. Сразу две книги были представлены на февральских краеведческих чтениях 2013 года. Директор Балахнинского историко-художественного комплекса М.В. Карташова презентовала биографический справочник «Известные балахнинцы». Это, скорее, каталог персоналий: некоторые статьи представлены лишь одной строкой. Информация должна стать отправной точкой для дальнейшего поиска. Заведующий кафедрой истории России НГПУ им. Минина В.П. Сапон рассказал о своей книге «Евреи в общественно-политической жизни Нижегородской губернии (1914–1920)». Ф.А.Селезнев отметил

высокое качество издания, в частности, превосходный справочный аппарат.

На февральских чтениях 2013 года состоялась и презентация электронного издания «Систематический указатель к газете «Нижегородские губернские ведомости» (1838–1902) Н. Драницына», подготовленного в отделе ценных и редких книг и рукописей НГОУНБ. Представляя указатель, заведующая отделом А.О. Марьева рассказала о неточностях, которых в свое время не удалось избежать Н. Драницыну. В электронном варианте указателя они устранены. Благодаря современным поисковым возможностям электронная версия «Систематического указателя...» Н. Драницына – настоящий подарок краеведам. Среди издательской продукции НГОУНБ, представленной на краеведческих чтениях, и научно-вспомогательный библиографический указатель «П.И. Мельников-Печерский: жизнь и творчество» (КЧ 26.02.2014) (составители Л.Е. Кудрина, Л.П. Селезнева). В 2014 году это издание было отмечено премией Нижнего Новгорода в номинации «Краеведение» и получило восторженные отзывы специалистов. Презентации Календарей знаменательных дат осуществляли сотрудники отдела краеведческой литературы Л.И. Шиян и И.Г. Горностаева. Краеведы И.С. Харичев и Г.В. Осипов представили электронное научно-популярное издание «Край наш Ковернинский» (КЧ 27.11.2013).

На сентябрьских чтениях 2013 года краевед М.М. Хорев напомнил о двух знаменитых краеведческих изданиях, отмечающих в 2013–2014 годах свои юбилеи. Это – фотоальбом М. Дмитриева «Фотографии с натуры. Неурожай 1891–1892 гг. в Нижегородской губернии» (Н. Новгород, 1893) и книга очерков В.Г. Короленко «В голодный год» (СПб, 1894). Филолог В.Ю. Белоногова познакомила аудиторию чтений с результатами своих разысканий, касающихся биографии и семейного окружения А.Д. Улыбышева. В первом сообщении «Александр Дмитриевич Улыбышев: начало пути. Нижний Новгород – Саксония» (КЧ 24.04.2013) говорилось о нижегородских корнях А.Д. Улыбышева, заграничном периоде жизни его семьи и о влиянии немецкой культуры на формирование его интеллектуальных интересов. Второе сообщение – «Новое о потомках Александра Дмитриевича Улыбышева» (КЧ 26.02.2014) – было особенно интересно тем, кто знаком с сохранившимся фрагментом воспоминаний А.Д. Улыбышева. За рамками текста читательское воображение рисовало судьбу крепостной возлюбленной Улыбышева, столь же печальную, как судьба возлюбленной Пушкина Ольги Калашниковой. Оказалось, все не так. В.Ю. Белоногова выявила много сведений о потомках А.Д. Улыбышева, с ныне живущими ей довелось общаться. Яркие личности с незаурядными био-

графиями – все они одновременно являются и потомками упомянутой героини воспоминаний.

Многие выступления были приурочены к литературным датам. С двумя сообщениями, посвященными писателям-богородчанам, выступил замечательный богородский краевед В.А. Гурьев: «Сергей Есенин и Николай Степанович Власов-Окский» (КЧ 28.11.2013) и «Федор Алексеевич Желтов: жизнь, творчество, судьба (КЧ 24.09. 2014.)». Ф.А. Желтов известен прежде всего как корреспондент Л.Н. Толстого. В.А. Гурьев говорил о Желтове как об интересном, самобытном писателе. 110-летию со дня рождения А.П. Гайдара был посвящен доклад краеведа М.М. Хорева «Аркадий Петрович Гайдар – газетчик и корреспондент» (КЧ 29.01.2014). К литературному юбилею – 200-летию М.Ю. Лермонтова был приурочен и другой доклад М.М. Хорева: «Нижегородская тропинка к Лермонтову» (КЧ 29.10.2014). Докладчика интересовали родственные и личные связи поэта с Нижегородским краем.

Тема воспитания подрастающего поколения содержательно сближает два интересных доклада, описываемые в которых события разделены дистанцией более чем в сто лет. Автор доклада «Нижегородская земледельческая исправительная колония малолетних (1875–1917 гг.)» (КЧ 28.03.2012) Ю.Г. Галай рассказал об успешной социально-педагогической практике, на протяжении десятилетий осуществлявшейся в земледельческой исправительной колонии неподалеку от с. Растяпино (ныне г. Дзержинск). В колонии могли одновременно находиться около 30-ти подростков. Детей кормили, следили за их здоровьем, прививали трудовые и ремесленные навыки. Доклад кандидата геолого-минералогических наук, доцента кафедры физической географии НГПУ им. Минина Б.И. Фридмана и заслуженного учителя РФ А.А. Карюкиной «20-летие Нижегородского детско-юношеского геологического центра “Самоцветы”» (КЧ 24 04. 2013) был посвящен нашей современности. Летние геологические экспедиции старшеклассников – замечательная идея. Докладчики рассказали, как удачно осуществляется в центре «Самоцветы» решение научных, образовательных и воспитательных задач.

Несколько докладов были посвящены истории культурной жизни края: доклад «Обзор деятельности нижегородских музеев (1867–1917)» (аспирант исторического факультета ННГУ М.Н. Тихонов; КЧ 30.01.2013), «Культурно-просветительные общества Нижнего Новгорода до революции и их издания» (краевед, заслуженный работник культуры РФ Л.И. Шиян; КЧ 24.09.2014). Тема истории нижегородской гуманитарной науки и высшего образования прозвучала в докладе Ф.А. Селезнева «Кафедра истории России и краеведения исторического фа-

культета ННГУ: этапы большого пути» (КЧ 20.12.2012). Ф.А. Селезнев рассказал о становлении кафедры (ровесницы исторического факультета ННГУ), об ученых и преподавателях, вписавших славные страницы в историю российского образования и науки, о научно-образовательном потенциале кафедры в настоящее время.

Среди докладов, касающихся реалий повседневной жизни Нижнего Новгорода в предреволюционные десятилетия, следует отметить выступление члена общества краеведов при городском совете ветеранов Н.В. Бартеневой «О расчетной книжке сормовского рабочего» (КЧ 29.10.2014).

О том, как в Нижегородской губернии функционировали крестьянские волостные суды, рассказал студент ННГУ им. Н.И. Лобачевского А.А. Сорокин (КЧ 28.03.2012). Крестьянские волостные суды появились в эпоху реформ 1860-х годов. В ходе практического воплощения прогрессивная идея претерпевала метаморфозы. На примере конкретных фактов из жизни крестьян Нижегородской губернии докладчик показал, что, несмотря на множество анекдотических ситуаций, связанных с крестьянскими волостными судами, в целом они соответствовали своему назначению.

В 2013 исполнилось 100 лет Нижегородскому отделению Государственного банка. Этому событию был посвящен доклад С.И. Крупиновой (КЧ 29.05.2013).

Период 2011–2014 годов для общества «Нижегородский краевед» был наполнен значимыми событиями и переменами. Преемником Ю.Г. Галая на посту председателя общества стал доктор исторических наук, автор многих книг и публикаций по нижегородскому краеведению, профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского Ф.А. Селезнев. На протяжении многих лет он принимал активное участие в жизни общества: выступал на краеведческих чтениях, рекомендовал доклады своих студентов и аспирантов. На трибуне и в аудитории чтений сейчас много молодежи. В значительной степени это – заслуга Федора Александровича.

Краеведческие чтения 18 декабря 2013 года имели статус конференции. Председатель ознакомил краеведов с изменениями, которые необходимо внести в устав общества. Изменения касаются организационных моментов и призваны способствовать сохранению лучших традиций и максимальной реализации научного и культурного потенциала общества «Нижегородский краевед».

ОТЧЕТ

правления общества «Нижегородский краевед»

о деятельности в 2014 году

По итогам 2013 г. общество «Нижегородский краевед» после перерегистрации насчитывало 27 членов. На 22 декабря 2014 г. в обществе насчитывалось 59 членов. Таким образом, за отчетный период состав общества вырос более чем в два раза.

В составе общества на декабрь 2014 г. 4 почетных члена, 10 действительных членов, 45 членов-корреспондентов.

В 2013 г. в состав общества входили две первичные организации: Исторического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Ковернинского района. В связи с ликвидацией Исторического факультета первичная организация Исторического факультета преобразована в первичную организацию Института международных отношений и мировой истории. В 2014 г. в состав общества включена первичная организация Сокольского района в составе 18 человек.

В 2014 году обществу «Нижегородский краевед» исполнилось 25 лет. Под знаком этой даты велась работа общества, основные направления которой были намечены на конференции в декабре 2013 года.

Основная форма работы общества: организация краеведческих чтений на базе Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеки. В 2014 г. прошло 9 чтений, на которых заслушано 25 докладов.

Согласно Уставу общества «Нижегородский краевед» одна из его главных задач – вовлечение в краеведческую работу студентов и школьников. Для выполнения этой задачи согласно решению конференции общества, состоявшейся в декабре 2013 г., был проведен конкурс молодых историков-краеведов. В 2014 году он был посвящен памяти Ю.Г. Галая. Мероприятие организовали общество «Нижегородский краевед» в лице первичной организации ИМОМИ и Центр краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ. В конкурсе приняли участие студенты и аспиранты нижегородских вузов. Победителем конкурса в номинации «История Нижегородского края» стала аспирантка кафедры истории России и краеведения ИМОМИ ННГУ Л.В. Барина (тема работы «Генеральное межевание Нижегородской губернии во второй половине XVIII века»). Лучшей в номинации «Первая мировая война и Нижегородский край» стала студентка кафедры методологии и исторической информатики ИМОМИ ННГУ М.С. Сычева (тема работы «Ино-

странные военнопленные на территории Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны»). Лауреаты конкурса были награждены дипломами, книгами Ю.Г. Галая и ценными подарками.

Еще одна из задач общества – способствование внедрению в учебный процесс вузов и средних учебных заведений материалов краеведческого содержания. В 2014 г. в учебный процесс ИМОМИ ННГУ силами первичной организации ИМОМИ внедрено учебное пособие «История нижегородского края с древнейших времен до конца XVI века». Автор – председатель общества «Нижегородский краевед» Ф.А. Селезнев.

Общество силами первичной организации ИМОМИ вело пропаганду краеведческих знаний в средствах массовой информации, в том числе в сети ИНТЕРНЕТ. В социальной сети «В Контакте» была создана официальная группа общества «Нижегородский краевед». Она включает 237 участников. Ежедневно страницу посещают в среднем 10 человек из Нижнего Новгорода, городов Нижегородской области, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России, а также с Украины, Белоруссии, США, Италии, Великобритании и других стран. На странице сообщества сообщается о выходе новых краеведческих изданий, происходит их обсуждение, выкладываются оцифрованные книги, фотографии.

7 ноября 2014 г. общество «Нижегородский краевед» наряду с Центром краеведческих исследований ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского и факультетом права НИУ Высшая школа экономики – Нижний Новгород выступили организаторами I научно-практической конференции «Народ и власть: вопросы истории государства и права». Конференция была посвящена памяти Юрия Григорьевича Галая (1945–2012). В конференции приняли участие историки, юристы, краеведы, которые обсудили различные аспекты истории государственных учреждений, проблемы правового взаимодействия народа и власти, а также вопросы охраны памятников истории и культуры. По итогам конференции выпущен сборник трудов: Народ и власть: вопросы истории государства и права: сб. науч. тр. / отв. ред.: И.В. Михеева, Ф.А. Селезнев. Нижний Новгород: Изд-во ООО «Растр-НН», НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2014. 430 с.

Ковернинская первичная организация в 2014 году провела краеведческий конкурс «Край наш Ковернинский», посвященный 85-летию района. В нем приняло участие более 70 человек. Под эгидой Земского собрания и Совета краеведов проводился конкурс «Моя семья – моя держава!» среди учащихся школ, в котором участвовало более 40 человек.

При поддержке депутата Законодательного собрания Нижегородской области М.В. Манухина была организована краеведческая акция «Память» по сбору материала для издания электронного много-томника «Край наш Ковернинский». В 2013 г. был издан 1-й том «Преданья старины глубокой». При финансовой поддержке депутата М.В. Манохина в электронном и бумажном варианте издается книга «Этот день Победы!», соавторами которой стали участники краеведческого конкурса «Наш край». Ковернинское землячество поддержало проект издания 2-го тома электронной книги «Гнездовье жар-птицы», изданной в 2014 г. В настоящее время оргкомитет общества работает над изданием 3-го и 4-го томов, посвященных 70-летию Победы и истории образования и культуры в районе.

Районная газета «Ковернинские новости» проводит конкурс среди читателей на лучший материал, фотографию, посвященные юбилею Победы, истории района.

Совет краеведов один раз в квартал организует встречи краеведов и населения, на которых знакомит с новинками краеведческой литературы и материалами краеведов, готовит методические рекомендации для краеведов. Первичная организация общества краеведов в 2014 г. награждена грамотой-благодарностью областного Законодательного собрания за лучший материал, посвященный художественным промыслам, дипломом районного Земского собрания за активную работу по организации краеведения в районе.

Председатель правления профессор Ф.А. Селезнев

УСТАВ

общества «Нижегородский краевед»

(с изменениями принятыми на конференции общества 18 декабря 2013 г.)

I. Общие положения

1. Общество «Нижегородский краевед» учреждено в 1989 году. Его учредителями были: Горьковское отделение Советского фонда культуры, Государственный архив Горьковской области, Партийный архив Горьковского обкома КПСС, Горьковский историко-архитектурный музей-заповедник, Горьковский государственный музей Н.А. Добролюбова, Горьковский государственный музей А.М.

Горького, Горьковский государственный художественный музей, Горьковская областная библиотека имени В.И. Ленина, областное управление по народному образованию, Горьковский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Горьковский государственный педагогический институт имени М. Горького, Арзамасский педагогический институт имени А.П. Гайдара, институт усовершенствования учителей, горьковское отделение ВООПИК, Горьковское отделение Педагогического общества РСФСР, Горьковское отделение Географического общества СССР, областной совет по туризму и экскурсиям, станция юных туристов. Общество взаимодействует с правопреемниками этих учреждений в деле развития нижегородского краеведения.

2. Общество «Нижегородский краевед» – общественная организация, осуществляющая свою деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации и настоящим уставом. Целью общества является изучение и пропаганда историко-культурных, социально-экономических и этнографических особенностей и традиций жителей нижегородской земли, ее топонимико-географической среды, а также объединение, развитие и координация деятельности нижегородских краеведов.

3. Главным в деятельности общества является поддержание и развитие краеведческого движения в области.

II. Основные задачи и формы деятельности общества

1. Общество «Нижегородский краевед» ставит перед собой следующие задачи:

А) изучение истории, культуры, географии, экономики, экологии Нижегородской земли;

Б) Вовлечение в краеведческую работу студентов и школьников;

В) Помощь в создании на территории Нижегородской области краеведческих и других культурно-исторических объединений;

Г) Пропаганда краеведческих и исторических знаний;

Д) Способствованию внедрению в учебный процесс ВУЗов и средних учебных заведений материалов краеведческого содержания;

Е) Содействие работе по выявлению и сохранению ценностей материальной и духовной культуры, изучению и сохранению природы родного края, наполнению новыми документами и материалами архивов и музеев;

2. Для выполнения своих задач общество осуществляет следующие формы деятельности:

а) организует краеведческие чтения на базе Нижегородской государственной областной научной универсальной научной библиотеки;

б) ведет пропаганду краеведческих знаний в средствах массовой информации, в том числе в сети ИНТЕРНЕТ;

в) издает сборник краеведческих трудов, название которого определяется правлением общества;

г) устанавливает связи, обменивается информацией с родственными обществами других областей, государственными и научно-общественными организациями.

III. Члены общества

1. Членами общества могут быть граждане России, достигшие 14 лет, признающие устав общества и участвующие в его деятельности.

2. Прием членов общества осуществляется правлением общества или первичными организациями общества по письменному заявлению отдельных граждан.

3. Члены общества подразделяются на следующие категории:

А) Члены-корреспонденты. Звание члена-корреспондента присваивается человеку сразу после его вступления в организацию.

Б) Действительные члены. Звание действительного члена общества присваивается члену-корреспонденту общества в том случае, если он не менее пяти раз выступал на краеведческих чтениях, либо имеет не менее пяти печатных публикаций краеведческого содержания, либо внес иной существенный вклад в развитие нижегородского краеведения. Звание действительного члена присваивается председателем общества на основании рекомендации одного почетного члена общества, либо рекомендации одной первичной организации, либо рекомендации двух действительных членов.

В) Почетные члены. Звание почетного члена присваивается действительному члену общества в том случае, если он не менее десяти раз выступал на краеведческих чтениях, либо имеет не менее десяти научных публикаций краеведческого содержания, либо внес иной выдающийся вклад в развитие нижегородского краеведения. Звание почетного члена присваивается председателем общества на основании рекомендации двух почетных членов общества, либо рекомендации двух первичных организаций, либо рекомендации трех действительных членов общества.

IV. Права членов общества

1) Быть избранными во все руководящие органы общества;

2) Создавать первичные организации;

3) Работать с материалами государственных архивов и музеев на основании письменного отношения (ходатайства) общества;

4) Выступать с краеведческими сообщениями, докладами, публикациями, принимать участие в обсуждении всех интересующих их вопросов, которые поднимаются правлением общества;

5) По собственному желанию выходить из общества.

V. Члены общества обязаны

1) Способствовать своей деятельностью осуществлению целей и задач общества, соблюдать его устав;

2) Предоставлять обществу информацию о своих краеведческих изысканиях, выступлениях и публикациях.

VI. Действующие органы общества

1. Организационную структуру общества составляют:

– правление

– первичная организация

2. Высшим руководящим органом общества является конференция, созываемая правлением не реже одного раза в три года.

По требованию не менее двух третей членов общества может быть созвана внеочередная конференция.

С решающим голосом в конференции участвуют делегаты первичных организаций, действительные и почетные члены общества. Вопросы, обсуждаемые конференцией, принимаются большинством голосов.

На конференции имеют право присутствовать члены общества, не являющиеся делегатами.

3. Конференция принимает Устав общества, выбирает председателя общества, определяет основные направления деятельности общества

4. Конференция вносит дополнения и изменения в Устав общества. Она же правомочна решать вопрос о ликвидации общества.

Правление общества

1. В период между конференциями руководит деятельностью общества:

А) Осуществляет решения конференции;

Б) Созывает конференции, устанавливает место и время их проведения, утверждает программу и норму представительства, порядок избрания делегатов;

В) Регистрирует вновь созданные первичные краеведческие организации и утверждает их председателей;

Г) Рассматривает заявления о приеме новых членов общества;

Д) Ведет учет членов общества, проводит их перерегистрацию;

Е) Решения принимает открытым голосованием и простым большинством.

2. Состоит из председателя общества, его заместителя и секретаря.

3. Председатель общества

а) Совместно с правлением разрабатывает программу деятельности общества;

б) Направляет и координирует работу первичных организаций;

в) Назначает и освобождает от должности заместителя председателя и секретаря общества;

г) Организует регистрацию и перерегистрацию членов общества;

д) Рассматривает и утверждает ходатайства о присвоении званий действительный член общества «Нижегородский краевед» и почетный член общества «Нижегородский краевед»;

е) Хранит печать общества;

ж) Ведет переписку от имени общества.

Первичная организация общества

1. Может быть создана по территориальному или производственному принципу.

2. Территориальную организацию могут учредить не менее трех членов общества, проживающих на территории одного населенного пункта (села, города, района).

3. Производственную организацию могут учредить не менее трех членов общества, работающих в одном учреждении или учебном заведении.

4. Члены-учредители первичной организации должны письменно оформить свое решение и направить его правлению общества. После того как правление зарегистрировало первичную организацию, она может приступить к действиям.

5. Высшим руководящим органом первичной организации является общее собрание ее членов. Оно избирает председателя организации.

6. Председатель первичной организации направляет ее работу. В конце каждого года он представляет правлению общества «Нижегородский краевед» отчет о работе организации и список ее членов.

Финансовая деятельность общества

Мероприятия общества финансируются на основе добровольных пожертвований граждан России.

СПИСОК ПОЧЕТНЫХ ЧЛЕНОВ ОБЩЕСТВА «НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД»

Аветисян Владимир Борисович, председатель Нижегородской региональной общественной организации «Родина Хохломы», член Союза журналистов Москвы, исследователь хохломской росписи. Почетный член с 2013. (Ковернинская организация).

Кессель Альбертина Васильевна, долгие годы ответственный секретарь горьковского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, внесла большой вклад в увековечение памяти о выдающихся земляках-нижегородцах и охрану памятников истории и культуры. Почетный член с 25.02.2015.

Лушин Александр Николаевич, доцент кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, автор краеведческих трудов по военной и церковной истории. Почетный член с 24.09.2014.

Хорев Михаил Михайлович, член Союза журналистов России, внес большой вклад в изучение истории фотоискусства в Нижегородском крае. Почетный член с 29.01.2014.

Шиян Людмила Ивановна, ведущий библиограф отдела краеведческой литературы НГОУНБ, долгие годы член редакционной коллегии «Записок краеведов». Почетный член с 26.03.2014.

Содержание

Предисловие 3

Селезнев Ф.А. К вопросу о происхождении нижегородских топонимов «Дятловы горы» и «Почайна» **5**

Сочнев Ю.В. К изучению археологического объекта «Городок» и выяснению его исторической судьбы **11**

Балыкина М.И. Взаимоотношения служилых людей разного этнического происхождения в 1630-е гг. (по материалам Нижегородского и Алатырского уездов) **21**

Варенцова Л.Ю. Из истории дворцового землевладения в Нижегородском уезде в XVII в. (по материалам платежных книг 1660-х гг.) **28**

Ледров С.М. К вопросу об истоках Маровской ярмарки **37**

Агарин Е.В. Толстовцы в Нижегородской губернии **42**

Казарина Н.И. История Нижегородского гончарного завода **58**

Альбов В.Ю. Мобилизация автотранспорта в Нижегородской губернии в начале первой мировой войны **67**

Смирнов С.А. Некрополь Крестовоздвиженского монастыря **80**

Публикации источников

Селезнев Ф.А., Пинаева Т.Ю. П.И. Мельников в Шарпанском скиту (1848 год): документы ЦАНО **98**

Боченков В.В. Всегда был преданным сыном матери-родины и твердым старообрядцем: новые документы о югославском периоде жизни Д.В. Сироткина **111**

Петряев С.В. Нижний Новгород 1920-х гг. (воспоминания В.Ф. Баландина) **125**

Кудрина Л.Е. К истории катакомбной церкви Нижегородского края: по личным воспоминаниям и документам **131**

Работы победителей I конкурса молодых историков-краеведов памяти Ю.Г. Галая

Сычева М.С. Иностранцы военнопленные на территории Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны **152**

Наши юбиляры

Шиян Л.И. Альбертина Васильевна Кессель (к 90-летию со дня рождения) **162**

Сведения об авторах 166

Приложения

Горностаева И.Г. Новые книги по истории Нижегородского края (2012–2015) **168**

Кудрина Л.Е. Краеведческие чтения 2012–2014 гг.: краткий обзор **183**

Отчет Правления общества «Нижегородский краевед» о деятельности в 2014 г. **191**

Устав общества «Нижегородский краевед» **193**

Список почетных членов общества «Нижегородский краевед» **198**

Научное издание

НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЕВЕД

Сборник научных статей

В ы п у с к 1

Ответственный редактор *Ф.А. Селезнев*

Верстка *С.М. Ледрова*

Оригинал-макет подписан в печать 27.08.2015. Формат 84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл.печ. л. 11,6. Тираж 200 экз. Заказ

Отпечатано в типографии Pixel-Print
Тел.: 8-910-390-81-31
E-mail: pixel-print@mail.ru